

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МЕЛЬНИЧУК АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Специальность 07.00.06 – археология

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель –
доктор исторических наук
В.В. Никитин**

Ижевск 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	С. 4-10
Глава I. История изучения памятников грани позднего плейстоцена – раннего голоцена и проблема генезиса мезолита Пермского Приуралья в историографии	С. 11-36
1.1. История изучения памятников грани позднего плейстоцена-раннего голоцена в Пермском Приуралье	С. 12-22
1.2. Проблема генезиса мезолита Пермского Приуралья в историографии	С. 22-37
Глава II. Геолого-геоморфологические условия расположения памятников финального палеолита и палеогеография Пермского Приуралья	С. 37-71
2.2. Палеогеография Пермского Приуралья	С. 37-49
2.3. Геоморфология и стратиграфия памятников финального палеолита	С. 49-71
Глава III. Материальная культура памятников финального палеолита Пермского Приуралья	С. 72-125
3.1. Инвентарь памятников чувской группы	С. 72-93.
3.2. Инвентарь памятников камско-пожвинской группы	С. 93-113
3.3. Инвентарь памятников камско-воткинской группы	С. 113-123
3.4. Предуральская группа памятников.	С. 123-126
Глава IV. Историческое место памятников финального палеолита Пермского Приуралья в каменном веке Волго-Камья	С. 127-169
4.1. Особенности материальной культуры памятников финального палеолита в системе каменного века Волго-Камья. Проблемы культурной принадлежности и периодизация	С. 127-142
4.2. Формы жизнедеятельности и адаптации к природным услови-	С. 142-156

ям Пермского Приуралья общин финального палеолита

4.3. Вопросы формирования и развития финального палеолита С. 156-169

Пермского Приуралья. Проблема генезиса мезолита пермского
Приуралья.

Заключение С. 170-176

Список использованных источников и литературы С. 176-195

Список сокращений С. 196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. За последние десятилетия XX в. почти во всех регионах таежной Евразии получены яркие материалы, свидетельствующие о культурах древнего населения на грани позднего плейстоцена - раннего голоцена. Однако постоянное накопление археологических источников не привело к более или менее четкому разграничению памятников конца палеолита и начала мезолита, как по хронологическим, так и по культурно-типологическим позициям. Трудности проявлялись при уточнении нижней границы существования мезолитических памятников, и эти трудности, по мнению исследователей, носят в значительной степени условный характер (Ошибкина, 1983. С.5.; Станко, 1982. С. 97). Эпоха мезолита большинством ученых хронологически определяется в рамках раннего голоцена, нижняя граница которого синхронизируется с концом позднего дриасса – началом пребореала (ок. 8300 г. до н. э.). Правда, в свое время Г.Н. Матюшин, используя взгляды М.И. Нейштадта, проводившего плейстоценово-голоценовую границу по подошве аллереда (12 000 тыс. лет назад), предлагал отнести начало мезолита к X тыс. до н.э. Исследователь отмечал, что «границы природно-климатических периодов нельзя отождествлять с границами исторических эпох. В частности рубеж плейстоцена и голоцена (8300 г. до н. э.) не следует считать границей палеолита и мезолита по всей ойкумене человечества. Конец палеолита и начало мезолита должны определяться в зависимости от уровня производительных сил (например, по переходу к стандартизации кремневых вкладышей, появлению лука и стрел, элементам производящего хозяйства и т. п.)» (Матюшин, 1976. С. 177; 1978, С. 41, 48). Подобную же точку зрения развивал Д. Я. Телегин (Телегін, 1977. С. 33). Однако предложение Г.Н. Матюшина перенести в таежную зону Евразии датировку нижней границы мезолита, свойственную для Ближнего Востока, не нашло поддержки среди исследователей каменного века России. Неудача теоретической посылки ученого ясно проявилась, когда он отнес к раннему мезолиту позднепалеолитическую стоянку Шикаевка II на юге Западной Сибири с ма-

монтовой фауной на основании только наличия в инвентаре памятника стандартных кремневых вкладышей (Матюшин, 1987. С. 13).

С накоплением источников по позднему палеолиту и мезолиту в Восточной Европе и Сибири возникли проблемы в изучении дальнейших судеб палеолитического населения региона и генезиса мезолита. В связи с этим, начиная с 70-х гг. XX в. в исследованиях археологов распространился термин «финальный палеолит». В их трудах появились заключения о серьезных трудностях, не позволявших на базе имеющихся археологических источников определить явные критерии, по которым можно более или менее четко разграничить между собой конец палеолита и начало мезолита (Римантене, 1971. С. 173; Кольцов, 1977 С. 5; Абрамова, 1984. С. 311; Рогачев, Аникович, 1984. С. 226; Петрин, 1985. С. 62).

Термин «финальный палеолит» стал распространяться в трудах советских археологов под влиянием результатов исследований памятников заключительной поры плейстоцена Центральной Европы – культуры Федермессер, Гамбург, Аренсбург, Свидер (Кольцов, 1977. С. 5 – 6). Более четко хронологическое положение финального палеолита определено Л.Л. Зализняком, который рассматривает его как дриасовую эпоху, начавшуюся около 12 тыс. н.э. на границе аллерада и дриасса III (Зализняк, 1989. С. 3, 164).

В настоящее время понятие «финальный палеолит», не как случайное определение, а как общепринятый хронологический термин, отражающий культуру древнего населения на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена, активно применяется в исследовании памятников каменного века Восточной Европы. В археологии этот хронологический отрезок времени определен палеоклиматическими периодами беллинг – поздний дриасс (Аникович, 1994; Жилин, 2004; Ксензов, 1997; Лисицын С.Н., 2000; Сеницына Г.В., 2000, 2000б; Сорокин, 2006а; 2006б; 2006в; Трусов, 2004).

Наиболее полно трудности изучения памятников финального палеолита Восточной Европы охарактеризованы А.Н. Сорокиным. Следует согласиться с мнением исследователя: проблема выделения и изучения памятников финаль-

ного палеолита «заключается ... в ошибочном определении их возраста и неверном теоретическом подходе к ее решению» (Сорокин, 2006в. С. 84). Эта ошибка привела к тому, что многие памятники с инвентарем явного позднелеолитического облика, залегающие в современных покровных суглинках, из-за отсутствия выраженного «горизонта залегания находок», исследователи обычно относили к эпохе мезолита (Сорокин, 2006в. С. 68).

На территории Пермского Приуралья по сравнению с соседними регионами довольно давно (30 – 40 гг. XX в.) открыты памятники позднего палеолита и мезолита (Талицкий, 1940; Бадер, 1966а). Перед исследователями сразу встал вопрос о генетическом соотношении палеолита Урала и камского мезолита. Эту проблему четко определил О.Н. Бадер в 70 –х гг. XX в. Он справедливо отмечал, что «бедность финальнопалеолитических памятников Урала, с одной стороны, и отсутствие древнейших памятников мезолита, с другой – в настоящее время затрудняет надежное решение вопроса о характере перехода к мезолиту» (Бадер, 1981. С. 46). Одновременно О.Н. Бадер заключил, что «гипотеза о местном возникновении мезолитической культуры у верхней грани плейстоцена представляется предпочтительной...», но « в настоящее время она не подкреплена фактами» (Бадер, 1981. С. 46 – 47).

Медленное накопление материалов, характеризующих культуру древнего населения Пермского Приуралья на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена, затруднило решение этой проблемы в третьей четверти XX в. Но за последние три десятилетия исследований в регионе (С.Н. Коренюк, Э.Ю. Макаров, А.Ф. Мельничук, П.Ю. Павлов) резко возросла источниковая база по финальному палеолиту. Выявлена целая группа самобытных памятников рубежа позднего плейстоцена и раннего голоцена, расположенных компактно тремя территориальными группами в пределах Пермского края.

В последнее время в научный оборот введены новые представительные материалы финальнопалеолитических памятников усть-камской культуры (Галимова, 2001), заключительной поры верхнего палеолита в Среднем Зауралье и на Южном Урале (Сериков, 2000; Нехорошев, Гиря, 2004; Котов, 2004; Широ-

ков, Волков, 2006). Но, несмотря на то, что на территории Пермского Приуралья ведутся активные исследования стоянок позднего палеолита (Павлов, 2002; 2004), материалы, характеризующие культуру древних общин в конце позднеледниковой эпохи, так и не нашли достойного обобщения, за исключением отдельных публикаций. Появление качественно новых материалов по финальному палеолиту Пермского Приуралья, необходимость проведения их сравнительного анализа с памятниками грани плейстоцена и голоцена соседних регионов, определение их исторического места в системе заключительной поры палеолита Урала и Восточно-Европейской равнины требует отдельного исследования.

Объектом исследования выступают памятники финального палеолита Пермского Приуралья.

Предметом исследования является материальная культура, генезис, развитие и дальнейшая судьба памятников финального палеолита Пермского Приуралья, их генетическое соотношение с поселениями камского мезолита.

Территориальные рамки исследования ограничены административной территорией Пермской края, географически включающей в себя основную площадь Среднего Приуралья, западная часть которой примыкает к окраине Восточно-Европейской равнины, а восточная примыкает к уральскому горному кряжу. Выделяются 4 района расположения памятников финального палеолита, приуроченные к бассейну р. Камы – камско-пожвинский, чусовской, камско-воткинский, предуральский.

Хронологические рамки исследования охватывают период заключительной поры верхнего палеолита, который соответствует рубежу позднего плейстоцена и раннего голоцена. В палеогеографической хронологической шкале, по нашему мнению, памятники финального палеолита Пермского Приуралья расположены в пределах от беллинга (13300 – 12400 л.н.) до конца позднего дриасса (11000 - 10300 л.н.). Верхняя хронологическая граница соответствует общепринятой в российской археологии дате формирования мезоли-

тических культур в Восточной Европе в начале пребореальной эпохи (ок. 10300 л. н.).

Степень изученности. Период финального палеолита слабо разработан в научном плане в археологии Пермского Приуралья. Некоторые аспекты материальной культуры, проблемы хронологии и генезиса памятников региона рассматривались в работах О.Н. Бадера, ПР.Ю. Павлова, Э.Ю. Макарова.

Целью исследования является развернутая характеристика, на основе классификации и систематизации имеющихся материалов, памятников финального палеолита Пермского Приуралья и определение их исторического места в каменном веке Урала и Восточной Европы.

Задачи исследования: 1) введение в научный оборот новых материалов памятников финального палеолита Пермского Приуралья; 2) характеристика материальной культуры и определение особенных черт памятников финального палеолита; 3) определение места изученных памятников в финальном палеолите Урала и Восточной Европы; 4) изучение вопросов исторической судьбы финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья и ее генетической связи с камским мезолитом.

Методы исследования. При обработке массового каменного инвентаря памятников финального палеолита и определения их характерных черт использовался статистический метод. При описании категорий каменного инвентаря применялся формально-типологический метод. Описание каменных артефактов основано на номенклатуре позднепалеолитических орудий, разработанных Ф. Бордом и Д. Сонвиль-Бордом (Черныш, 1967; Археологический словарь..... 1991), а также на принципах классификации Г.Н. Матюшина (Г.Н. Матюшин, 1975; 1976). Информация, полученная в ходе использования этих методических подходов, позволила путем применения метода культурно-исторических интерпретаций создать предполагаемую модель жизнедеятельности первобытных охотников и собирателей Пермского Приуралья на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена.

Источниковой базой исследования послужили материалы полевых исследований Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета 1976 – 2005 гг., (О.Н. Бадер, С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук), Пермского государственного педагогического университета (Г.Т. Ленц, А.В. Голдобин), Пермского областного краеведческого музея (В.П. Денисов, Э.В. Чурилов), Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея (Э.Ю. Макаров), Коми научного центра УрО РАН (П.Ю. Павлов). Также привлекались архивные материалы, хранящиеся в кабинете археологии Пермского государственного университета, кабинете археологии Пермского государственного педагогического университета, отделе археологии Пермского областного краеведческого музея, отделе археологии Пермского областного центра по охране и использованию памятников истории и культуры, архиве Коми научного центра УрО РАН. Для сравнительного анализа с археологическими источниками по финальному палеолиту привлечены коллекции памятников усть-камской культуры (Казанский государственный университет, Институт истории Академии наук Татарстана – исследования М.Г. Косменко, М.Ш. Галимовой), коллекции Гаринской позднепалеолитической стоянки и мезолитической стоянки Уральские Зори V (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия – исследования Ю.Б. Серикова). При написании диссертации были использованы опубликованные материалы древних культур грани позднего плейстоцена и раннего голоцена.

Научная новизна работы состоит во введении в научный оборот новых материалов памятников рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена, выявленных в Пермском Приуралье за последние 30 лет. Автором проведена систематизация всех археологических источников по финальному палеолиту, которые, впервые в археологии региона, позволяют определить характерные черты материальной культуры древнего населения на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих работ по древнейшей истории Волго-

Уральского региона, при написании учебников и учебных пособий, при разработке лекционных курсов по археологии и первобытной истории. Данные исследования нашли отражение в полном своде памятников археологии Пермской области и использованы при чтении лекционного курса по археологии Евразии и отдельных спецкурсов по археологии Урала на историческом факультете Пермского государственного университета. Материалы памятников Пермской области применены при создании экспозиций в Пермском областном краеведческом музее. Результаты исследования представлены в «Уральской исторической энциклопедии».

Апробация работы. Основные результаты и выводы работы обсуждались в секторе неолита и бронзы Института археологии РАН в 1988 г., г. Москва; на научных конференциях: X Уральское археологическое совещание, г. Пермь 1988 г.; региональное совещание по проблемам палеолита и мезолита Урала и Поволжья, г. Казань, 1991 г.; региональное совещание по проблемам палеолита и мезолита, г. Пермь, 1993 г.; XIV Уральское археологическое совещание, г. Челябинск, 1999; II Оборинские чтения, г. Пермь, 1999; XVI Уральское археологическое совещание, г. Пермь, 2003. Основные положения работ освещены в 12 научных публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и приложения, которое включает карты, схемы, иллюстрации каменного и костяного инвентаря.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ГРАНИ ПЛЕЙСТОЦЕНА - РАННЕГО ГОЛОЦЕНА И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА МЕЗОЛИТА ПЕРМ- СКОГО ПРИУРАЛЬЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. История изучения памятников грани плейстоцена-раннего голо- цена в Пермском Приуралье

Глубокий интерес к изучению памятников каменного века, возникший в России во второй половине XIX в. (А.С.Уваров, К.С.Мережковский, И.С.Поляков, Д.А.Анучин), нашел отражение в исследовании древностей этого периода в бассейне р. Камы (Формозов, 1983). Первые достоверные местонахождения каменного века в Пермском Приуралье были зафиксированы в 1880 г. М.В. Малаховым на р. Велве и Иньве. Часть каменных орудий, собранных близ д. Шадриной в бассейне р. Иньвы, демонстрировалась им на устроенной УОЛЕ в 1887 г. Научно - промышленной выставке в г. Екатеринбурге (Талицкая, 1952. С. 114, 146). Большинство обнаруженных М. В. Малаховым изделий представляли двустороннеобработанные орудия эпохи неолита или энеолита, однако в коллекции имелись также нуклеусы параллельного принципа раскалывания и узкие пластины, которые вполне могли происходить из слоя разрушенных стоянок эпохи мезолита. Краткие упоминания о находках каменных орудий в пределах Среднего Приуралья содержатся в работе А.П. Иванова (Иванов, 1881. С. 10, 21, 37).

Начало научных исследований памятников каменного века Пермского Приуралья для XIX в., следует связывать с именем Ф.А. Теплоухова, обобщившего все данные и составившего полную для того времени сводку наиболее древних местонахождений этого региона в своей работе «Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии», вышедшей в 1892 г. (Теплоухов, 1892). Исследователь не ограничился только описательной характеристикой древностей каменного века, но провел первичную типологическую систематизацию кремневого инвентаря, дал подробную картину геолого-географических условий расположения памятников, а также пред-

принял попытку петрографического анализа предметов, которые, по его мнению, производились из местного каменного сырья. Относя находки каменного века в целом к неолитическому времени, Ф.А. Теплоухов, одним из первых на Урале, допускал возможность обнаружения в будущем на берегах Камы стоянок эпохи палеолита, основывая свое предположение на находках плейстоценовой фауны в Пермской губернии. В то время, когда вышла статья Ф.А. Теплоухова, мезолит, как понятие определенной стадии развития материальной культуры каменного века, еще не утвердился среди исследователей, но ряд каменных изделий, происходивших со стоянок бассейна р. Иньвы (узкие ножевидные пластины, конические нуклеусы, некоторые типы скребков) вполне могут быть отнесены к мезолитической эпохе. К сожалению, Ф.А. Теплоухов не дал более подробного описания условий нахождения каменных предметов и их рисунков, что затрудняет использование его работы в качестве полноценного источника (Теплоухов, 1892. С. 27 – 63).

Стационарные исследования памятников каменного века в Среднем Прикамье были начаты только в 30-х гг. XX в. КАЭ ГАИМК, организованной в 1932 г. На основе изучения ряда местонахождений каменного века, особенно на материалах стоянки в урочище Гладком близ устья р. Чусовой, А. В. Шмидт впервые сделал предположение о наличии памятников эпохи мезолита в Пермском Приуралье (Шмидт, 1935. С. 166 – 175). Впоследствии Н. А. Прокошев отнёс материалы стоянки в урочище Гладком ко времени позднего неолита и бронзы, не отрицая и возможности обнаружения более древних памятников, «так как, почти, несомненно.... районы Приуралья должны были заселены до эпохи позднего неолита и бронзы» (Прокошев, 1941. С. 115). В Государственном Эрмитаже хранятся выразительные мезолитические материалы стоянки Гремячий Ручей, исследованной Н.В. Прокошевым до войны (Прокошев, 1936). Комплекс стоянки чрезвычайно близок к материалам поселения Огурдино (наличие боковых ретушных и срединных резцов, пластин с ретушным усечением). Этот памятник явно характеризует раннемезолитическую культуру Перм-

ского Приуралья. Отчего на материалы стоянки Гремячий Ручей последующие исследователи не обратили внимания, не ясно.

В довоенный период КАЭ ГАИМК начала планомерные поиски стоянок эпохи палеолита в Среднем Прикамье, в которых помимо Н.А. Прокошева принимали участие М.В. Талицкий, П.И. Борисковский и В.И. Громов. Обследование местонахождений четвертичной фауны долго не давало положительных результатов (Прокошев, 1941. С. 115 – 116). Однако в 1938 г. М.В. Талицкий открыл первый палеолитический памятник в этом регионе – Островскую стоянку, впоследствии названную его именем. Материалы памятника и сопутствующие им фаунистические остатки позволили датировать его периодом позднего палеолита, и соотнести с материалами сибирских верхнепалеолитических стоянок типа нижнего слоя Афонтовой Горы II (Талицкий, 1940. С. 136 – 140). Впоследствии взгляды М.В. Талицкого о близости материальной культуры Островской стоянки к памятникам эпохи позднего палеолита Сибири были развиты О.Н. Бадером, который исследовал этот выдающийся памятник каменного века Урала в 1945 – 1952 гг. (Бадер, 1960. С. 92).

К сожалению, война прервала на долгий срок археологические исследования в Среднем Приуралье. Однако открытие позднепалеолитических и неолитических памятников в Пермском Приуралье подготовило почву для дальнейших поисков новых археологических объектов каменного века, включая и памятники заключительной стадии позднего плейстоцена и раннего голоцена.

Качественно новый этап в изучении памятников каменного века Пермского Приуралья связан с работами КАЭ ПГУ в пределах зон затопления возводимых в конце 40 – 50-х гг. XX в. Камского и Воткинского водохранилищ. Руководил этими крупными полевыми исследованиями О.Н. Бадер. Именно ему принадлежит заслуга выявления первых достоверных мезолитических комплексов в обширных районах бассейна р. Камы. Благодаря тщательной методике изучения памятников каменного века и бронзы, использованию новейших для того времени методов типологического и статистического анализа каменного инвентаря, а также геолого-геоморфологическим наблюдениям, О.Н. Бадеру

удалось выявить значительные мезолитические стоянки с микролитическим инвентарём – Нижнее Адищево, Камо-Жуланово, Огурдино, Ольховско-Первомайская (Бадер, 1963. С. 14).

Первой работой, посвященной характеристике мезолитической культуры Пермского Приуралья, является статья об исследовании стоянки у д. Нижнее Адищево на р. Чусовой в 1947 г. (Бадер, 1951). В ней впервые поставлен вопрос о микролитическом характере кремневой индустрии мезолитических памятников Прикамья, также сделан вывод об их близости к одновременным стоянкам Волго-Окского бассейна. Высокий уровень пластинчатой индустрии памятника определялся методом соотношения отщепов и ножевидных пластин, что позволило использовать этот индекс как хронологический показатель. Открытие первого мезолитического комплекса стоянки Нижнее Адищево дало возможность О.Н.Бадеру, применяя типологический метод и характер расположения находок на стоянке Лёвшино, вычленив из ее материалов набор изделий из пластин, включая черешковые наконечники стрел «постсвидерского облика», которые, по его мнению, происходили из слоя разрушенной эппалеолитической стоянки (Бадер, 1949. С. 121 – 132). В последующем О.Н. Бадер не обращался к материалам стоянки Лёвшино как мезолитическим. Наконечники стрел на пластинах, с его точки зрения, были характерны для эпохи энеолита Прикамья (Бадер, 1963. С. 15). Интересно, что исследователь уже при открытии первых мезолитических стоянок Среднего Приуралья сделал смелое предположение об определенной их генетической связи с материалами местного позднего палеолита типа стоянки имени Талицкого (Бадер, 1949. С. 14).

В 1949 г. в Верхнем Прикамье близ г. Усоля В.П. Денисовым и В.А. Обориным открыта стоянка Огурдино с кремневым комплексом, сразу привлечшим внимание О.Н.Бадера. В результате крупных раскопок (800 кв. м.) на памятнике получен значительный комплекс предметов, отличавшихся заметным своеобразием – пластины с усеченным ретушью концом, выемчатые высокие симметричные трапеции, боковые ретушные резцы, которые встречались вместе с традиционными микролитическими изделиями камского мезолита. По

мнению О.Н. Бадера, материалы стоянки Огурдино характеризовали определенный этап в развитии камского мезолита, названный огурдинским и отнесенный к более раннему времени, чем стоянки с микролитическим инвентарем типа Нижнее Адищево. К сожалению, исследователь не успел полностью опубликовать весь мезолитический комплекс поселения Огурдино. Однако он в своих статьях неоднократно обращался к материалам поселения, О.Н.Бадером дана общая характеристика кремневого инвентаря памятника и изданы отдельные орудия (Бадер О.Н., 1953, с. 82 – 83; 1956. С.54 – 55; 1966. С. 197; Бадер, Оборин, 1958. С. 27 – 28). Тщательная полевая методика раскопок стоянок и фиксация кремневого материала по площади распространения и глубинным отметкам позволила О.Н.Бадеру на поселении Огурдино выделить первое жилое сооружение эпохи мезолита на Урале (Бадер, 1966. С. 199. Рис. 2). Вслед за исследованиями поселения Огурдино начаты раскопки стоянки Камо-Жуланово (Бадер, Тихонов, 1954). В ходе ее изучения получен микролитический материал, в целом близкий к нижнеадищевскому, но более выразительный. Исследователи памятника проводили аналогии мезолитического комплекса стоянки Камо-Жуланово с материалами Волго-Окского бассейна типа стоянок Борковской, Скнятино, Елин Бор, сближая ее со среднесвидерскими, а стоянку Нижнее Адищево с позднесвидерскими (Бадер, Тихонов, 1954. С. 109). В то же время был поставлен вопрос о своеобразии камских стоянок, что проявилось, по мнению исследователей, в отсутствии наконечников стрел на пластинах с выделенным черешком и появлении геометрических изделий. Все эти данные позволили выделить в Прикамье особую культуру (камская мезолитическая область) и в дальнейшем, помимо западных связей, искать для нее южные (Бадер, Тихонов, 1954. С. 109). К концу 50-х годов XX в. под руководством О.Н. Бадера КАЭ ПГУ было исследовано 12 стоянок с микролитическими комплексами, среди которых наиболее выдающиеся – Ольховско-Первомайская, Барская Пристань, Верхне-Раздорная (Бадер, Оборин, 1960. С. 17.)

После обширных новостроечных работ в зоне строительства Камского и Воткинского водохранилищ КАЭ ПГУ начала значительные исследования в са-

мых северных районах Пермского Приуралья. Эти работы были связаны с предполагаемым строительством Верхнекамской ГЭС. Детальное обследование зоны предполагаемого водохранилища, проведенное учениками О.Н. Бадера (В.А.Оборин, В.П. Денисов, Ю.А. Поляков) привело к открытию значительного числа памятников различных исторических эпох, в том числе каменного века, среди которых выделялись бескерамические местонахождения. На ряде выявленных памятников В.П. Денисовым и В.А. Обориным проведены небольшие полевые работы (Лекмартово I, Казанцево I – II, Гашково, Усть-Урол). Однако лишь незначительную часть этих исследователи стоянок рассматривались как мезолитические – Дуброво, Казанцево I – II, Гашково, Найденово (Оборин, 1964. С. 198 – 199; 1968. С. 16).

Определенная сложность в датировке комплексов каменного века северных районов Среднего Приуралья привела к тому, что время их функционирования измерялось в широких хронологических пределах от эпохи мезолита до эпохи раннего металла. Присутствие в материалах стоянок северных районов Пермского Приуралья микропластин, нуклеусов параллельного принципа скалывания, резцов, сечений пластин, рассматривалось исследователями как пережиток мезолитической каменной индустрии в этом регионе в эпоху неолита – энеолита (Оборин, 1962. С. 11). В 1968 г. В.П. Денисовым выявлена самая северная в Среднем Приуралье для того времени стоянка – Березовское озеро. Материалы стоянки позволили отнести ее к заключительной фазе развития камского мезолита и сблизить с одновременными комплексами памятников Печеро-Вычегодского бассейна (Денисов, 1969. С. 314 – 315).

Помимо исследований в северных районах Пермского Приуралья КАЭ ПГУ проводила изучение памятников на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, где в 1962 г. В.П. Денисовым обнаружена и следованна группа памятников с бескерамическими кремневыми комплексами в бассейне р. Косы (Косинская I – IV, Лельская стоянки). На Косинской I стоянке проведены раскопки и изучены остатки небольшого сооружения (12 кв.м.) с очагом в центре (Денисов, Мельничук, 1987).

В 1966-67 гг. КАЭ ПГУ проведены небольшие работы в бассейне р. Сылвы, где наиболее значительные раскопки были организованы на поселении Шумково (В.Ю. Лещенко, В.П. Денисов, В.А. Оборин). На памятнике кроме остатков материальной культуры эпохи средневековья (неволинская культура) и поздней бронзы (ерзовская культура) выявлен значительный комплекс изделий микролитического облика – ножевидные пластины, угловые и боковые ретушные резцы, высокие трапеции с боковой выемкой. Именно на поселение Шумково впервые после знаменитой стоянки Огурдино в Среднем Приуралье, обнаружены геометрические микролиты. Здесь же изучено два жилища площадью до 40 кв.м., которые, по керамике в их заполнении, были отнесены к эпохе поздней бронзы, хотя на полу сооружений и в пределах грунтовых очагов выявлены микропластины и две трапеции. Первоначально весь кремневый комплекс поселения Шумково был датирован финалом эпохи раннего металла, а геометрические микролиты В.Ю. Лещенко типологически определил как «топоровидные с поперечным лезвием наконечники стрел» эпохи бронзы (Лещенко, 1966. С. 1 – 11). В.А.Оборин справедливо счел возможным датировать пластинчатый комплекс поселения Шумково эпохой мезолита (Оборин, 1967. С. 50). Впоследствии памятник исследовалось в 1976 (В.А. Оборин, Г.Т. Ленц) и 1984 гг. (Г.Т. Ленц). В материалах новых раскопок выделялся комплекс микролитических изделий с редкими высокими выемчатыми трапециями (Оборин, 1976; Ленц, 1984).

В целом, хотя КАЭ ПГУ и не занималась в 60-е гг. XX в. целенаправленным изучением памятников эпохи мезолита, но накопленные материалы в этот период все же давали возможность дополнить представления о характере материальной культуры мезолитических охотников Пермского Приуралья. Однако излишняя осторожность в датировке выявленных бескерамических комплексов в определенной степени затруднила их историческую интерпретацию.

Параллельно с изучением раннеголоценовых памятников продолжались поиски и обследование позднепалеолитических местонахождений в приустьевой части р. Чусовой и в предгорных районах Среднего Приуралья (Бадер,

1965. С. 44; 1968. С. 145). Ряд позднепалеолитических местонахождений обнаружены Е.П. Блинецовым в гротах и пещерах региона. Особо следует отметить находку костяного наконечника стрелы с орнаментом шигирского типа с вкладышами из яшмы в голоценовых слоях пещеры Подземных охотников (Блинецов 1964; 1965. С. 116 –117).

В 70-90-х гг. XX в. КАЭ ПГУ были активизированы работы по исследованию раннеголоценовых памятников. В 1975-76 г. К.М. Русановой исследовано крупное мезолитическое поселение Усть-Онолва с микролитическим инвентарем в пределах Коми-Пермяцкого автономного округа (Русанова, 1976. С. 202). В 1978, 1982, 1984 гг. А.Ф. Мельничуком изучались классические стоянки камского мезолита со стандартным микролитическим инвентарем близ г. Березники (Мельничук, 2001). Кроме этого в этот период были открыты и активно изучались стоянки поздней стадии камского мезолита (Голый Мыс, Усть-Половинная), материалы которых давали возможность говорить о генетической связи с кремневыми комплексами камского неолита с гребенчатой керамикой (Мельничук, Бординских, Мокрушин и др. 2001).

В 1984, 1993, 1995 гг. КАЭ ПГУ вновь обратилась к исследованию поселения Огурдино – одного из крупнейших памятников камского мезолита в Среднем Приуралье (Мельничук, 1989: 1994). Новые раскопки подтвердили взгляды О.Н. Бадера на характер материальной культуры этого памятника и правомерность выделения в мезолите Среднего Приуралья определенной хронологической стадии, названной им огурдинской. Серьезным прорывом в изучении проблемы генезиса мезолита было открытие в Среднем Приуралье целой группы памятников, каменная индустрия которых явно отражала своеобразный переходный характер культуры древних охотников от позднего палеолита к раннему мезолиту. В 1976 г. И.К. Кирьяновым и П.Ю. Павловым в приустьевой части р. Чусовой была открыта стоянка Горная Талица, материалы которой дали существенный толчок к изучению проблемы происхождения камского мезолита и его генетической взаимосвязи с позднепалеолитическими памятниками региона. В 1984, 1995 гг. (А.Ф. Мельничук, Е.Л. Лычагина) на размытой водами

Камского водохранилища площадке памятника был произведен тщательный поквартный сбор каменных изделий (Мельничук, Павлов, 1987; Лычагина, 1996).

В 1973 г. на р. Чусовой В.П. Денисовым была открыта размытая водами водохранилища стоянка Пеньки, которая в 1976 и 1982 гг. была обследована А.Ф. Мельничуком и В.П. Мокрушиным, зафиксировавшие скопление каменных предметов, где найдено две выемчатые трапеции (Денисов, 1973; Мельничук, 1982).

В 1988 г. в приустьевой части р. Чусовой, в непосредственной близости от стоянки Горная Талица отрядом археологической экспедиции Пермского педагогического университета под руководством А.В. Голдобина начаты исследования городища Усть-Сылва. В ходе этих работ неожиданно выявлен комплекс каменных изделий, типологически близкий материалам стоянки Горная Талица. Исследования памятника были продолжены в 1989 - 1990 г. (А.В. Голдобин) и в 2005 г. (Э.В. Чурилов), в результате чего была собрана представительная коллекция каменных изделий финальнопалеолитического облика, включая 7 выемчатых трапеций (Голдобин, 1989; Голдобин, Денисов, Мельничук и др., 1991). В этом же районе в 1995 г. А.Ф. Мельничуком и М.Г. Лабутиным выявлен еще один памятник финального палеолита Верхние Гари (Лычагина, 1996). Таким образом, в приустьевой и средней части р. Чусовой, где ранее отмечались классические позднепалеолитические стоянки и местонахождения (стоянка имени Талицкого, Конец Гор, Ромахино, Заозерье) неслучайно зафиксирована целая группа памятников, отражающих культуру древних охотников на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена (Горная Талица, Нижние Гари, Пеньки, Усть-Сылва).

С 1982 г. и до настоящего времени проводятся значительные исследования по поиску и изучению палеолитических памятников на берегах Камского водохранилища в приустьевой части рек Иньвы и Обвы, в ходе которых были выявлены как раннепалеолитические (Ганичата, Слудка, Тупица), так и классические позднепалеолитические комплексы (Шированово, Гарчи I, Емельяниха,

Ганичата I – II, Палкино и др.) – (Павлов, 1996, 2002; Павлов, Макаров, 1998). В связи с этим открытие в этом районе в 1989-1992 гг. Э.Ю. Макаровым стоянок, характеризующихся каменным инвентарем финальнопалеолитического облика (Усть-Пожва I – V, Горка, Русское Веретье) не является чем-то неожиданным (Макаров, 1992, 1997).

В 1981-1983 гг. памятники с инвентарем финальнопалеолитического облика были выявлены С.Н. Коренюком в прибрежной зоне Воткинского водохранилища в пределах Пермской области. Среди них наиболее крупные сборы совершены на стоянке Рязанов Лог (Еловский район) и Ягодное I (Оханский район) – (Коренюк, 1983; Коренюк, Мельничук, 1985). В 1985 г. стоянка Ягодное I была обследована А.Ф. Мельничуком (Мельничук, Мокрушин, 1987). В 1999 г. памятники с каменным комплексом типа стоянки Ягодное I обследованы С.Н. Коренюком в прибрежной зоне Воткинского водохранилища в приустьевой части р. Очер (Окуловский остров I – III) – (Коренюк, Чурилов, 2001; Чурилов, Коренюк, 2002).

В 2000-2002 на водораздельных пространствах бассейна р. Тулвы выявлены новые комплексы (Кресты II, Устиново) которые можно отнести к самому финалу палеолита (Чурилов, 2001; Коренюк, Чурилов, 2004).

Таким образом, за долгие годы исследования памятников эпохи позднего палеолита и мезолита накоплен богатый и разнообразный материал, позволяющий получить совершенно новую информацию о культуре древних охотников, обитавших на территории Пермского Приуралья на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. Очень важной представлялась проблема генезиса камского мезолита и его генетического соотношения с памятниками поздней поры верхнего палеолита Среднего Приуралья. Поэтому возникла необходимость исследования определяющих черт материальной культуры древнего населения этого региона на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена, которые могли формироваться в Среднем Приуралье как минимум со второй половины остатков времени на базе памятников типа стоянки имени Талицкого.

1.2. Проблема генезиса мезолита Пермского Приуралья в историографии

Взгляды на проблему финального палеолита Прикамья и генезиса камского мезолита стали складываться и находить отражение в научной литературе сразу же после открытия в регионе КАЭ ПГУ под руководством О.Н. Бадера достоверных раннеголоценовых памятников с микролитическим инвентарем.

С накоплением источников по камскому мезолиту О.Н. Бадеру удалось определить характерные черты раннеголоценовых микролитических памятников Пермского Приуралья, наметить их периодизацию и впервые на Урале поставить проблему их происхождения, что нашло отражение в его обобщающих статьях по изучению каменного века Урала. Первоначальные взгляды исследователя на характер и природу камского мезолита освещены в совместной с В.А. Обориным книге «На заре истории Прикамья», где более конкретно поставлен вопрос о южном влиянии на формирование микролитической индустрии в Пермском Приуралье (Бадер, Оборин, 1958. С. 34). В этом же издании, опираясь на свой вывод о принадлежности стоянки имени Талицкого к «позднепалеолитической культуре сибирского варианта», для памятников которой характерны макролитические изделия, О.Н. Бадер сделал вывод о том, что микролитическая индустрия камских памятников в своей основе является европейской и не имеет «генетических связей с местной позднепалеолитической культурой» (Бадер, Оборин, 1958. С. 34). О. Н. Бадер представлял раннемезолитическую культуру Прикамья в виде материалов стоянки Голый Камень в Тагильском Зауралье с макролитическим инвентарем. Именно гипотетические носители макролитической раннемезолитической культуры Прикамья были вытеснены на север пришельцами «из областей Понто-Каспия и Нижней Волги» сформировав в регионе комплексы стоянок типа поселения Огурдино с микролитическим инвентарем и геометрическими изделиями (Бадер, Оборин, 1958. С. 34 – 35). Этот вывод был дополнен аргументацией в обобщающей статье 1960 г., где автором отмечалось, что «микролитический характер камского мезолита не вытекает из местного палеолита (*типа стоянки имени Талицкого* – А.М.) и его трудно объ-

яснить иначе, как этническим сдвигом мезолитических племен из областей Прикаспия, Поволжья, Причерноморья к северу в Среднее Поволжье (?) и Приуралье» (Бадер, 1960. С. 98). Вывод о южных «пonto-каспийских» истоках микролитической индустрии камского мезолита декларирован и в других обобщающих работах О.Н. Бадера (Бадер, 1963. С. 18; 1966. С. 197).

О.Н.Бадер определял хронологические рамки существования памятников эпохи мезолита с микролитическим инвентарем в Пермском Приуралье в пределах VII - IV тыс. до н. э. Поначалу исследователь выделял в развитии камского мезолита три последовательных этапа: огурдинский, камо - жулановский, нижнеадищевский (Бадер, 1956а. С. 8). Однако впоследствии О. Н. Бадер остановился на двухчленной периодизации, сместив комплекс стоянки Камо - Жуланово в нижнеадищевский этап. Первая ранняя стадия развития материальной культуры мезолитического населения Среднего Приуралья характеризовалась памятниками типа поселения Огурдино (огурдинский этап) с кремневым микролитическим инвентарем, которому сопутствовал небольшой комплекс архаичных геометрических изделий, пластин с усеченным ретушью концом, боковых ретушных резцов. Относительная датировка огурдинских комплексов определялась им в рамках VII – VI тыс. до н. э. Более поздние мезолитические памятники со стандартной микролитической индустрией относились к нижнеадищевскому этапу, датированному в пределах VI – IV тыс. до н.э. Материальная культура нижнеадищевских памятников характеризовалась чрезвычайно высоким уровнем микролитизации кремневого инвентаря, отсутствием трапеций и усеченных пластин. Однако эта схема, по мнению О.Н. Бадера, носила рабочий характер, а периодизация камского мезолита являлась делом будущего, и «наиболее ранние формы мезолитической культуры Прикамья, вероятно, остаются еще неизвестными» (Бадер, 1966. С. 198).

Обращаясь к проблеме происхождения и формирования мезолитической культуры Среднего Приуралья, О.Н. Бадер использовал материалы стоянки Голый камень в Тагильском Зауралье (раскопки В.М. Раушенбах), гипотетически рассматривая доогурдинский этап «как автохтонную уральскую мезолитиче-

скую культуру, возникшую на местной палеолитической основе» (Бадер, 1963 .С. 17; 1966. С. 204). Не исключено, что определенное влияние на мнение исследователя о макролитическом характере доогурдинского или раннего этапа камского мезолита оказали взгляды В.Я. Брюсова, который, вслед за В.М. Раушенбах, соотнес материалы Голого Камня с мезолитическими комплексами Швеции и спроецировал вывод о макролитическом характере развития каменной индустрии на весь мезолит лесной полосы Европейской части России (Брюсов, 1962. С. 27 – 28).

Соглашаясь с точкой зрения В.Я. Брюсова лишь отчасти, О.Н. Бадер предполагал макролитический характер мезолитической культуры Прикамья только на ранних этапах ее развития (предогурдинский), непосредственно близких к палеолитической эпохе, гипотетические памятники которых составляли «ареал реконструируемой автохтонной культуры урало-сибирского мезолита». Примерами подобных памятников в Волго-Камье он считал стоянки типа Ильмурзино и Постников овраг II (Бадер, 1966. С. 204).

Памятники с микролитическим инвентарем, по О.Н. Бадеру, не имели местных корней и их индустрия формировалась под влиянием южных (пonto - каспийских) импульсов, выразившихся как в мощном культурном влиянии, так и в проникновении на территорию Среднего Приуралья этнических групп, усиливших «здесь европеоидный антропологический элемент и приведших, скорее всего, уже тогда к появлению..... компонента из Северного Причерноморья, присутствие которого в Волго-Камье зафиксировано в более поздних памятниках». Этот процесс происходил на огурдинском этапе, свидетельством чему косвенно служили находки трапещей на поселении Огурдино (Бадер О. Н, 1963. С. 18).

На основании взглядов О.Н. Бадера развитие камского мезолита можно рассматривать как двухкомпонентный процесс: ранний этап (ранний мезолит) – автохтонное развитие мезолитической культуры на базе местных памятников эпохи палеолита урало-сибирского круга; поздний этап (поздний мезолит) – формирование мезолитической микролитической культуры Среднего Приура-

ля под влиянием «южных культурных элементов «понто - каспийского происхождения».

С открытием мезолитических памятников на соседних со Средним Приуральем территориях (Печоро-Вычегодский бассейн, Нижнее Прикамье, Южный Урал) была отмечена существенная близость стоянок этих регионов к памятникам камского мезолита, как по характеру кремневого инвентаря, так и по условиям их расположения. Все эти памятники были объединены О.Н. Бадером в системе камской мезолитической культуры или этнокультурной общности (Бадер, 1966. С. 201. Рис. 3).

В своих последующих трудах, базирующихся на открытии позднепалеолитических памятников Урала и Западной Сибири, О.Н. Бадер отказался от своей гипотезы о макролитическом характере перехода от палеолита к мезолиту на Урале, предполагая автохтонную трансформацию материальной культуры позднепалеолитического населения в мезолитическую, что, по его мнению, иллюстрировали комплексы позднеплейстоценовых стоянок типа грота Столбового, Черноозерье II и особенно Шикаевки, где были обнаружены ассиметричные трапеции (Бадер, 1967. С. 10; 1981. С. 46–47).

Раннеголоценовые бескерамические памятники Среднего Приуралья с появлением первых публикаций привлекли внимание различных исследователей, занимавшихся проблемами каменного века Урала и сопредельных территорий. Долгое время мезолитические стоянки в этом регионе оставались единственными на Урале и по ним судили о характере материальной культуры мезолитического населения на окраине Восточной Европы. А.А.Формозов подчеркивал своеобразие мезолита Приуралья по отношению к мезолиту Волго-Окского бассейна, что особенно, по его мнению, проявилось в отсутствии на стоянках этого региона наконечников стрел на пластинах с выделенным черешком, свойственных для среднерусских мезолитических памятников (Формозов, 1959. С. 80, 99, 116). Занимаясь вопросами влияния мезолитических культур юга на материальную культуру населения лесной полосы европейской части

России, исследователь справедливо отмечал сложность проблемы определения направлений этих этнокультурных связей. Обращая внимание на появление геометрических изделий в лесной ландшафтной зоне Восточной Европы как на характерный показатель этих связей, он подчеркивал: «только тщательный анализ разновидностей этих орудий поможет нам решить, откуда – с Кавказа или Прикаспия – проникли геометрические орудия на Среднюю Волгу или в Прикамье» (Формозов.1972.С.34, 35). По мнению А.А. Формозова, южные элементы материальной культуры в виде геометрических микролитов могли проникать в Прикамье «по течению Волги в лесную зону не позднее IV тыс. до н. э.» (Формозов, 1973. С. 237 – 238). Исследователь, соглашаясь с выводами О.Н. Бадера о появлении этих изделий в Среднем Приуралье в связи «с влиянием южной нижневолжской зоны», указывал на то, что небольшое число геометрических микролитов, найденных в Прикамье, не определяет в целом характер и лицо уральского мезолита (Формозов, 1977. С. 88 – 89).

К материалам мезолита Пермского Приуралья в свое время обратился В.Ф. Старков при подготовке обобщающего очерка для многотомного издания «Археология СССР». В этой работе исследователь не обращался к проблемам генезиса камского мезолита, в целом рисуя традиционную картину развития раннеголоценовых памятников региона. Однако, характеризуя материалы поселения Огурдино, В.Ф. Старков, в отличие от схемы О.Н. Бадера, относил данный памятник к поздней фазе мезолита, на основании наличия в инвентаре памятника высокого индекса орудий на отщепах и крупных пластинах. Находки двух выемчатых трапеций в материалах памятника исследователь рассматривал как явление исключительное в мезолите Пермского Приуралья, связывая их появление в этом районе с комплексами средневолжских стоянок типа Тетюши III, которые «сыграли основную корреспондирующую роль в отношении камско-вятских трапеций» (Старков, 1989. С. 128).

К проблеме финального палеолита – раннего мезолита обращался в своих исследованиях, посвященных позднеплейстоценовым памятникам Пермского Приуралья П.Ю. Павлов. Исследователь является сторонником точки зрения о

том, что памятники эпохи позднего палеолита типа стоянки имени Талицкого, группируемые им в систему среднеуральской культуры, имеют сибирские генетические корни (Павлов, 1996; 2002. С. 204). В своей сводной работе по палеолиту Среднего и Северного Приуралья он высказал предположение, что финальнопалеолитические – раннемезолитические памятники типа стоянки Горная Талица, формировались под непосредственным влиянием материалов усть-камской культуры, носители которой появились в Чусовском Прикамье в период «позднеледникового потепления» (Павлов, 1996. С.133).

Интересные выводы по характеру материальной культуры населения на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена были опубликованы Э.Ю. Макаровым, открывшим целую группу стоянок этой временной стадии на правом берегу Камы близ пос. Усть-Пожва. Автору впервые в Среднем Приуралье удалось выявить стратиграфические условия залегания артефактов этого времени в верхней части II террасы р. Камы. Э.Ю. Макаров справедливо увязывал проблему генезиса мезолита Среднего Приуралья с материальной культурой позднего палеолита региона (Макаров, 1997. С. 111; 2002. С.9).

С активизацией исследований по каменному веку в соседних со Средним Приуральем областях было выявлено много новых стоянок эпохи мезолита и ряд местонахождений позднего палеолита. Исследователи этих памятников в поисках аналогий, а также их хронологического и культурного определения неоднократно обращались к материалам позднего палеолита и мезолита Пермского Приуралья. С открытием памятников эпохи мезолита на Средней Волге и Нижней Каме появилась возможность для сравнительного анализа материальной культуры древних охотников раннего голоцена этих близких в территориальном отношении регионов. Первоначально А.Х. Халиков, исследователь памятников этого периода, не находил общих черт мезолита Среднего Поволжья ни с волго-окскими стоянками, ни с камскими, отмечая однако, что отсутствие наконечников стрел на пластинах в комплексах Пермского Приуралья их «несколько сближает.. со средневожскими памятниками» (Халиков, 1966. С. 193).

С дальнейшим накоплением материалов в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье А.Х. Халиков поставил вопрос о генезисе мезолита в этом регионе, поддержав гипотезу О.Н.Бадера о макролитическом характере каменной индустрии стоянок Волго-Камья в самом начале голоцена. По мнению ученого, у истоков мезолита региона стояли комплексы типа стоянки Постников овраг II, которые долгое время сохраняли палеолитические традиции и испытывали влияние памятников каменного века сибирского круга (Халиков, 1969. С.18 – 19).

Однако А.Х. Халиков не согласился с точкой зрения О.Н. Бадера о продвижении в Волго-Камье понто-каспийского населения и выдвинул ценный тезис о том, что появление трапечий и увеличение числа микропластин в инвентаре памятников «на Волге и в Приуралье могло вызваться совершенно иными (не южными) импульсами» и мезолит этих районов развивался на местной основе «уходящей своими корнями в сибирский лесной эппалеолит и мезолит». Следует отметить, что исследователь явно не делал знака равенства между понятием «эппалеолит» и «мезолит», подразумевая по первым периодом памятники грани позднего плейстоцена – раннего голоцена. А.Х. Халиков не отрицал и возможность западного влияния на формирования мезолитической культуры Волго-Камья (Халиков, 1969. С. 26 – 27). Впоследствии исследователь, опираясь на новейшие работы по каменному веку Волго-Камья, более конкретно подчеркивал автохтонный характер генезиса мезолита и выделял в регионе переходный период на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена, датировав его в пределах X – IX до н.э. (Халиков, 1988. С. 6, 7, 9).

Существенные материалы для изучения проблемы генезиса мезолита и его эволюции в Среднем Поволжье и Нижнего Прикамья были опубликованы казанским археологом М.Г.Косменко. Им был выявлен совершенно новый для Волго-Камья пласт выразительных памятников типа Сюкеевский Взвоз, который он датировал концом палеолита – ранним мезолитом. Эти стоянки, включая и чисто мезолитические поселения, близкие к поселению Огурдино, содержавшие в материалах боковые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины и трапечии, исследователь выделил в определенную культуру, разделенную на

три хронологических этапа и названную им усть-камской (Косменко, 1972. С. 4 – 7; 1977. С. 94 – 97). М.Г. Косменко предполагал формирование ранних памятников усть-камской культуры на основе стоянок восточно-европейского палеолита «возможно, на Волге или к западу от нее» (Косменко, 1977. С. 95). Он отрицательно относился к точке зрения А.Х. Халикова о внедрении в конце палеолита – начале мезолита на Волгу этнических групп из Сибири, а стоянку Постников овраг II сближал с памятниками усть-камской культуры. Поздние этапы усть-камской культуры определялись материалами, сочетающими в себе как архаичные элементы (боковые резцы, усеченные пластины, высокие симметричные выемчатые трапеции), так и микролитические изделия. Эти памятники, по М. Г. Косменко, относились к бореальному периоду (Косменко, 1972. С. 11). Вопрос о появлении геометрических изделий в Волго-Камье, по его мнению, «не поддается точному определению», так как на памятниках этого региона нет того разнообразия этих орудий, более характерного для южных районов Европы (Косменко, 1972. С. 9 – 10). Исследователь также отмечал отличие материальной культуры памятников усть-камского типа от мезолитических стоянок Верхнего Поволжья, а наличие отдельных общих черт (ретушные резцы, усеченные пластины) им объяснялись некоторыми близкими чертами палеолитической подосновы их формирования. В культурном отношении он отчленял памятники усть-камской культуры от микролитических стоянок приуральского мезолита. По мнению М.Г. Косменко, население усть-камской культуры лишь на позднем этапе начинает движение вверх по Каме, что демонстрируют материалы поселения Огурдино. По этой гипотезе следовало, что «по мере продвижения усть-камского населения на север степень микролитизации на стоянках с трапециями увеличивается, параллельно уменьшается число архаичных орудий» (Косменко, 1977. С. 97). Памятники с микролитическим инвентарем Нижней Камы, по М.Г. Косменко, имели наибольшее сходство с микролитическими комплексами Пермского Приуралья типа стоянок Нижнее Адищево и Каможуланово, синхронным III этапу усть-камской культуры, отнесенным хронологически к концу бореального – началу атлантического периодов (Косменко,

1972. С. 98 – 99). В то же время он, вопреки взглядам О. Н. Бадера, не рассматривал появление микролитической индустрии в Волго-Камье как результат эволюционной трансформации материальной культуры населения этого региона на базе памятников типа Огурдино и Тетюши III и определял, что «нет веских оснований считать культуру с трапециями субстратом микролитической культуры на Каме и тем более в Приуралье, хотя она могла явиться одним из компонентов при сложении культур более позднего времени» (Косменко, 1978. С. 21).

После незначительного перерыва в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье были продолжены исследования стоянок позднего палеолита – раннего мезолита, которые ведёт в настоящее время М. Ш. Галимова. Получены новые материалы и геологическое обоснование датировки стоянки Сюкеевский Взвоз, которая отнесена к переходной поре от палеолита к мезолиту. М.Ш. Галимова, вслед за М.Г.Косменко, относит памятники этого хронологического пласта к кругу культур палеолита Русской равнины, которые, отличаясь от них заметным своеобразием, образуют особую группу средневолжских стоянок (Галимова, Дедков, Мозжерин, 1983. С. 75 – 76).

В последующих работах исследовательница на основе новых источников конкретизировала локальные особенности памятников усть-камской культуры, считая, что при близости материалов к приуральским стоянкам типа Горная Талица и Усть-Сылва, нет никаких оснований объединять их в единое культурное образование и «существенное сходство» стоянок Волго-Камья следует объяснять наличием «некоей общности населения Среднего Поволжья и Приуралья». М.Ш. Галимова высказала также мнение о местном генезисе трапеций в инвентаре памятников Среднего Поволжья (Бутаков, Галимова, Мозжерин, 1988; Галимова, 1991; 1992. С. 16; 1994. С. 12 – 13; 1996. С. 45 – 48). В обобщающей работе исследовательница ввела в научный оборот новые материалы по позднему палеолиту (Лобач II, нижний слой Камского Устья II, Долгая Поляна II), переходной поре от палеолита к мезолиту (Долгая Поляна I, Беганчик). М.Ш. Галимова, защищая оригинальность усть-камской культуры на окраине Восточной Европы, в тоже время, подчеркивает ее определенную близость к одновремен-

ному кругу памятников Пермского Приуралья (Горная Талица, Усть-Сылва) и некоторое сходство со стоянками позднего палеолита Верхней Волги (Алтыново, Золоторучье I) и в качестве гипотезы указывает на бытование «на рубеже палеолитической и мезолитической эпох на Верхней и Средней Волге, а также в Приуралье населения с общими традициями в расщеплении камня и изготовлении инвентаря», единство которых следует рассматривать, по М.В. Аниковичу, «как историко-культурная область» (Галимова, 2001.С.148 –150).

Другой археолог казанской школы К.Э. Истомин, вопреки мнению М.Ш. Галимовой, считает, что в ареал усть-камской культуры включаются и приуральские переходные от палеолита и мезолита памятники типа стоянки Горная Талица (Истомин, 1993. С. 13). Микролитические памятники Нижней Камы, следуя традиционной гипотезе, разработанной О.Н. Бадером, исследователь относит к камской культуре, но её генезис склонен связывать с зауральским субстратом (Истомин, 1993. С.16 – 17).

В конце 50-х – начале 60-х XX в. годов были открыты первые мезолитические стоянки Печоро-Вычегодского бассейна, непосредственно примыкающие к ареалу камского мезолита. Памятники бассейна р. Вычегды, изученные Г.М. Буровым, отличаются высоким уровнем микролитизации кремневого инвентаря и сближались им со стоянками камского мезолита Пермского Приуралья (Буров, 1961; 1965. С. 58). Однако расчленить раннеголоценовые микролитические комплексы Вычегодского бассейна ранние и поздние группы исследователю не удалось в силу унифицированности кремневого материала стоянок в целом. Правда, на стоянке Пезмог I и Сандибейю I Г.М. Буровым выявлены трапеции с вогнутыми сторонами, которые он сближал с находками поселения Огурдино (Буров, 1962). Находки трапеций в бассейне Вычегды позволили О. Н. Бадеру включить мезолит этого региона в область распространения камской культуры и предполагать наличие на территории Северного Приуралья памятников типа стоянки Огурдино (Бадер, 1966. С. 199). Происхождение памятников вычегодского мезолита с микролитическим инвентарём Г.М. Буров связы-

вал с миграциями населения из Пермского Приуралья (Буров, 1965. С. 160 – 161).

Значительную группу мезолитических стоянок в бассейне р. Печоры обследовал В. И. Канивец (Канивец, 1973. С. 23). Эти памятники, как и мезолитические объекты Вычегодского бассейна, обладали высоким уровнем микролитизации кремнёвого инвентаря, но и имели и оригинальные черты – наконечники стрел на пластинах с выделенным черешком, шлифованные орудия (Топыд-Нюр II). В.И. Канивец полагал, что мезолитические материалы Северного Приуралья свидетельствуют о различных путях заселения этого региона в раннем голоцене: западный – волго-окский и балтийско-днепровский мезолит; южный – камский мезолит (Канивец, 1967. С. 4). Однако, ни Г.М. Буров, ни В.И. Канивец, несмотря на открытие в бассейне р. Печоры позднепалеолитических памятников Медвежья пещера и Бызовая, не ставили вопроса об автохтонном формировании мезолитической культуры в Северном Приуралье.

С середины 80-х гг. XX в. активные изыскания по проблеме мезолита в Печоро-Вычегодском бассейне проводит А.В. Волокитин, которому удалось установить хронологическую позицию памятников с наконечниками стрел на пластинах типа Топыд-Нюр. Микролитические комплексы этих памятников он сближает с материалами бутовской культуры и в их генезисе усматривает влияние свидерской финальнопалеолитической традиции. Классические микролитические памятники этого региона, по его мнению, близки к приуральским камским стоянкам (Волокитин, 1986. С. 23; 1994, С. 15-16). А.В. Волокитин полагает, что следует «предполагать общую генетическую основу данного круга мезолитических памятников в материалах заключительного этапа верхнего палеолита Урала и Западной Сибири типа стоянки Талицкого, Черноозерье II, Гари, Горная Талица» (Волокитин, 1997. С. 117-118).

Целый ряд интересных памятников эпохи мезолита изучено в 60-70-е гг. XX в. на Южном Урале благодаря работам Г. Н. Матюшина. В этом регионе им выделено две различных культурных общности. Первая - предуральская (бельская) группа памятников исследователем ранее относилась, вслед за О.Н. Бадее-

ром, к локальному варианту камской мезолитической культуры (Матюшин, 1962.С.62). Вторая группа стоянок объединена по понятием «зауральская мезолитическая культура» (Матюшин, 1964.С.14). Стоянки этой культуры содержали разнообразные геометрические изделия, что резко отличало их от памятников соседних приуральских культур. С течением времени Г.Н. Матюшин объединил предуральскую группу памятников в романовскую или романовско-ильмурзинскую, а зауральскую в янгельскую культуру (Матюшин, 1969.С.46; 1976.С.139-153). Наличие отдельных трапеций в материалах стоянок Пермского Приуралья типа Огурдино исследователь объяснял связями с Южным Зауральем (ареал янгельской культуры), для памятников которых характерны геометрические изделия якобы аналогичные огурдинским (Матюшин, 1969.С.47; 1976.С.154).

Ознакомившись с новыми материалами по мезолиту Пермского Приуралья, исследователь внедрял на все Приуралье и Средний Урал ареал распространения памятников с микролитической индустрией и редкими наконечниками стрел, характерными для романовско-ильмурзинских комплексов. В него он включал собственно романовско-ильмурзинскую, среднеуральскую (кошка-ровско-юринскую) культуру и памятники типа стоянки Новожилово в Пермском Приуралье с типично нижнеадищевскими комплексами кремнёвых изделий, среди которых встречаются отдельные острия, типологически напоминающие наконечники стрел. Интересны взгляды Г.Н. Матюшина о том, что эти памятники формировались на основе позднего палеолита типа нижнего слоя стоянки Ильмурино (Матюшин, 1976.С.194; 1983.С.114). Однако следует согласиться с А.В. Волокитиным, что крайне «немногочисленные материалы этого слоя не позволяют безоговорочно принять точку зрения исследователя» (Волокитин, 1997.С.118). Г.Н. Матюшин считал что, материалы стоянок с микролитическим инвентарем типа Нижнее Адищево и Новожилово по технике обработки пластин и орудий мало отличны от романовско-ильмурзинских комплексов и отсюда декларировался явно необоснованный вывод, что «в Прикамье сталкивались в эпоху мезолита две группы населения - одна шла с юга Предуралья

(видимо, этнический импульс с территории романовско - ильмурзинской культуры - А.М.), а вторая с Южного Зауралья (с территории янгельской культуры), которая находит подтверждение по находкам трапещий на стоянках Огурдино и Пеньки на р. Чусовой» (Матюшин, 1985. С. 91). На основе взглядов Г.Н. Матюшина можно сделать вывод о том, что наряду с местными мезолитическими памятниками типа Нижнее Адищево в Пермском Приуралье появляются носители романовско-ильмурзинских традиций в обработке и изготовлении орудий (стоянка Новожилово), которые формировались на базе позднепалеолитических комплексов нижнего слоя стоянки Ильмурзино, а также янгельских (Огурдино, Пеньки), генезис, которых он видел в материалах финальноплейстоценового памятника Шикаевка. Таким образом, Г.Н. Матюшин практически полностью исключал возможность автохтонного развития классических мезолитических памятников Пермского Приуралья на базе местного позднего палеолита, защищая традиционную точку зрения о привнесении микролитической индустрии в этот регион пришельцами с южных территорий Приуралья и Зауралья.

За последние десятилетия резко пополнилось количество раннеголоценовых памятников эпохи в Среднем Зауралье, которые, как и классические памятники камского мезолита, отличает высокий уровень микролитизации инвентаря. В своей обобщающей работе по каменному веку лесного Зауралья В.Ф. Старков находил много общих черт в мезолите этого региона и Прикамья, определяя важность таких характеристик, как отсутствие наконечников стрел и малочисленность геометрических микролитов. Отдельные находки геометрических изделий в лесном Зауралье исследователь рассматривал как изделия, которые имели южное происхождение. В. Ф. Старков придерживался мнения о формировании мезолита лесного Зауралья на базе позднепалеолитической культуры типа стоянок Черноозерье II и Гаринская (Старков, 1980. С. 22).

Однако благодаря успешным и целенаправленным работам Ю. Б. Серикова точка зрения о характере материальной культуры мезолита Среднего Зауралья значительно изменилась. Им выделены основные черты мезолита этого региона – наличие в комплексах поперечноретушных резцов, нуклевидных скреб-

ков, скребков на расколотых нуклеусах, отдельных шлифованных рубящих орудий, геометрических микролитов в виде низких симметричных, ассиметричных трапеций и прямоугольников, наконечников стрел на пластинах (Сериков, 1984. С. 15 – 16; Сериков, Старков, 1989. С. 136 – 140; 2000. С. 130 – 131). В своей ранней работе сложность проблемы генезиса мезолита Среднего Урала Ю. Б. Сериков объяснял слабой изученностью палеолитических памятников этого региона, но, как и многие исследователи принимал во внимание гипотезу о местном происхождении раннеголоценовых памятников (Сериков, 1984. С. 17).

В ходе последующих изысканий на Среднем Урале Ю. Б. Серикову удалось открыть выразительные комплексы с выемчатыми трапециями типа стоянки Уральские Зори I в бассейне рек Туры и Чусовой (Сериков, 1992. С. 37 – 38; 1996). Первоначально исследователь считал, что эти памятники имеют более позднюю хронологическую позицию по отношению к классическим микролитическим объектам Среднего Зауралья. Познакомившись с новыми материалами Пермского Приуралья типа стоянки Горная Талица, Ю. Б. Сериков отметил их чрезвычайную близость к материалам стоянки Уральские Зори I и высказал мнение о возможном появлении трапеций с боковыми выемками на восточном склоне Урала по р. Чусовой из области камского мезолита. Это свидетельствовало о достаточно тесных контактах между общинами мезолитических охотников Пермского Приуралья и Среднего Зауралья (Сериков, 1998. С. 123; 2000. С. 189 – 190).

Интересные материалы получены по мезолиту Удмуртии. В ходе исследований Т. М. Гусенцовой выделено два этапа развития мезолита Камско-Вятского междуречья: ранний, представленный памятниками типа Баринка II и поздний – типа Баринка I. Хронология этих стадий определяется первыми для того времени радиоуглеродными датами по мезолиту Приуралья – в пределах от середины VII тыс. до н. э. до середины VI тыс. до н. э. (Гусенцова, 1983. С. 130 – 146; 1993. С. 64). Ранее Т. М. Гусенцова ставила под сомнение обоснованность выделения огурдинской стадии в развитии камского мезолита, намечен-

ной О. Н. Бадером. Памятники Камско-Вятского междуречья, где были найдены отдельные трапеции с боковыми выемками (Архангельское III, Моторки II) исследовательница считала возможным отнести к заключительной фазе мезолита (Гусенцова, 1983 .С. 144). Публикация новых материалов по финальному палеолиту – раннему мезолиту Волго-Камья позволило Т.М. Гусенцовой в обобщающей работе по каменному веку Камско-Вятского междуречья скорректировать свою точку зрения и более осторожно относиться к датировке комплексов типа стоянки Архангельское III, которые содержали трапеции с боковыми выемками. Эти комплексы автор сопоставляет с материалами усть-камской культуры, в Камско-Вятском междуречье «проявляющейся не совсем отчетливо» (Гусенцова, 1993. С. 66 – 67).

Таким образом, в изучении вопросов генезиса мезолита Приуралья исследователи каменного века региона придерживались и придерживаются мнения об автохтонном его формировании на базе местного позднего палеолита. Современное состояние источников, характеризующих материальную культуру древнего населения Пермского Приуралья на грани плейстоцена и раннего голоцена позволяют, используя для сравнения материалы усть-камской культуры Среднего Поволжья, на новом качественном уровне осветить этот период в древней истории региона.

ГЛАВА II.

ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

2.1. Палеогеография Пермского Приуралья

Сложный и разнообразный облик современного рельефа и природных условий Пермского Приуралья обусловлен длительными геолого-геоморфологическими процессами, протекавшими в глубокой древности и климатическими особенностями этого региона, менявшимися как в широтном, так и в меридиональном направлении. Своеобразная геоморфологическая обстановка на территории Пермского Приуралья оказала сильное воздействие на характер формирования различных природных ресурсов, которые привлекали в его районы древнее население, начиная с эпохи раннего палеолита.

Пермское Приуралье, включая в себя значительные области верхнего и среднего течения р. Камы, протянулось с севера на юг почти на 600 км, а с запада на восток приблизительно на 400 км. Западная часть региона расположена на окраине Русской равнины, характеризуясь относительно ровным или слабохолмистым рельефом местности, а восточная – приурочена к территории западных предгорий Урала, представляющей собой горную местность с сильно развитым карстом. Между ними выделяется переходная холмисто-увалистая полоса Предуралья с сложным рельефом местности (Сандлер, Чазов, 1959. С.17)

Пермское Приуралье расположено в лесной зоне. Наиболее густая сеть лесов прослеживается на севере и востоке региона. В его южной и западной части лесистость резко снижается, что связано в основном с антропогенным фактором. Из лесов преобладают темнохвойные, образованные сибирской и европейской елью, а также сибирской пихтой. В этих лесах встречается кедровая сосна (сибирский кедр), которая в основном растет на северо-востоке региона. На песчаных ледниковых наносах и древних речных отложениях расположены светлохвойные леса, значительная часть которых сосредоточена на северо-

западе Пермского Приуралья. Первичные коренные мелколиственные леса (береза, осина) сохранились только в виде небольших массивов в восточных районах. В южных районах Пермского Приуралья имеются широколиственные лесные образования европейского характера с преобладанием липы, клена и даже дуба, которые являются реликтами древних широколиственных лесов, простиравшихся, видимо в термический максимум атлантического периода, далеко к северу, вплоть до верхнего течения р. Печоры (Николаев, 1959. С.4 – 16; Пермская губерния от «А» до «Я», 2001.С. 288).

Фауна Пермского Приуралья образована европейскими и сибирскими видами животных и птиц. Животный мир носит ярко выраженный таежный облик. Наиболее крупные животные лоси. В северных районах региона встречаются северные олени. С восточного склона Урала в область Пермского Приуралья в малоснежные зимы заходят сибирские косули. Повсеместно встречаются медведи волки, реже росوماхи, а также пушные звери – куница, горностай, белка и бобр (Николаев, 1959. С. 128 – 136; Пермская губерния от «А» до «Я», 2001. С. 94 – 95).

Территория Пермского Приуралья чрезвычайно богата каменными сырьевыми ресурсами. В аллювиальных отложениях долины р. Камы, а также в обнажениях коренных пород встречается разнообразный каменный материал, как в виде крупных жильных месторождений, так и мощных гравийных россыпей. Это однородные голубовато-серые и черные кремни, происходящие из верхних и средних визейских, а также девонских отложений; яшмы и яшмовидные породы, приуроченные на Среднем Урале к толще силурийских и нижнедевонских отношений и тянущиеся длинной полосой вдоль западного склона Урала. Яшмы и яшмовидные породы встречаются в переотложенном виде в казанских и татарских пестроцветных отложениях, где они представлены главным образом гальками, а в отдельных случаях валунами (Старков, 1960. С. 77 - 79). Характерно, что различные кремни и яшмы составляют значительную часть (до 35%) аллювия, который привнесен крупными притоками Камы (Чусовая, Яйва,

Косьва, Вишера), размывающими казанские, татарские и артинские отложения восточной части Пермского Приуралья (Лунев, Кропачев, 1959. С. 11 – 12).

Реки региона, за исключением водоемов, приуроченных к водосбору р. Печоры, принадлежат к бассейну р. Камы, которая является основной водной артерией. Левобережные притоки р. Камы (Чусовая, Вишера, Яйва) в верховьях имеют горный характер, а в низовьях они представляют типичные равнинные реки с широкой поймой и развитой старичной системой, как и у рек (Иньва, Обва, Очер) западной части Пермского Приуралья (Таусон, 1947. С. 124 – 127; Матарзин, Шкляев, 1959. С. 74 - 90).

Долина р. Камы – наиболее крупный элемент рельефа Пермского Приуралья. Она простирается по восточной окраине Русской равнины и врежется в нижний ярус ландшафта западного склона Урала. В своем верхнем течении р. Кама имеет высокий крутой правый берег, образованный глиной пермской системы и левый, низкий, представляющий собой сильно заболоченную равнину. До создания водохранилищ во многих местах долина реки хорошо расчленилась на древнюю террасу, надпойменную ступень и современную пойму, поднятую над межевым уровнем на 2 – 2,5 м. Начиная от устья р. Чусовой рельеф береговой части р. Камы становится более однообразным. Отходя от Уральских предгорий р. Кама вступает в хорошо разработанную долину, спускающуюся несколькими террасами к руслу реки. До создания водохранилищ здесь, кроме I надпоймы, хорошо прослеживалась II надпойменная терраса и в результате легкой размываемости постплиоценовых отложений существовали многочисленные протоки и старицы (Таусон, 1947. С. 127 - 137). В связи с созданием Камского и Воткинского водохранилищ геоморфологическая обстановка в долине р. Камы существенно изменилась. В их ареале полностью уничтожена I надпойменная песчаная боровая терраса, а также происходят мощные абразионные процессы, разрушающие отложения II и III надпойменных террас и коренных уступов (Печеркин, 1966. С. 92).

В долине р. Камы, а также в приустьевой части ее крупных притоков обычно выделяется низкая, затапливаемая в половодье, пойма, высокая пойма,

четыре надпойменных террасы и высокая равнина. Отложения поймы обычно прислонены к I надпойменной террасе. Первая надпойменная (боровая) терраса прослеживалась почти по всей долине р. Камы. В разных местах высота ее менялась от 10 - 15 до 18 – 20 м, в зависимости от наличия делювиального чехла неодинаковой мощности и прирусловых валов. Для отложений I надпоймы характерно 2 литологических горизонта. В основании терраса была сложена песчано-гравийными отложениями, которые сливались с нижними горизонтами поймы. На них лежали кварцевые пески, нередко с линзами суглинков, которые привнесены с северных районов Пермского Приуралья из области распространения флювиогляциальных песков верховий р. Камы. Горизонт песков, иногда также перекрывался глинами и суглинками, образование которых приходилось на конечные этапы валдайского периода. Первая надпойма являлась аккумулятивной террасой, так как подошва ее аллювия находилась ниже уреза воды (Лунев, Кропачев, 1959. С. 8 – 11; Печеркин, 1996. С. 93). Для настоящей работы процесс формирования и строение I надпойменной террасы р. Камы и ее притоков представляет особый интерес, так как именно в ее толще залегал культурный слой некоторых памятников финала палеолита Пермского Приуралья (Горная Талица, Верхние Гари).

Вторая надпойменная терраса - цокольная. В ее основании залегают гравийно-песчаные отложения, а иногда видны кварцевые валуны, находящиеся в породах пермского времени. Верхний чехол отложений состоит из кварцевых песков, реже суглинков и глин, перекрывающих пески или включенные в них. Эта терраса представляет собой увалистую полосу, на поверхности которой имеется большое количество дюнных гряд, образованных в результате переувлажнения и последующего закрепления сосновыми борами песчаного аллювия. В качестве классического примера можно привести террасу, на которой расположено известное мезолитическое поселение Огурдино. Осадочные породы, слагающие II надпойму покрывают и III надпойменную террасу. Отложения, слагающие II надпойменную террасу, на участках молодых неотектонических по-

нижений перекрываются осадками I террасы (Лунев, Кропачев, 1959. С. 8; Введенская, Болонкин, 1970. С. 104).

Третья и четвертая надпойменные террасы сохранились лишь местами и представляют собой образования цокольного типа, повсеместно переходящие в высокую равнину. Гравийно-песчаное основание III надпоймы перекрывается мощными перегляциального типа суглинками с линзами галечников. Четвертую террасу в нижней части слагают синевато-серые, реже буро-серые озерные глины. Верхнюю часть ее формируют буровато-коричневые суглинки перегляциального типа. Водораздельные пространства Пермского Приуралья покрыты лессовидными суглинками, сформировавшимися в водной среде. Они залегают прямо на коренных породах с галькой и валунами пермской системы (Печеркин, 1966. С.94 - 95).

Геологическая история формирования террас р. Камы необычайно сложна и представляет существенный интерес для изучения палеогеографической обстановки Пермского Приуралья в различные периоды четвертичной эпохи.

Долина р. Камы близкая к современной сформировалась во второй половине среднего плейстоцена (Лунев, 1962. С.103). В это время уже существовала IV надпойменная терраса, которая на средней Каме отнесена В.Я. Яхимович к верхнеплиоценовому времени, а также формируется III надпойма, что подтверждается находками позднехазарского фаунистического комплекса в ее нижних отложениях (Яхимович, 1970. С. 194). Наиболее характерные участки III надпойменной террасы с археологическими остатками наблюдаются в приустьевой части р. Сылвы, где в нижней ее толще найдена нижняя челюсть трогонтерия, архаичные изделия из кварцита, а также в нижнем течении рек Обва и Гаревая – местонахождения Слудка и Ганичата (Гуслицер, Павлов, 1987. С. 6 - 7; Павлов, Денисов, Мельничук. 1995).

В среднем и позднем плейстоцене в результате палеотектонических движений происходило равномерное повышение всей территории Пермского Приуралья и разобшение Камского речного бассейна от северных рек, что привело к присоединению к нему долины верхней Камы, расположенной в поле разви-

тия кварцевых песков средней юры и приустьевых отложений среднеплейстоценового возраста. Заканчивался этот цикл тектонических процессов относительным выравниванием придолинных понижений и формированием монотонной толщи средне-позднеплейстоценового аллювия II надпоймы и половодчювиогляциальных отложений (Введенская, Спирин, Болонкин и др. 1968; Спирин, Орлов, 1977. С. 64 - 65).

С суглинками, перекрывающими толщу отложений II надпоймы, по данным В.И. Громова, связана большая часть находок костей мамонта, шерстистого носорога и других животных поздней стадии плейстоцена. На основании изучения разрезов террас в приустьевой части р. Чусовой он отнес ее формирование к рисс-вюрмскому времени (Громов, 1948. С. 14).

В позднем плейстоцене при относительно слабых палеотектонических поднятиях, деградации ледниковых покровов на северо-востоке Русской равнины начинается формирование фациально дифференцированных толщ I надпойменных террас, завершение образования которых происходит в период раннеголоценовых поднятий, обусловивших создание уступа I надпоймы р. Камы (Горецкий, 1964. С. 122; Шмыров, Болонкин, Спирин, 1977. С. 49; Спирин, Шмыров, 1984. С. 108 – 109).

К сожалению, достаточно полная и ясная корреляция геологических и палеоботанических данных с археологическими, которая позволила бы точнее установить время формирования отложений I надпойменной террасы, а также верхней пачки слоев II надпоймы, до сих пор не произведена из-за отсутствия выразительного споро-пыльцевого материала, затрудняющего хронологическую атрибуцию памятников финального палеолита и определение географической среды в период их функционирования. В этой связи интерес представляют исследования отложений I надпойменных террас, проведенных в отдельных районах Пермского Приуралья без связи их с конкретными археологическими объектами. Так в иловатом алевроите верхних отложений I надпоймы р. Колвы, правого притока р. Вишеры отмечены мхи, папоротники, а также пыльца ели, сосны, ивы, березы, ольхи, травянистых растений семейства крестоцветных,

зонтичных, злаковых и полынных. Преобладание пыльцы травянистых растений в этих отложениях, по мнению В.А. Лидера, свидетельствует о степных и лесостепных ландшафтах, существовавших в период формирования аллювия верхней части I надпойменных террас бассейна р. Камы в северных районах Пермского Приуралья. В аллювии I надпойменной террасы р. Чусовой также отмечен общий елово-сосновый спектр с примесью березы, широколиственных деревьев (липа, вяз) и с наличием пыльцы травянистых растений большего разнообразия, чем в более древних осадках. Завершение формирования I надпойменных террас речных систем Урала В.А. Лидер, как и другие исследователи, относит к концу плейстоцена – началу голоцена (Лидер, 1976. С. 104, 107).

Для характеристики палеогеографических условий, в которых формировались молодые террасы р. Камы представляет определенную ценность исследования, проведенные Г.Н. Лисицыной на месте расположения памятников эпохи позднего мезолита и энеолита близ с. Камо-Жуланово на средней Каме. Из верхних песчаных отложений террас, в которых содержались археологические находки, не удалось получить ясных данных, которые позволили бы сделать наблюдения по палеогеографической ситуации во время существования древних поселений. Однако Г.Н. Лисицыной были установлен характер палеогеографических условий в период формирования этих террас. По наблюдениям исследовательницы, формирование возвышенного 16-метрового участка террасы происходило в период существования на прилегающей территории (пихтово-елово-кедровой) тайги с незначительной примесью мелколиственных пород при полном отсутствии широколиственных лесов. Образование более низкого 12-метрового участка террасы заканчивалось уже в окружении растительности южно-таежного облика в более мягких климатических условиях. На основании своих исследований Г.Н. Лисицына сделала вывод, что находки изделий позднего мезолита на стоянке Камо-Жуланово стратиграфически намного моложе аллювия I надпоймы (Лисицына, 1965).

Анализируя данные археологии и геологии, О.Н. Бадер при уточнении датировок периода создания речных террас в Пермском Приуралье отнес фор-

мирование II надпоймы к началу вюрма, так как в нижних горизонтах ее аллювия залегал культурный слой стоянки имени Талицкого. Присоединяясь к точке зрения исследователей, относящим время образования I надпоймы к концу плейстоцена – началу голоцена, О.Н. Бадер отметил, что мезолитические стоянки Пермского Приуралья с микролитическим инвентарем занимают поверхность уже сформировавшихся высоких (до 14 м) I надпойменных террас, на которых древнее население селилось уже в бореальный период, когда шло русловое накопление аллювия поймы, закончившееся в эпоху бронзы (Бадер, 1957. С. 308; 1960).

Важное значение для изучения памятников рубежа позднего плейстоцена и начала голоцена представляет реконструкция климатической и ландшафтной обстановки на территории Приуралья. В Европе в период позднеледниковья отмечаются интерстадиалы: беллинг с среднегодовыми подъемами температур на 2-3 градуса, аллеред – на 5-7 градусов (Долуханов, 1966. С. 64). Уже в конце плейстоцена или в древнем голоцене (по М.И. Нейштадту) складывается современная географическая зональность (Нейштадт, 1957). В этот период наблюдается относительное потепление, но климат остается суровее современного. В среднем голоцене тундра на материке исчезает, уступая место тайге, простиравшейся до Ледовитого океана, а в позднем голоцене наблюдается обратное движение географических зон на юг. По данным М.И. Нейштадта, передвижение географических зон в голоцене говорило о частой смене климатических условий, но во временной амплитуде они были более ограничены, чем колебания в плейстоцене (Нейштадт, 1957. С. 115). По реконструкциям современных палеоклиматологов на территории Урала в позднеледниковье была малоснежная умеренно суровая зима с температурами до 20 – 30 градусов ниже нуля и влажное умеренно холодное лето с температурами 10 – 15 выше нуля. В среднем голоцене зима остается умеренно суровой, но более мягкой с температурами 10 – 20 градусов ниже нуля, а лето становится теплым, влажным со средней температурой 20 градусов выше нуля (Авенариус, Мурашова, Спасская, 1978. Таб. 3 – 4). Правда, следует отметить, что эта реконструкция климата в раннем голоце-

не имеет приблизительный характер, и динамика изменений климатических условий на рассматриваемой территории была более сложной и многообразной.

Интерес представляет тщательное исследование палеоботанических данных, которые подтверждались радиоуглеродными датировками, позволившие Н.А. Хотинскому создать четырехфазную схему развития голоценовой флоры Среднего Урала. Для раннего голоцена первая фаза была представлена елово-лиственничной стадией (позднеледниковье – около 10 тысяч лет до н.э.), а вторая – сосново-березовой стадией (10 – 5 тыс. лет до н. э.) (Хотинский, 1968. С. 160).

Наибольший интерес для настоящей работы представляет схема развития растительности в конце плейстоцена – раннем голоцене, разработанная Л.Д. Никифоровой для территории Коми республики, но вполне пригодная для характеристики ландшафтных зон Пермского Приуралья в древности, так как она опирается на палеоботанические данные территории Верхнего Прикамья (Никифорова, 1982). В позднеледниковье (14000 – 10300 л. н.) в Европейской части Приуралья растительный покров представлял собой сочетание лесных, тундровых и степных сообществ. С этапами межстадиальных потеплений в этот период связано преобладание лесных элементов сосна, береза (беллинг – 13300 – 12400 л. н.), ель (аллеред – 11700 – 11000 л. н.), а в эпоху похолодания, особенно в позднем дриасе (11000 – 10300 л. н.) – тундровые и степные сообщества. В пребореальный период (10300 – 9200 л. н.) отмечается неустойчивость климата и выделяются раннепребореальное потепление (10300 – 9900 л. н.), аналогичное половецкому потеплению и позднепребореальное похолодание (9900 – 9200 л. н.) близкое переяславскому похолоданию. Позднеледниковые интерстадиалы хорошо характеризуются современной зоной средней тайги, когда распространение получают сосновые леса с примесью ели и березы. Позднепребореальное похолодание отмечается восстановлением позднеледникового комплекса растительности – кустарниковых берез и полынно-маревых группировок.

Данные Л.Д. Никифоровой в определенной мере согласуются с исследованиями В.Я. Яхимович и В.К. Немковой в бассейне р. Колвы (устье р. Низьва), где в отложениях торфяника получен яркий споро-пыльцевой спектр, характеризующий палеогеографическую ситуацию в северных районах Пермского Приуралья в позднем дриасе в виде разреженных березовых лесов с небольшой примесью ели и пихты, а также безлесых пространств с обилием травянистых растений. Данный спектр был подкреплён радиоуглеродной датой 10700 ± 220 Баш ГИ – 22. Во втором разрезе торфяника в устье р. Низьва, получен близкий по характеру пыльцевой спектр, датируемый 9820 ± 170 Баш Ги, который хорошо связывается с позднепребореальным похолоданием (Немкова, 1978. С. 4 - 45).

Раннебореальный период (9200 – 8300 л. н.) характеризовался значительным потеплением, подтвержденным значительным содержанием в осадках пыльцы ели (30-80%). Темнохвойные деревья играли роль доминирующей зональной формации и леса носили среднетаежный облик, близкий к современному. Максимальный расцвет темнохвойной тайги – 8700 лет назад. В более южных районах Пермского Приуралья в этот период преобладали еловые и березовые леса, а в юго-западных отмечается пыльцевой спектр с содержанием вяза, липы и лещины. Эти данные хорошо согласуются по отложениям торфяников близ с. Дутово в окрестностях г. Перми (8730 ± 50 Баш ГИ – 13), где получены палинологические данные, характеризующий наличие разреженного елово-березового леса и на р. Шаркан (юго-западная часть Пермского Приуралья), в которых изучена пыльца, свидетельствующая о наличии в этом районе темнохвойной тайги с примесью березовых и широколиственных образований (8820 ± 250 Баш ГИ – 58; 8510 ± 150 Баш ГИ – 55). В целом динамика развития ландшафтных зон в Пермском Приуралье коррелируется с аналогичными процессами в раннем голоцене Южного Приуралья, что дает основание полагать их объективность (Смирнов, Кузьмина, 2005. С. 25).

Учитывая все изменения климата и ландшафтных зон, происходивших в Пермском Приуралье в конце плейстоцена и раннем голоцене, следует отме-

титель, что в целом древнее население в период потеплений (беллинг, аллеред, ранний пребореал) обитало в районах, занятой темнохвойными таежными лесами, которые при похолодании (поздний дриасс, поздний пребореал) испытывали восстановление растительных позднеледниковых комплексов, формирующих вновь лесотундровую экосистему. В связи с этим следует отметить, тот факт, что палеоклиматические условия раннеосташковского времени, когда на территории Пермского Приуралья обитали древние коллективы людей, оставившие памятники типа стоянки имени Талицкого, были даже более суровы, чем в финале плейстоцена (позднее осташково) и начале голоцена (пребореал). Все это дает основание полагать, что на грани позднего плейстоцена и раннего голоцена на территории Пермского Приуралья продолжали обитать группы древних охотников, в полной мере сохранявшие технологические приемы верхнепалеолитической каменной индустрии и в тоже время, интенсивно развивавшие пластинчатую технику изготовления каменных изделий, что было обусловлено, в первую очередь, серьезными изменениями в животном мире в позднеледниковье, когда на смену мамонтовой приходит современная лесная фауна.

К сожалению, при изучении памятником финала плейстоцена и раннего голоцена существует серьезная проблема, которая сильно затрудняет создание даже приблизительной модели хозяйственной деятельности древних общин в этот период. Из-за почвенных и стратиграфических особенностей памятники этого периода совершенно не содержат фаунистического материала. Мы только можем констатировать, что «в самом конце осташковского оледенения вымирают мамонты, шерстистые носороги, овцебыки; сокращаются и меняются ареал и численность северного оленя, бизона...» (Сериков, 2000. С.27). В этой связи представляет интерес фаунистический набор конца позднего плейстоцена – раннего голоцена, который изучен палеозоологами в пещерах Урала. По их данным, к концу плейстоцена, помимо мамонта, исчез благородный олень, резко уменьшилось стадо шерстистого носорога, в тоже время возросло количество лошадей и первобытных бизонов (Косинцев, 1992. С.57). На грани позднего плейстоцена – раннего голоцена в Пермском Приуралье сохранились значи-

тельная популяция северных оленей, о чем свидетельствуют данные по финальнопалеолитическим памятникам Русской равнины, где их костные остатки зафиксированы в слоях позднего дриасса с абсолютной датировкой 10500 лет от наших дней (Лазуков, Гвоздовер, Рогинский и др., 198. С. 161). В виду этого можно полагать, что в финале палеолита на территории Пермского Приуралья сохранялись стадные животные эпохи плестойцена, которые были объектом охоты для человека (северный олень, бизон, лошадь), но ареал их обитания и количество, видимо, был не столь широким, как прежде. В этом отношении представляет интерес фаунистический материал финальнопалеолитического, по П.Ю. Павлову, памятника Пымва-Шор I в бассейне р. Печоры. На памятнике, относящемся к позднеледниковью, с разбросом радиуглеродных датировок от беллинга до позднего дриасса, найдены кости северного оленя, овцебыка, лошади, бизона (Павлов, 2002. С. 204). Кроме того, в конце плейстоцена распространяется лось, один из важнейших объектов охотничьего промысла в период раннего голоцена. Представляется, что именно переходная форма фаунистического мира, от исчезающих плейстоценовых животных и к доминирующим голоценовым, объективно сказалась на характере материальной культуры населения Пермского Приуралья на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена.

2.2. Геоморфология и стратиграфия археологических объектов финального палеолита

Памятники финальнопалеолитического времени по географическому положению на территории Пермского Приуралья в настоящее время можно разделить на группы (рис.1). Первая группа (чусовская) включает в себя следующие стоянки и местонахождения: Горная Талица, Верхние Гари, Усть-Сылва, Усть-Громотуха, Пеньки, Антыбары; вторая группа (камско-пожвинская) – Усть-Пожва I – VI, Горки, Русское Веретье); третья группа (Камско-Воткинская) – Ягодное I, Окулов Остров I – III, Рязанов Лог, Кресты II, Баской Лог; четвертая группа (предуральская) – пещера Подземных охотников, грот Большой Глухой).

А. Памятники чусовской группы

I. Стоянка Горная Талица. Памятник выявлен в 1976 г. студентами исторического факультета ПГУ И.К. Кирьяновым и П.Ю. Павловым. Стоянка расположена на Ю-ЮВ окраине дачного поселка Горная Талица Добрянского района Пермской области. Поверхность памятника приурочена к разрушенному водами Камского водохранилища тыловому участку I песчаной надпойменной террасы правого берега р. Чусовой, отделенной от II надпоймы небольшой котловиной, постоянно заполненной водой, являющейся, очевидно, руслом р. Талицы, устье которой в настоящее время расположено в 0,5 км к западу (рис. 3,1). В период повышения уровня воды в водохранилище стоянка почти полностью затапливается. Исследования на ней возможны только в периоды поздней осени и ранней весны, когда водоем понижает свой уровень. До создания Камского водохранилища стоянка располагалась в 1 км от русла р. Чусовой. Высота поверхности тыловой части террасы, в песчаных отложениях которой залегали артефакты, явно достигала 10-12 м над уровнем реки.

В наиболее возвышенной части памятника, сохранился не разрушенный водами водохранилища останец (8 кв. м.). К востоку и к югу от него зафиксированы 2 мощных скопления каменных изделий. К западу от останца, в возвышенной части памятника, каменный материал никогда не вымывается на поверхность. Небольшим зондажем в 1995 г. было установлено, что и здесь, под слоем древнеаллювиального, не отпрепарированного новейшими водными процессами, песка, мощностью до 0,3 м. следует третье скопление, которое до настоящего времени не изучалось и законсервировано. Площадь распространения находок на поверхности памятника до 4000 кв.м.. Детальное обследование поселения было проведено в 1984 г. А.Ф. Мельничуком, П.И. Павловым, а в 1995 г. А.Ф. Мельничуком и Е.Л. Лычагиной (Мельничук, Павлов, 1987. С. 5 – 18; Лычагина, 1996 .С. 273). В эти годы на памятнике, в зоне скопления, расположенного к востоку от останца, был произведен поквadratный сбор археологического материала по методике Н.Ф. Лисицына, при снятии новейших аллювиальных наносов, на площади 76 кв.м. (Лисицын, 1990).

Полная стратиграфия установлена при зачистке останца в центре стоянки, который возвышался над размытой поверхностью до 0,7 м. Она корректировалась и данными расчистки 1984 г. В ходе исследования на памятнике выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 3, 2);

1. Современная дерновая супесчаная почва полного профиля интенсивно черного цвета. В ней на глубине 0,2 – 0,3 м от поверхности встречены фрагменты лепной посуды поздней стадии гляденовской культуры и харинского времени (IV – VI в.). Мощность слоя до 0,35 м.

2. Светло-серый мелкозернистый песок толщиной до 0,65 м.

3. Серая, местами темно-серая гумусированная супесь. Кровля слоя, начиная от подошвы слоя 2, разбита трещинами, возможно криогенного характера. Именно в средней части этого слоя обнаружены каменные артефакты. Мощность слоя до 0,4 м.

4. В средней части слоя 3 следовал плотный орштейновый горизонт, мощностью 0,06 – 0,08 м., ниже которого каменные изделия не встречались.

5. Далее отмечалась пачка ритмичных горизонтальных песков, супесей и суглинков, который характеризует пойменный аллювий I надпойменной террасы р. Чусовой.

Таким образом, стратиграфические наблюдения на памятнике показали, чтоб общая глубина залегания каменных артефактов («горизонт обитания»), учитывая размыв верхней части отложений, составляла от 1 до 1,5 м. от поверхности. Находки артефактов приурочены к средней части слоя гумусированной супеси (слой 3), которая, видимо, является редуцированной почвой. Очевидно, время формирования слоя 3 приходится на период относительного потепления, скорее всего имевшего место в позднеледниковье (беллинг или аллеред). Трещины или клинья, фиксирующиеся с подошвы слоя 2, могут быть связаны с последним поздневалдайским криогенным горизонтом.

Итак, опираясь на имеющуюся стратиграфическую ситуацию, мы можем полагать, что именно на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена древ-

ние люди начинают осваивать тыловые участки I надпойменной террасы, которая, очевидно, в то время представляла собой высокую пойму.

Характер расположения предметов в выявленных скоплениях каменных изделий позволяет говорить о том, что на стоянке Горная Талица явно располагались хозяйственно-бытовые и жилищные комплексы, которые, учитывая значительное количество каменного инвентаря, могли функционировать относительно долго (рис. 4). Вероятно, жилая стоянка Горная Талица располагалась на возвышающемся над низкой поймой песчаном прирусловом вале. Такой вывод можно сделать, используя геоморфологические условия расположения среднеголоценовых памятников эпохи энеолита – раннего железного века с многочисленными жилищами в пойме р. Камы, которые занимали возвышенные участки песчаных дюнообразных древних прирусловых валов.

II. Стоянка Верхние Гари. Памятник был открыт в 1995 г. А.Ф. Мельничуком и М.Г. Лабутиным и в этом же году исследовался методом поквadrатного сбора каменного материала на площади до 100 кв.м А.Ф. Мельничуком и Е.Л. Лычагиной (Лычагина, 1995. С. 273 – 274). Он расположен в 2 км к ЮВ от с. Гари Добрянского района Пермской области и в 4 км к ЮЗ от стоянки Горная Талица. Памятник также, как и стоянка Горная Талица, приурочен к тыловой части I надпойменной террасы. Характерно, что стоянка Верхние Гари располагается как раз напротив ныне затопленных водами водохранилища, целого пласта памятников эпохи позднего неолита, энеолита и бронзы (комплекс памятников Боровое озеро), которые в свое время широко изучались О.Н. Бадером (Бадер, 1961. С. 8). Об этом свидетельствует то, что при поквadrатном сборе археологического материала было найдено 2 двустороннеобработанных кремневых наконечника стрел гаринской культуры. Учитывая, что стоянки комплекса Боровое озеро располагались на краю уступа I песчаной надпойменной террасы, высотой от 4 до 6 м. над уровнем старичных образований р. Чусовой, то более древняя стоянка Верхние Гари находилась на значительном расстоянии от них в тылу, почти на 1,5 км. Высота площадки стоянки над уровнем поймы р. Чусовой явно превышала 10 м.

В районе стоянки Верхние Гари наблюдается постепенное сопряжение тыла I надпоймы и II надпойменной террасы. Выявленный комплекс находок отстоял от линии обнажений тыла I надпоймы на расстоянии 0,2 м к ЮЗ. Обнажения возвышались над размытыми участками тыловой части I надпоймы на 1,5 – 2 м. В верхней их части прослеживались покровные песчаные отложения, мощностью до 1 м. В их низу отмечаются ярко выраженные линзы орштейнового горизонта. Далее фиксируется пачка слоистых песков, супесей и суглинков, представляющий аллювий I надпоймы. Таким образом, стратиграфическая картина отложений тылового участка I надпоймы в районе стоянки Верхние Гари идентичны стратиграфической позиции поселения Горная Талица. Крупные каменные артефакты, располагаясь скоплением на площади до 100 кв.м., как и на стоянке Горная Талица, практически объективно отражают их положение в толще аллювиального песка I надпоймы до создания Камского водохранилища (Лисицын, 1990. С. 66). Выявленное скопление каменных предметов перекрывалось новейшими аллювиальными отложениями, мощностью 0,2 – 0,3 м. Характерно, что артефакты, как и на стоянке Горная Талица, лежали на поверхности мощного орштейнового горизонта, иногда проникая в него. Таким образом, горизонт залегания этих предметов мог располагаться на глубине от 1 до 1,5 м от поверхности.

III. Стоянка Пеньки. Памятник открыт в 1973 г. В.П. Денисовым (Денисов, 1973, С. 57 - 59). Он расположен в 3 км к ЮЗ от пос. Первомайский (Комариха) Чусовского района Пермской области. В 1978 г. памятник был осмотрен В.П. Мокрушиным, который на месте скопления находок, зафиксированным В.П. Денисовым, собрал представительный материал и нашел одну выемчатую трапецию. В 1981 г. А.Ф. Мельничуком и И.В. Караваевым в этом скоплении собрана представительная коллекция каменных артефактов и выявлена еще одна трапеция с выемками (Мельничук, 1982. С. 160).

Памятник приурочен к размытому водами Камского водохранилища участку II надпойменной террасы левого берега р. Чусовой, которая к югу сопрягается с III террасой, у размываемой подошвы которой были найдены кости ма-

монта и один окатанный скребок из кремнистого сланца. Близ береговых обнажений, возвышающихся над уровнем воды в водохранилище на 1 – 1,5 м., зафиксировано скопление каменных предметов, площадью до 30 кв. м. (рис 5, 1). Следует отметить, что до создания Камского водохранилища стоянка располагалась в глубине долины р. Чусовой, почти в 0,5 км от ее русла, рядом со старичным понижением, отделявшей ее от останца II надпоймы, на которой располагался памятник позднегляденовского и раннехаринского времени (III – VI вв.) – селище Пеньки. Характерно, что на размытой площадке селища были найдены также отдельные изделия финальнопалеолитического облика. Высота террасы в место расположения памятника до затопления достигала 10 – 12 м.

Напротив скоплений, которые отстояли от берегового обрыва на расстоянии 5 – 10 м. В.П. Денисовым была произведена в 1973 г. зачистка обнажений, представившая следующую стратиграфическую ситуацию (рис. 5, 2);

1. Дерново-почвенный слой – 0 – 0,05 м.
2. Серо-коричневый суглинок – 0,06 – 0,2 м.
3. Коричневый суглинок – 0,21 – 0,37 м.
4. Прослойка темно-коричневого вязкого суглинка. Очевидно, погребенная почва – 0,38 – 0,51 м.
5. Комковатый светло-коричневый суглинок – 0,52 – 0,75 м.
6. Коричневатый комковатый суглинок с мелкими углистыми вкраплениями – 0,76 – 1,18 м.
7. Темно-коричневый суглинок с мелкими углистыми вкраплениями – 1,19 – 1,31 м.
8. Плотный вязкий желто-коричневый суглинок – 1,32 – 1,6 м.
9. Грунтовые воды

По мнению В.П. Денисова, слой с каменными артефактами финального палеолита мог залегать в темно-коричневом суглинке с мелкими углистыми вкраплениями на глубине 1,2 – 1,3 м (слой 7).. Об этом свидетельствует компактное, а не рассеянное, расположение находок в одном скоплении. Однако не исключено, что слой финального палеолита приурочен к погребенной почве

(слой 4), залегавшем на глубине 0,4 – 0,5 м от поверхности. К сожалению реальных доказательств тому нет, но стратиграфическая ситуация на других объектах финальнопалеолитического времени Пермского Приуралья, где артефакты залегают в верхней части покровных отложений, позволяют согласиться с предполагаемым уровнем положения находок на стоянке Пеньки.

IV. Поселение (городище) Усть-Сылва. Памятник, как городище, впервые упоминается в 1775 г. академиком И.Г. Георги. В 20-30 –е годы XX в. он обследовался А.В. Шмидтом и Н.А. Прокошевым (Талицкая, 1952. С. 99). Городище находится в 1 км к ЮВ от дачного поселка Плотниково Пермского района Пермской области и занимает мыс, образованным коренным правым берегом р. Сылвы и левым берегом р. Чусовой. Площадка памятника возвышается над уровнем воды от 30 до 40 м. (рис. 6). В верхней части мыс сложен покровными суглинками и глинами, а в нижней известняками. Площадь городища до 1 га. В 1988 г. отрядом экспедиции ПГПУ под руководством А.В. Голдобина были проведены раскопки поселения раннего железного века и раннего средневековья, в ходе которых выявлены материалы финальнопалеолитического облика (Голдобин, 1989. С. 53 – 54). В 1989 г. работы на городище были продолжены (А. В. Голдобин, А.Ф. Мельничук), в результате чего был получен представительный комплекс каменных изделий с выемчатыми трапециями, близкий к материалам стоянки Горная Талица, расположенной в 3 км к ЮВ (Голдобин, Денисов, Мельничук и др., 1991. С. 37). В 2005 г. памятник изучался Э.В. Чуриловым. Всего за все годы исследований на нем вскрыто более 2000 кв.м. Каменный инвентарь по площадке памятника залегал рассеяно и равномерно, не образуя каких-либо серьезных скоплений, фиксирующие хозяйственные или жилищно-бытовые площадки. В 2005 г. было доказано, что каменные изделия финальнопалеолитического облика распространяются и за пределы городища. На памятнике прослежена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 7);

1. Дерново-почвенный горизонт в виде темно-серой рыхлой супеси, мощностью 0,02 – 0,05 м. В этом слое были найдены фрагменты лепной посуды раннего железного века и раннего средневековья.

2. Темно-серый комковатый суглинок, поврежденный по всей площади вспашкой и хозяйственной деятельностью. Его мощность варьировалась в пределах от 0,13 до 0,18 м. В этом слое зафиксирован вещественный материал раннего железного века (ананьинская и гляденовская культуры) и святилища ломоватовской культуры (VII – VIII в.), а также каменный инвентарь грани позднего плейстоцена – раннего голоцена.

3. Серый гумусированный суглинок, поврежденный антропогенным влиянием только в верхней части, мощностью до 0,15 м. В нем содержались аналогичные находки слою 2. Однако следует отметить увеличение находок каменного века ближе к его подошве.

4. Светло-серый белесый оподзоленный суглинок, толщиной до 0,12 м. Именно в нем выявлен в не потревоженном состоянии небольшое количество находок каменного века: ножевидные пластины, резцы, сколы с нуклеусов.

5. Материк – коричневая плотная плейстоценовая глина с мелкой галькой.

Таким образом, в не потревоженном состоянии предметы финальноплейстического времени залегали в слое 4 на глубине до 0,4 м от поверхности. До появления на месте стоянки поселения раннего железного века мощность слоя 4 была наверняка более значительна.

V. Поселение Усть-Громотуха. Памятник открыт в 1974 г. А.В. Малышкиным. Им на поселении был заложен раскоп, площадью 12 кв.м. В 1989, 1991 гг. его обследование проводил А.Ф. Мельничук. Поселение находится 3 км к СЗ от д. Комарово Пермского района Пермской области. Памятник приурочен к мысовидному участку II надпойменной террасы левого берега р. Чусовой, край которой интенсивно размывается водохранилищем. Сам мыс ограничен с двух сторон логами, по дну которых текут с севера безымянный ручей, с юга р. Громотуха. Высота прибрежных обнажений 6-8 м. (до затопления до 15 м.) На памятнике прослежена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Гумусированный темно-серый суглинок, мощностью до 0,4 м. Он содержал вещественный комплекс гляденовской культуры раннего железного века.

2. Далее следовала мощная толща лессовидных суглинков, которая подстилалась сине-серыми глинами.

Материал был представлен только сборами с размытой поверхности в прибрежной части террасы и включал в себя находки плейстоценовой фауны (мамонт, дикая лошадь) а также предметов, среди которых выделялись боковые выемчато-ретушные резцы финальнопалеолитического облика.

VI. Стоянка Антыбары. Памятник обнаружен в ходе исследований Г.Т. Ленц средневекового могильника Антыбары в 1986 г. (Ленц, 1986). В 1989 г. он осмотрен А.Ф. Мельничуком, который провел на нем разведочные раскопки на площади 20 кв.м. (Мельничук, 1989). Памятник находится в 0,2 км к востоку от д. Антыбары Чусовского района Пермской области. Стоянка примыкает к склоновому участку водораздела, прислоненного к борту высокого (18 – 20 м) правого берега р. Чусовой, который разрезается крупным и глубоким логом в глубину почти на 0,5 км. Каменные изделия с легкой молочной патиной собраны на поверхности распахиваемых покровных суглинков, мощность которых не превышает 0,5 м. Стратиграфическое положение отдельных находок зафиксировано в ходе раскопок Антыбарского могильника в 1986 г. и в разведочном раскопе, расположенном близ устья лога. Найденные артефакты залегали в распаханном слое от поверхности до глубины 0,4 м. На памятнике прослежена следующая стратиграфическая колонка (рис. 8):

1. Коричнево-бурый суглинок, мощностью 0,08 – 0,16 м. В этом слое найдены отдельные предметы финальнопалеолитического облика.
2. Темно-коричневый суглинок (0,1 – 0,15 м.) с редкими находками кремневых изделий.
3. Светло-коричневый суглинок (0,08 – 0,1 м) с единичными находками каменных изделий.

4. Материк – красно-коричневая плейстоценовая глина с галькой.

Находки найденные на стоянке Антыбары приурочены к покровным суглинкам, начало формирования, которых следует относить к самому концу плейстоцена. На памятнике собрано 124 предмета. Часть предмета из халцедона покрыта молочной патиной. Кстати, патинированность халцедона в Пермском Приуралье свойственна только для палеолитических памятников. Характер молочной патины на изделиях стоянки Антыбары аналогичен патине на халцедоновых артефактах поселения Горная Талица.

Б. Памятники камско-пожвинской группы

VII. Стоянка Усть-Пожва I. Памятник открыт в 1989 г. Э.Ю. Макаровым. Он находится в 0,6 км к Ю от д. Усть-Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края (Макаров, 1992). Стоянка приурочена к узкому мысу II надпойменной террасы правого берега р. Камы, высотой до 3 м. (до затопления свыше 10 м), сложенной суглинками. Мыс, вытянут вдоль р. Пожвинка и отделен от основной террасы небольшим ложком (рис. 9). Предметы из камня, собраны непосредственно у края террасы. Их стратиграфическая позиция не установлена.

VIII. Стоянка Усть-Пожва II. Памятник открыт в 1989 г. Э.Ю. Макаровым (Макаров, 1997. С. 104). Он находится в 0,5 км к Ю от д. Усть-Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края. Стоянка приурочена ко II надпойменной террасе правого берега р. Камы и к устью р. Пожвинки (рис. 9). Высота террасы в районе сбора материалов каменного века – 5 – 6 м. В 1993 г. Э.Ю. Макаров вскрыл на памятнике 18 кв. м. и выявил культурный слой слабо насыщенный каменными предметами. Характер залегания артефактов полностью соответствует их стратиграфической позиции, выявленной на памятнике Усть-Пожва III-IV.

IX – X. Стоянка Усть-Пожва III – IV. Памятник открыт в 1989 г. Э.Ю. Макаровым (Макаров, 1997. С. 104 - 108). Памятник находится на восточной окраине д. Усть-Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного ок-

руга Пермского края. Он приурочен к разрушенным участкам II надпойменной террасы правого берега р. Камы возвышающейся над уровнем водохранилища на 7 м (рис. 10). Исследователь памятника Э.Ю. Макаров первоначально подразделял его на два отдельных объекта, но в дальнейшие его работы показали, что культурный слой в районе этих двух местонахождений шел непрерывной полосой и это свидетельствовало о нем как едином археологическом памятнике (Макаров, 1997. С. 105). В 1993 г. Э.Ю. Макаров, на площади 54 кв. м. произвел раскопки стоянки, которые показали, что она является самым стратифицированным объектом финального палеолита в Пермском Приуралье. В ходе исследования Э.Ю. Макаровым прослежена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 11):

1. Дерново-почвенный слой – 0,2 м (слой 2)
2. Белесая оподзоленная супесь (слой 3), в средней своей части имеющая более темные, смятые и прерывистые прослои (слой 4) «реликтовой почвы», (по Э.Ю. Макарову).
3. Темно-бурый иллювиальный суглинок – 0,5 м.
4. Более светлый темно-бурый суглинок с прослоями супеси и песка – 1,5 – 3,5 м.
5. Коричневый однородный лессовидный суглинок – 1,5 м.
6. Светло-серый суглинок с находками ископаемой фауны – 0,2 м.
7. Темно-серая гумусированная супесь с обильными включениями растительных остатков и раковин – 0,05 м.
8. Желтая слоистая супесь, также с включениями растительных остатков – 0,05 м.
9. Светло-бурый супесчаный суглинок - 0,1 м и ниже.

Исследования Э.Ю. Макарова показали, что находки финальнопалеолитического времени залегали в линзах слабогумусированной супеси внутри подзолистого слоя 2 на глубине от 0,4 до 0,7 м от поверхности. Эти линзы, представленные фрагментами реликтовой погребенной почвы, были сильно размы-

ты и смяты. В раскопе на глубине до 0,7 м изучены остатки очажной ямы с сохранившимся прокалом, мощностью до 0,1 м.

XI. Стоянка Усть-Пожва V. Памятник открыт в 1989 г. Э.Ю. Макаровым. Он расположен в 0,4 км к С от д. Усть-Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края и приурочен к северному окончанию II надпойменной террасы правого р. Камы, возвышающейся над водохранилищем на 7 м (рис. 12). Наблюдается также общий уклон террасы к западу. По мере удаления от реки на ровной поверхности террасы отмечаются песчаные отложения, переходящие в заболоченную котловину, которая, очевидно, является остатками древних старичных образований. В 1995 г. Э.Ю. Макаровым в северной части памятника, обращенного к логу, в обнажениях обнаружил каменные предметы, залегающие в оподзоленном горизонте, как и на стоянках Усть-Пожва II – IV (слой 4). Основная часть памятника, обращенная к р. Каме, по данным Э. Ю. Макарова, видимо, полностью уничтожена береговой абразией. Шурфовка вдоль кромки обнажений (15 шурфов), произведенная исследователем, не дала результатов. В 1998 г. памятник вновь был осмотрен Э.Ю. Макаровым.

XII. Стоянка Усть-Пожва VI. Памятник открыт в 1989 г. Э.Ю. Макаровым (Макаров, 1997. С.109). Памятник находится в 0,5 км к северу от д. Усть-Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края. Стоянка приурочена к размываемому водохранилищем участку II надпоймы правого берега р. Камы (рис. 12). Стратиграфия памятника не изучена.

XIII. Стоянка Горка. Памятник открыт в 1994 г. Э.Ю. Макаровым (Макаров, 2001). Он расположен в 3 км к северу от д. Широфаново Ильинского района Пермского края в устье р. Иньвы на прирусловом валу II надпойменной террасы, ныне подтопленной водами Камского водохранилища. В настоящее время памятник находится на острове, имеющим грушевидную форму (70 x 50 – 100 м). Площадь распространения артефактов на размытой территории до 300 кв.м. Стратиграфия памятника не установлена.

XIV. Стоянка Русское Веретье. Памятник выявлен Э.Ю. Макаровым в 1998 г. (Макаров, 2002. С.9). Памятник расположен в районе урочища Русское Веретье, ныне полностью затопленном водами Камского водохранилища, в 1,2 км к В от п. Пожва Юсьвенского района Коми-Пермяцкого автономного округа Пермского края. Находки финальнопалеолитического облика собраны на поверхности небольшого возвышения (2000 кв. м.), которое является, очевидно, останцем II надпойменной террасы правого берега р. Камы, сложенным бурыми, оподзоленными в верхней части, суглинками. По данным Э.Ю. Макарова многие найденные артефакты несли на поверхности железо-марганцевые стяжения, что позволяло предполагать об их первоначальном залегании в подошве оподзоленного горизонта.

XV. Стоянка Гарчи II. Памятник открыт Э.Ю. Макаровым в 1989 г. и обследовался им в 1990 – 1994 гг. Он расположен в 2,5 км к Ю от пос. Усть-Пожва Юсьвенского района Пермского края на правом берегу Камского водохранилища. В 0,1 км к С. от стоянки находится устье р. Гарчевка. Памятник приурочен к отложениям 12 – метровой II надпойменной террасы. Обильный подъемный материал конца плейстоцена – начала голоцена был собран у подножия размываемой террасы. Стратиграфия памятника не установлена. Однако существенный интерес представляет стратиграфическое описание покровных отложений известного палеолитического поселения Гарчи I, расположенного в 0,5 км к югу от стоянки Гарчи II (Павлов, Макаров, 1998. С. 5):

1. Сверху отмечался дерново-почвенный гумусированный горизонт, мощностью до 0,1 м.
2. Ниже следовал слой светло-серой пылевидной супеси в виде мощного подзолистого горизонта. Интересно, что П. Ю. Павловым в нижней части этого горизонта зафиксирован прослой темно-серого гумусированного суглинка. Мощность этого слоя достигала до 1 м.

Финальнопалеолитический комплекс каменных изделий, найденных на стоянке Гарчи II явно по всем типологическим характеристикам отличается от костенковско-стрелецких материалов, выявленных в ходе раскопок поселения

Гарчи и приуроченных к погребенной почве, залегающих на глубине 0,9 – 1,5 – 1,8 м от поверхности. Отсюда следует полагать, что финальнопалеолетические артефакты стоянки Гарчи II приурочены к средней и нижней части подзолистой супеси, а именно к погребенной почве в нижней части слоя 2, что напоминает стратиграфическую ситуацию на стоянках Усть Пожва II - IV.

XVI. Местонахождение Таман. Памятник открыт в 1990 г. Э.Ю Макаровым (Макаров, 1996. С. 28 – 29). Он расположен на мысовидном уступе правого берега Камского водохранилища в устье р. Таманки на северо-восточной окраине с. Таман Усольского района Пермского края. Находки собраны у подножия размываемой II надпойменной террасы, возвышающейся над зеркалом водохранилища на 10 м (рис. 12а). Стратиграфия памятника не изучена.

В. Памятники Камско-Воткинской группы

XVII. Стоянка Ягодное I. Памятник открыт в 1983 г. С.Н. Коренюком (Коренюк, 1985). Он находится на юго-восточной окраине г. Оханска Пермского края. Стоянка приурочена к подножию II надпоймы, сложенной в верхней части аллювиальными песками, а в нижней суглинками и мощными гравийными отложениями, которые в настоящее время вскрыты водами водохранилища (Рис. 13). Именно с выходом мощного гравийного месторождения в виде крупных галек и валунов связаны находки эпохи финального палеолита. Вместе с артефактами были найдены, по определению Б.И. Гуслицера, кости дикой лошади. В 1985 г. А.Ф. Мельничуком на памятнике произведена зачистка обнажений, которая показала довольно простую стратиграфию (рис. 14):

1. Сверху отмечался коричнево-бурый однородный делювиальный суглинок, мощностью до 0,9 м.
2. Его подстилали мощные гравийные отложения.

В зачистке обнажения на глубине 0,88 м на границе суглинка с верхней частью гравийных отложений найден бесформенный кремневый скол с желвачной коркой и расколота галька.

XVIII – XX. Стоянки Окуловский остров I – III. Комплекс памятников открыт в 1991 г. С.Н. Коренюком (Чурилов, Коренюк, 2002 .С. 10 –11). Он рас-

положен в 1,4 – 1,75 км к ЮВ от д. Окуловка Оханского района Пермского края. Памятники расположены на останце II надпойменной террасы правого берега р. Камы, ныне затапливаемой водами водохранилища. Находки сделаны на поверхности желтовато-бурых суглинков. Высота обнажений напротив местонахождений каменных изделий достигает 1 – 1,5 м. Памятники сильно размыты. Стратиграфия не установлена.

XXI. Стоянка Рязановский лог. Памятник открыт в 1981 г. С.Н. Коренюком (Коренюк, 1982). Он находится в 4,7 км к ЮЗ от д. Сосновка Еловского района Пермского края. Стоянка приурочена к размываемому мысовидному участку II надпойменной террасы левого берега р. Камы, ограниченному с двух сторон логами. Высота террасы в районе находок над зеркалом водохранилища не превышает 2 – 3 м (рис. 15). На стоянке С.Н. Коренюком прослежена следующая стратиграфия (рис. 16):

1. Дерново-почвенный слой – 0,05 м.
2. Серая гумусированная супесь - 0,2 м.
3. Светло-серая оподзоленная суглинистая супесь – 0,24 м.
4. Далее следовала пачка коричнево-бурых плейстоценовых суглинков.

На контакте серой гумусированной супеси со светло-серой оподзоленной супесью найден один кремневый отщеп. Не исключено, что выявленный в подъемном материале вещественный комплекс финальнопалеолитического облика, как и на многих стоянках этого времени в Пермском Приуралье, связан с оподзоленным почвенным горизонтом в верхней части покровных отложений древних террас.

XXII. Стоянка Кресты II. Памятник выявлен в 2000 г. С.Н. Коренюком и исследован им в этом же году на площади 24 кв.м. (Коренюк, Чурилов. 2004). Он расположен в 1,2 км к СВ от д. Кресты Еловского района Пермского края. Геоморфологически памятник приурочен к водораздельному плато, примыкая к левой оконечности заболоченной низины, откуда происходит исток р. Березовки, левого притока р. Камы (рис. 17). Заболоченные котловины на водораздель-

ном плато обычно по данным геоморфологов являются остаточными плейстоценовыми озерами, образовавшимися в результате поднятия грунтовых вод. Активные биохимические процессы заболачивания в них начались в период голоценового климатического оптимума – 7500 – 5000 л. н. (Спирин, Шмыров, 1984. С. 110). Во всяком случае, стоянка древних охотников Кресты II в финале плейстоцена – начале голоцена располагалась на берегу озера. Абсолютные высотные отметки памятника – 180 – 190 м над уровнем моря. На памятнике С.Н. Коренюком прослежена следующая стратиграфия (рис. 18):

1. Дерново- почвенный слой – 0,06 – 0,1 м.
2. Серо-коричневый гумусированный рыхлый суглинок – 0,16 – 0,35 м.
3. Темный гумусированный заторфованный суглинок - 0,07 – 0,45 м.
4. Материк – плотный плейстоценовый бурый суглинок.

В пределах раскопа зафиксированы остатки грунтовой очага неправильно-овальной формы, размерами 1,65 x 1,18 м. (рис. 26). Глубина фиксации очага 0,5 м. Он залегал в подошве слоя 2 и уходил в слой 3. Толщина очажного слоя – 0,1 м. Вокруг очага в основном концентрировались найденные артефакты (рис. 18а).

Заманчиво рассматривать гумусированный слой 3, учитывая крайне архаичный характер каменных артефактов (поздний палеолит), временем формирования в период климатических потеплений (беллинг или аллеред).

XXIII. Стоянка Устиново. Памятник открыт в 2001 г. Э. В. Чуриловым (Чурилов, 2002). Он расположен в 2,5 км к ЮВ от с. Устиново Осинского района Пермского края. Стоянка приурочена к склоновой части водораздельного плато и прислонена к окончанию древнего лога, прорезающего вглубь на 300 м II надпойменную террасу левого берега р. Осинки левого притока р. Камы. От камской долины стоянка отстоит почти на 15 км (рис. 19)

Каменные изделия собраны между окончанием лога и неглубокой овальной ложбины, расположенной в 100 м к западу. Ложбина, очевидно, имеет кар-

стовое происхождение. В древности она явно была достаточно глубока. В настоящее время карстовый объект затянут делювиальными суглинистыми отложениями. Памятник интенсивно распахивается на глубину до 0,4 м, частично захватывая поверхность плейстоценовых суглинков. Стратиграфического изучения памятника не происходило. Однако следует полагать, что его стратиграфическая позиция близка к другим памятникам финального палеолита, для которых свойственно залегание предметов в верхней части покровных суглинков, формировавшихся начиная с позднеледниковой эпохи. В дальнейшем очень перспективно сделать стратиграфические разрезы в завершающей части лога и в ложбине карстового происхождения, в которых можно получить более информативную картину залегания артефактов финального палеолита, а также, возможный остеологический материал.

Всего на распаханной поверхности памятника собран небольшой, но представительный материал из 24 предметов, среди которых преобладают орудия: чоппинги, скребла, скребки и резцы. Характер найденных артефактов крайне архаичен и типологически имеет явный позднепалеолитический облик.

XXIV. Поселение Баской Лог. Памятник открыт в 1953 г. Б.Х. Кадиковым (Бадер, 1956. С. 13). Он расположен в окрестностях д. Подземляная Частинского района Пермского края. Поселение приурочено к поверхности высокого мысовидного участка II надпойменной террасы. Б.Х. Кадиковым на поселении был заложен шурф, описание которого не сохранилось. В сводные данные по разведкам в Среднем Прикамье поселение Баской Лог вошло как обычное селище ананьинской культуры. К сожалению, О.Н. Балер детально не ознакомился с результатами разведки Б.Х.Кадикова и в 1986 г. А.Ф. Мельничук при осмотре разведочных материалов в шурфовочном пакете селища Баской Лог вместе с керамикой раннего этапа ананьинской культуры нашел трапецию с выемками, крупные пластины и боковой ретушной резец на пластине из сланца, что позволило отнести этот комплекс к финальному палеолиту.

В. Памятники предуральской группы

XXV. Грот Большой Глухой. Памятник открыт в 1984 П.Ю. Павловым. Он расположен в 8 км к В от г. Чусового Пермского края. Грот карстового происхождения и разработан в известковой скале высотой до 70 м. Устье входа расположено на высоте 32 м от межевого уровня р. Чусовой (рис. 20). П.Ю. Павловым в 1984-1986 гг. в гроте вскрыто 40 кв. м и изучено, помимо позднеголоценовых комплексов, 5 палеолитических слоев, из которых нас привлекает II слой, относящийся к самому финалу палеолита и раннему мезолиту (Гуслицер, Павлов, 1987). Этот слой четко проявлялся в раскопе II внутри грота (рис. 21):

1. Сверху в раскопе II отмечалась белая известковая щебенистая супесь, мощностью от 0,15 – 0,2 м, под подошвой которого, по мнению П.И. Павлова, залегал II слой, датированной гранью позднего плейстоцена – раннего голоцена.

2. Далее отмечался горизонт глыб и щебенки известняка, который достигал мощности до 0,15 м. В кровле этого горизонта у восточной стенки грота на глубине 0,3 м прослежен культурный слой финального палеолита. В южной части раскопа тот же культурный слой залегает на глубине 1,2 м. Микрофауна, зафиксированная в этом слое, отражает период потепления климата в конце плейстоцена. Его фаунистический состав - расколотые кости пещерного медведя, лося, куницы. Для подстилающих этот слой отложений получена радиоуглеродная дата в пределах 10 607+ 158 (ИЭМЖ-1049), что позволят отнести этот горизонт находок, очевидно, к самому началу раннепребореального потепления (Павлов, 1996. С. 61).

По данным П.Ю. Павлова, структура и состав находок слоя сразу привлек внимание своей необычностью, так как его «основание было окрашено красной минеральной краской, которая преимущественно локализовывалась у восточной стенки грота и имела вид неширокой полосы с неровными краями» (Павлов, 1996. С.58). При расчистке слоя II на восточной стенке были открыты два

округлых пятна из желтой (0,25 м) и красной (0,32 м) краски, которые располагались на 0,17 м друг от друга.

В пределах окрашенного участка слоя II на площади 8-9 кв.м. отмечены многочисленные раздробленные человеком кости животных, сломанные и целые костяные изделия. Некоторые изделия были покрыты охрой вследствие их залегания в окрашенном слое. Здесь же выявлен линзовидный в сечении очаг, диаметром 0,37 м. Его заполнение – зольная масса (0,02 – 0,03 м) с прокалом (0,01 м). Рядом с кострищем выявлены многочисленные обломки раковин *Unio* и небольшая округлая костяная подвеска со сверленным отверстием. П.Ю. Павловым при промывке слоя II найдены две округлые плоские бусы из раковинного перламутра с округлым прорезанным отверстием. Здесь же найдена плитка кремня со следами скалывания узких пластин и два фрагмента дистальных частей пластин из белесого кремня с розовой галечной коркой.

У восточной стенки грота было изучено скопление костей куницы, очевидно, преднамеренно сложенных горкой. Характерно, что скопление состояло в основном из костей конечностей. Здесь же собрано несколько десятков нижних челюстей и обломков черепов этого животного. Под основанием это уникального скопления найдены две кости конечностей крупной птицы (глухарь?), которые были поставлены вертикально и нижними концами опирались на окрашенный участок культурного слоя. В 0,1 м от этого объекта в линзе светло-серой известковой супеси были расчищены 12 трахейных колец, рядом с которыми найдена «пронизка» (по П.Ю. Павлову). Она состояла из ребра мелкого животного и надетых на нее двух анатомических позвонков змеи (рис. 98, 1-4). В 0,2 м к западу от этого комплекса отмечено еще одно пятно светло-серой супеси, в котором найдено 12 трахейных колец, которые располагались без определенного порядка. Непосредственно у восточной стенки грота на небольшом уплощенном выступе обнаружены еще две «пронизки». Первая «пронизка» представляла *Os penis* куницы, на которую было нанизано два позвонка этого же животного. Вторая «пронизка» представляет конечность птицы с надетыми на нее двумя позвонками амфибии (жабы?). Ниже уровня основных находок

комплекса найдена еще одна «пронизка» в виде косточки птицы, на которой нанизано два птичьих позвонка (рис.98, 1-4).

В северной части слоя II были собрано большое количество разбитых костей лося и медведя. В пределах концентрации остеологического материала найдены разнообразные костяные изделия, описания которых будет дано в III главе.

Раскопки, проведенные П.Ю. Павловым, показали, что в гроте Большой Глухой обнаружено одно из древнейших святилищных комплексов каменного века Среднего Приуралья, которое, судя по датировке подстилающих слой святилища отложения, очевидно, относится к пребореалу, скорее к самому началу раннепребореального потепления. Об этом свидетельствует состав микрофауны в кровле культурного слоя II, характеризующий один из периодов потепления в финале плейстоцена – начале раннего голоцена (Гуслицер, Павлов, 1987. С. 12). П.Ю. Павлов полагает, что святилище грота Большой Глухой характеризуется обрядностью, связанной с промысловой магией. Очень интересно замечание исследователя, что этот культовый комплекс при наличии охристых пятен на стенках грота показывает его близость к южноуральским пещерным святилищам в Каповой и Игнatieвской пещерах (Павлов, 1996. С. 133 – 134)

XXVI. Пещера Подземных Охотников (Стадника). Памятник открыт в 1962 г. Е.П. Блинецовым (Блинецов, 1964. С.27 – 30) и расположен в 2,5 км к югу от пос. Анюша Александровского района Пермского края на правом берегу р. Чаньвы, левого притока р. Яйвы. Карстовая полость разработана в скальном выступе на высоте около 40 м над водой. Длина полости 73 м, с разветлениями до 122 м. Ее ширина составляет от 4 до 14 м. Данная карстовая полость включает пять гротов (рис. 22). В настоящее время памятник полностью разрушен браконьерскими раскопками. При обследовании пещеры П.Е. Блинецовым вскрыто шурфами 10 кв.м. Отложения мощностью до 0,2 м до самого основания выполнены серой элювиальной супесью с находками остеологического материала. В слое у скопления плит концентрировались раздробленные кости бурых медведей от трех особей. Обнаружен также мумифицированный скелет медведя

между плитами в гроте Хаос. Найдены черепа бурового медведя в слое известковой щебенки в нише грота Арктический и в слое сероватой супеси с угольками в гроте Раздумий.

Помимо черепов медведей в нишеобразной оконечности самого дальнего грота пещеры Угольного обнаружен почти целый составной кинжал с кремневыми удлинёнными сечениями из бурой сургучной яшмы. Находка явно связана с остатками скелетов бурых медведей, их основное скопление (четыре особи) приурочено к навалу известковых плит, которые можно рассматривать как своеобразный жертвенник, оставленный раннемезолитическими охотниками.

Таким образом, значительная часть памятников финала плейстоцена сохраняют традиционные черты в условиях геоморфологического расположения, свойственные для более ранних позднепалеолитических памятников Пермского Приуралья. Это проявляется в приуроченности их к устью древних логов и оврагов (Усть-Громотуха, комплекс Усть-Пожва, Рязанов Лог, Баской Лог). В то же время наблюдается появление памятников конца палеолита в покровных отложениях тыловой части I песчаной надпойменной террасы (Горная Талица, Верхние Гари), на склоновых участках водораздельного плато (Антыбары, Кресты III, Устиново), останцах II надпойменных террас (Окуловский остров). Важным фактом является то, что на ряде памятников, приуроченных чаще всего к поверхности II надпойменных террас, установлено залегание предметов в своеобразном оподзоленном пограничном почвенном горизонте, лежащим на плейстоценовых суглинках (комплекс Усть-Пожва, Усть-Сылва), формирование которого, очевидно следует относить к концу плейстоцена. Косвенно, об этом свидетельствуют исследования стоянки Монино с классическим микролитическим инвентарем нижнеадищевского типа в Верхнем Прикамье, которая приурочена к водораздельному плато. Микролитические находки на стоянке залегали в верхних покровных серо-коричневых суглинках, которые отделялись от красно-бурых плейстоценовых глин пограничным слоем оподзоленного светло-серого супесчаного суглинка. Ни одного каменного изделия, относящегося к микролитическим комплексам камского мезолита в этом пограничном горизон-

те, обнаружено не было. Наоборот, выявленные объекты с позднемезолитическим материалом прорезали оподзоленный слой, углубляясь в материковую глину (Мельничук, 2001. С. 32). Учитывая, что микролитические комплексы камского мезолита типа Нижнеадищевской стоянки датируются бореалом, то формирование рассматриваемого пограничного горизонта уходит явно в финал плейстоцена – раннего голоцена.

К сожалению, слабая изученность покровных отложений II и III надпойменных террас, характерна не только для Пермского Приуралья, но и для всего Прикамья в целом, за исключением приустьевой части Камы и Среднего Поволжья, где М.Ш. Галимова, изучая переходные от палеолита к мезолиту памятники региона, плодотворно работает с казанскими геологами и геоморфологами. Плохая сохранность в покровных суглинках и песках пыльцевого спектра, отсутствие фаунистического материала и радиоуглеродных датировок несомненно затрудняет хронологическое восприятие комплексов финального палеолита.

Однако комплексные исследования археологов и геоморфологов Казани с более или менее степенью вероятности позволяют проецировать их выводы на характеристику геолого-геоморфологических условий финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья, которые достаточно близки археологическим материалам приустьевой части Камы и Среднего Поволжья. Проведенные исследования показали, что каменные изделия усть-камской культуры типа Сюкеевский Взвоз залегают в своеобразном пограничном горизонте нижней части покровных отложений, который, по мнению геологов, занимает стратиграфическую позицию между поздним плейстоценом и голоценом. Эти геолого-геоморфологические исследования позволили достаточно аргументировано относить памятники типа Сюкеевский Взвоз к грани позднего плейстоцена – раннего голоцена. (Галимова, Дедков, Мозжерин, 1983. С. 65 – 76).

Таким образом, сложные и изменчивые геологические и палеогеографические условия в заключительную стадию позднего плейстоцена оказали существенное воздействие на характер материальной культуры древних охотников

Пермского Приуралья. В этот период на окраине Русской равнины идут сложные процессы постоянного приспособления охотничьих коллективов к изменяющейся природной среде, что впоследствии привело к развитию и распространению классических микролитических индустрий мезолита.

ГЛАВА III.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТНИКОВ ГРАНИ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА – РАННЕГО ГОЛОЦЕНА ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

На памятниках финального палеолита Пермского Приуралья собран разнообразный инвентарь, ярко иллюстрирующий особенности каменной индустрии древнего населения региона на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена, а также определенную его близость к хронологически синхронным комплексам Среднего Поволжья и Волго – Окского бассейна.

3.1. Инвентарь памятников чусовской группы

I. Стоянка Горная Талица. На памятнике, в 1976 г. (И.К. Кирьянов, П.Ю. Павлов), в 1984 (А.Ф. Мельничук, П.Ю. Павлов) и в 1995 г. (А.Ф. Мельничук, Е.Л. Лычагина) собрано 3789 изделий. Из них 1594 предмета (42,1 %) происходят из части скопления каменных предметов расчищенного в 1984, 1995 гг. на площади 76 кв. м., которое можно квалифицировать как остатки жилищно-бытового сооружения. Для изготовления изделий применялось разнообразное каменное сырье. При их производстве широко использовался серый или темно-серый кремнистый сланец (56%) типичное каменное сырье для палеолитических памятников Пермского Приуралья. В мезолите и неолите данная каменная порода, за редким исключением, не применялась. Помимо темного кремнистого сланца значительное количество орудий производилось из яшмы, чаще всего красно - коричневой (сургучной), реже полосчатой зелено-красной или серой (17%). Остальные изделия изготавливались из окремнелого известняка (10%), серого с различными оттенками кремня (9%), серо-желтого кварцито-песчаника (3%), халцедона (1,5%), зеленой кремнистого сланца (1%), опоки (1%), раухтопаза (0,5%), агата (0,5%), горного хрусталя (0,5%). Состав пород характерен для древних аллювиальных отложений р. Чусовой, которые и являлись основной сырьевой базой для населения стоянки (Лунев, Кропачев, 1959. С. 10, 11; Старков, 1960. С. 77 – 78). Это подтверждается тем, что многие изделия, в частности из яшмы, сохранили хорошо окатанную желвачную корку.

Основную массу инвентаря составляют отходы первичного раскалывания каменного сырья и производства орудий – 2918 экз. (77% всего каменного инвентаря стоянки). Они представлены отщепами – 1578 экз. (41,6%), чешуйками – 484 экз. (12,8%), бесформенными сколами, часто с желвачной коркой – 630 экз. (16,6%), расколотыми гальками и желваками – 68 экз. (1,8%), поперечными сколами с нуклеусов – 33 экз. (0,9%), продольными сколами с нуклеусов – 72 экз. (1,9%), ребристыми сколами – 13 экз. (0,3%), резцовыми сколами – 40 экз. (1,1%).

На территории памятника выходы каменного сырья отсутствуют. Но древнее население приносило его на стоянку в виде нуклеусов с первичными снятиями или необработанных желваков, что подтверждается находками значительного числа крупного обломочного материала с желвачной коркой – 698 экз. (26,6%). Помимо первичного расщепления камня на памятнике производилось и изготовление орудий.

Нуклеусов найдено 64 экз. (1,7%). Среди ядрищ параллельного принципа скалывания отмечаются призматические и уплощенные призматические – 24 экз. (37,5%). Нуклеусы этой формы, как правило, одноплощадочные, иногда с слабофасетированными ударными площадками (рис. 23, 1-4). Отмечаются многоплощадочные ядрища со слабоскошенными ударными площадками – 13 экз. (20,3%). Кроме того, выделяется группа ядрищ с уже подготовленными ударными площадками и негативами первичных снятий – 11 экз. (17,2%). Остальные изделия относятся к категории аморфных нуклевидных кусков – 16 экз. (25%). Средние размеры нуклеусов: 4 – 6 см, длина ударной площадки – 2-4 см, ширина 1 - 3 см. Встречаются отдельные ядрища высотой до 10 см. Судя по негативам от снятий, основная часть нуклеусов параллельного принципа скалывания служила для получения средних пластин (шириной от 1,1 до 1,5 см.)

Пластин в коллекции, включая орудия, – 683 экз. (20,9% без учета чешуек и резцовых сколов). Целые пластины составляют 241 экз. (35,3%) от их общего числа. При этом преобладают пластины длиной 3-4 см, а отдельные изделия достигают 10 см. Остальные пластины представлены обломками: дистальными,

праксимальными частями и медиальными сегментами – 442 экз. (64,7%). Медиальные сегменты все удлиненные, короткие встречаются крайне редко (2 экз.) Индекс микролитизации пластинчатого инвентаря достигает 18 % (123 пластины шириной до 1 см.). Узкие пластины, шириной 0,6 – 1 см, (109 экз.) и микропластины, шириной до 0,5 см (14 экз.) в преобладающем количестве изготавливались из яшмы. Среди пластинчатого инвентаря доминируют средние пластины, шириной от 1,1 до 1,5 см – 307 экз. (45%) и широкие (1,6 – 2 см) - 130 экз. (19%). Массивных пластин, шириной свыше 2 см, в коллекции 123 экз. (18%).

Соотношение пластин и отщепов в материалах памятника следующее: пластины 683 экз. (30,2%) и отщепы 1578 экз. (69,8%). Однако пластины второй обработке подвергались значительно чаще – 214 экз. (31,3%), чем отщепы – 29 экз. (1,8%). Таким образом, каменную индустрию памятника мы можем охарактеризовать как пластинчатую, где отщепы по существу не являются заготовками для производства орудий, а относятся к отходам, образовавшимся при обработке нуклеусов.

Орудий в коллекции 291 экз. – (7,7% всего инвентаря). Небольшая их часть, изготовленная из халцедона и из темно-серого полупрозрачного кремня, покрыта слабой молочной патиной. На пластинах произведено 214 орудий (73,5%), на отщепах – 29 орудий (10%), на различных сколах, многие из которых, имеют удлиненные пропорции и близки к пластинам – 20 орудий (6,9%). Остальные изделия 28 экз. (9,6%) изготовлены на фрагментах галек, кусках кремня и плитках. Подавляющее большинство орудий обработано дорсальной ретушью (96%) и только 2% изделий оформлено ретушью с вентральной плоскости. Отдельные изделия (2%) имели ретушь, как с брюшка, так и со спинки.

Основная категория орудий – пластины с усеченным ретушью концом – 70 экз. (24,5%). С дистального, реже праксимального конца, изделия обрабатывались крутой, почти отвесной чешуйчатой ретушью. Среди них преобладают косоретушные (31 экз. – 44,3%) и поперечноретушенные (27 экз. – 38,6%) изделия (рис.24, 3, 4, 10, 15, 16; 25, 1-3, 7, 9-11, 15-16: 25, 18, 19, 21, 26, 29, 3; 29, 5, 7, 8, 12; 30, 4). Выделяется группа пластин с поперечно-выемчаторетушными

концами (12 экз. – 17,1%). Среди этих орудий обращают на себя внимание пластины с симметрично усеченными концами (3 экз.), напоминающие по облику крупные геометрические формы (рис. 26, 20, 21).

Значительную группу составляют пластины с краевой ретушью – 50 экз. (17,2%). Орудия оформлены регулярной однорядной пологой и полукрутой ретушью (рис. 26, 2, 3, 8-10; 27, 3, 8, 15, 20; 30, 15). Среди них выделяются 8 узких пластинок с притупленным краем (рис. 26, 8-10; 30, 15).

Выразительную категорию орудий образуют резцы – 53 экз. (14%). Ведущую группу среди них представляют боковые ретушные – 28 экз. (52,8%), которые включают в себя группы поперечноретушных – 12 экз., косоретушных – 8 экз. и выемчаторетушных резцов – 8 экз. т. е. соответствующие приемам ретушного усечения пластин (рис. 24, 2; 25, 5-6; 26, 1, 22; 29, 6; 30, 3, 11, 12). Угловых резцов в коллекции 20 экз. (37,7%). Из них 15 изделий изготовлено на пластинах, остальные на отщепах – 2 экз., и сколах – 3 экз. (рис. 25, 4, 8; 26, 4). Большинство боковых и угловых резцов имело сколы, которые захватывали только угол пластины (75%). Реже отмечались срединные резцы (5 экз. – 9,5%) – (рис. 26 30; 27, 16; 29, 1; 30, 5). Часть изделий оформлялось плоскими резцовыми сколами. Многие резцы неоднократно подправлялись и относятся к типу многолезвийных.

На стоянке найдено 18 скребков (6,2%). Среди них 10 концевых изделий, изготовлено на пластинах (рис. 24, 8, 9; 25, 15;). Один концевой скребок произведен на удлиненном сколе. В коллекции имеются 6 округлых скребков изготовленных на гальках и 1 скребок на отщепе аморфной формы (рис. 30, 3;). Привлекает внимание полное преобладание резцов над скребками. Это хорошо определяется резцово-скребковым показателем памятника, который достигает индекса 2,9.

Долотовидные изделия с чешуйчатой подтеской лезвия производились на прямоугольных отщепах, сколах фрагментах пластин, нуклеусов и галек (рис. 26, 16, 24, 25; 27, 5, 11-13, 18; 29, 9; 30, 13). Всего их обнаружено 47 экз. (14%). Среди долотовидных орудий преобладают однолезвийные (33 экз. – 70,2%) с

выемчатым рабочим краем. Встречены изделия с двусторонней чешуйчатой подтеской – 13 экз. (27,6%).

В коллекции представлены 3 скребла (0,9%), относящиеся к продольным одинарным изготовленные на кусках кремнистого сланца (рис. 22, 5). Любопытны рубящие орудия (рис. 23, 8) – 4 экз. (1,2%). Два изделия типологически близки к чопперам. Четвертое орудие изготовлено из дисковидного ядрища (рис. 23, 8). Интерес привлекает обломок топора, изготовленного на гальке из кварцитопесчаника. Орудие имеет обработанные выемки с боковых сторон (рис. 32, 3).

Оригинальную группу орудий (28 экз. - 8,4%) составляют шиповидные изделия (рис. 24, 1-7, 11-13, 17-18, 21-24; 27, 19; 28, 1; 29, 3, 4, 10, 11) – 28 экз. (8,4%). Основная их часть изготовлена на пластинах (23 экз. – 82%), остальные 5 орудий на удлинённых подпрямоугольных отщепах. Все изделия имеют четко выраженное, обработанное, как правило, противолежащей ретушью шиповидное острие. Особо следует отметить орудие с двумя шипами на противолежащих концах пластины (рис. 29, 11). Орудия этой группы образуют выразительную стандартную серию.

На стоянке найдено 4 скошенных острия (1,2%) – (рис. 26, 12, 13, 23; 27, 20). Среди них выделяется орудие на пластине из кремнистого сланца со слабо выделенным ретушью черешком (рис. 26, 23). Особый интерес представляет острие на узкой пластине из зеленовато – красной яшмы. С дорсальной плоскости острие и края орудия обработано крутой ретушью, а вентральной стороны плоской ретушью подправлены его острие и черешок (рис. 26, 14). Не исключено, что эти два острия функционально следует квалифицировать как наконечники стрел.

Выявлено 5 ножей (1,5%). Среди них 1 нож на пластине, 1 на плитке, 1 на отщепе и 2 на удлинённых сколах (рис. 22, 6-7; 28, 2). Рабочие лезвия орудий оформлены односторонней приостренной ретушью.

В коллекции имеются 3 комбинированных орудия (0,9%) – долотовидное орудие + многолезвийный угловой резец на пластине, долотовидное орудие + угловой резец на пластине, нож + многолезвийный угловой резец на плитке.

Остальные изделия представлены 1 отщепом с краевой ретушью (0,3%) и 5 отбойниками из кварцитопесчаниковых галек (1,5%).

Исключительный интерес представляет плитка из зеленоватого мелкозернистого песчаника, на поверхности которой нанесено гравированное реалистичное изображение головы лося с характерной горбатой мордой (рис. 31). Горизонтальными прочерченными полосками изображена шерсть животного. На обратной стороне плитки заметны следы начатой, но неудавшейся гравировки головы лося. В настоящее время это первое столь раннее гравированное изображение в материалах памятников каменного века Урала (Сериков, 2005. С. 49).

Материал памятника представляется однородным во времени. Никаких характерных орудийных материалов более поздних эпох каменного века Приуралья на нем не обнаружено, кроме небольшого комплекса финала раннего железного века и раннего средневековья (IV-VI вв.), содержавшего керамику позднегляденовского или раннехаринского времени, отдельные железные ножи, каменные песты-терочники.

II. Стоянка Верхние Гари. На памятнике в ходе расчистки скопления, покрытого современными аллювиальными отложениями, собрано 83 каменных предмета. Все предметы (82 экз. – 99%) изготовлены из темного кремнистого сланца. Лишь одно изделие из коричнево-серого полупрозрачного кремня.

К отходам производства следует отнести 38 предметов (45,8%). Они представлены 32 отщепами, 6 неопределенными сколами. Среди отщепов отмечаются 2 изделия с фрагментарной прерывистой, видимо, случайной ретушью утилизации. При просеивании аллювиальных песчаных отложений ни одной чешуйки не найдено, что свидетельствует о том, что вторичная обработка каменных заготовок на стоянке не проводилась. Отщепы и сколы, очевидно, образовались в ходе подправки нуклеусов, которые древнее население принесло с

собой из достаточного удаленного источника сырья или с базового поселения Горная Талица, расположенного по прямой в 4 км к СВ.

На стоянке обнаружено 3 нуклеуса (3,6%). Один из них изготовлен на коричневатато-серой полупрозрачной кремневой гальке. У ядрища определена слабо скошенная немного фасетированная ударная площадка, с фронтальной части изделия отмечаются редкие поверхностные первичные сколы. Видимо, качество сырья не удовлетворило древнего мастера и нуклеус был выброшен или, учитывая забитость верхнего края ударной площадки, он мог использоваться в качестве отжимника. Два других уплощенно-фронтальных нуклеуса изготовлены на крупных плитках из качественного темного кремнистого сланца. С их торцовой части скалывались средние и широкие (1,3-2 см) ножевидные пластины (рис. 33, 2; 34, 1). С данных ядрищ можно было произвести в дальнейшем значительное количество пластинчатых заготовок.

Представительную часть коллекции составляют ножевидные пластины без вторичной обработки – 32 экз. (38,6%). Среди них выделяются 4 массивные пластины длиной 8-10 см и шириной до 3 см. Острые края этих пластин вполне могли использоваться в качестве ножей. Средние размеры пластин (не считая массивных): длина – 4-6 см., ширина 1,3-2 см.

Целые пластины составляют 30% (10 экз.) от их числа. Остальные изделия представлены праксимальными или дистальными частями пластин. Удлиненных медиальных частей не выявлено. Очевидно, они были унесены со стоянки. Следует отметить, что многие пластины имеют четко выраженные площадки, которые вполне подготовлены для их усечения ретушью.

Предметов с вторичной обработкой немного – 10 экз. (12%). Среди них 5 пластин с ретушью. Ретушь дорсальная, мелкая притупливающая (рис. 35, 5-8). Интерес представляет пластины с отретушированной выемкой (рис. 35, 4, 5).

Найдено 3 угловых резца на пластинах (рис. 35, 1-3). Они имеют по одному короткому резцовому сколу на углу пластинчатой заготовки.

Особый интерес представляет крупное орудие, изготовленное на естественном удлиненном массивном сколе подтреугольной формы из темного крем-

нистого сланца (рис. 36, 1). Зауженная приостренная часть скола с одной стороны была обработана пологой противоположащей ретушью. Острие орудие также имеет следы обработки. По функциональному назначению изделие, скорее всего, использовалось как нож-резак, а также как перфоратор.

Выделяется также рубящее чопперовидное орудие, произведенное на уплощенном естественном сколе из серого кремнистого сланца (рис. 33, 1). С вентральной плоскости орудие оформлено пятью сколами. Рабочее лезвие изделия носит явные следы сработанности в виде выщерблин и ретуши утилизации.

Характер каменной индустрии стоянки Верхние Гари следует характеризовать как пластинчатый, так как отщепы, найденные на стоянке являлись обычными отходами производства и не являлись самостоятельными заготовками для производства орудий. Доля пластин в составе всего каменного инвентаря чрезвычайно высока -- 40 экз. (48,2%). Это объясняется спецификой памятника, который представлял собой, очевидно, чрезвычайно кратковременный охотничий лагерь с определенным набором изделий – отборные крупные нуклеусы из качественного темно-серого сланца, ножевидные пластины без вторичной обработки, которые явно произведены на месте стоянки.

На наш взгляд, несмотря на отсутствие ярких, маркирующих культурную принадлежность орудий, комплекс стоянки Верхние Гари по геоморфологическому положению и высокому уровню пластинчатой индустрии сопрягается со стоянкой Горная Талица.

Интересно, что в сходных геоморфологических позициях, в тыловой части размываемой I надпойменной террасы правого берега р. Чусовой, в 2 км к СВ от поселения Горная Талица, напротив позднепалеолитической стоянки Ромахино, найдено крупное выемчатое орудие, изготовленного из гальки высококачественного темного кремнистого сланца (рис.36, 2).

III. Стоянка Пеньки. На памятнике собрано 243 отдельных предмета, которые зафиксированы в одном скоплении у края размытой водами водохранилища II надпойменной террасы. Для производства изделий часто применялся темный кремнистый сланец (24,1%), зеленоватый кремнистый сланец (51,7%),

окремнелый известняк (20,8 %), единично темный непрозрачный кремнь (1,7%) и зеленая полосчатая яшма (1,7%).

Отходы производства 126 предметов (51,8%) представлены 105 отщепами средних и мелких размеров с гладкими и точечными ударными площадками, 10 бесформенными сколами, 11 чешуйками. На площади стоянки и близ нее выходы каменного сырья отсутствуют.

Нуклеусов найдено 9 экз. (3,7%). Среди них 5 призматических ядрищ параллельного принципа скалывания, среди которых 3 одноплощадочных с фасетированными слабоскошенными ударными площадками и 2 уплощенных нуклеуса (рис. 39, 2 3.). Остальные изделия представлены 3 многоплощадочными ядрищами с негативами от скалывания отщепов и 1 нуклеусом с первичными сколами.

Пластин в коллекции памятника, включая орудия на них – 80 экз.(34,5%). Большинство пластин имеют неровные боковые края. Целые пластины составляют 55% (44 экз.) от общего числа, остальные праксимальными, медиальными и дистальными частями, удлинённых пропорций. Средняя длина пластин 5-6 см., реже свыше 8 см.

По широтным параметрам пластины распределяются следующим образом: узкие (0,6-1 см) – 1 экз. (1,3%), средние (1,1-1,5 см) – 41 экз. (51,2%), широкие (1,6-2см) – 22 экз. (27,5%), массивные (свыше 2 см) – 16 экз. (20%). В количественном отношении преобладают изделия шириной от 1,4 до 2 см.

Соотношение пластин и отщепов, включая орудия, следующее: 123 отщепа (60,6%) и 80 пластин (39,4%). Ножевидные пластины подвергались вторичной обработке в два раза чаще – 26 орудий (32,5%), чем отщепы – 18 экз. (14,6%).

Орудий в коллекции достаточно много – 54 экз. (22,2%). Среди них на пластинах произведено 26 изделий (48,1%), на отщепах – 18 экз. (33,3%), на сколах – 7 экз. (13%), на гальках – 3 экз. (5,6%). В обработке орудий полностью преобладает дорсальная ретушь (80%). Вентральной ретушью покрыто 10 % орудий. Остальные изделия обладают ретушью, как с брюшка, так и со спинки.

Самую многочисленную категорию орудий представляют скребки – 24 экз. (44,4 %). Среди них преобладают орудия на отщепах: концевые подпрямоугольные (рис. 37, 4; 38, 9, 10; 39, 9, 11) – 8 экз., овальные (рис. 29, 5) – 4 экз., боковой (рис. 37, 1) – 1 экз. На пластинах и их обломках произведены концевые скребки – 9 экз. (рис. 37, 7; 39, 6, 9, 11). Среди них выделяются два миниатюрных концевых скребка на сечениях пластин. Рабочие лезвия орудий веерообразной формы обработаны пологой ретушью (рис. 37, 6, 9). Два скребка создано на сколах: один на овальном поперечном сколе с нуклеуса, другой на удлиненном продольном сколе с ядрища (рис. 28, 11, 13).

Значительную группу орудий составляют пластины и их фрагменты с ретушью – 11 экз. (20,4%). Среди них 8 пластин с краевой прерывистой, иногда зубчато-выемчатой ретушью. Чаще всего ретушью оформлялся угол изделия (рис. 38, 5, 7, 8, 12). Кроме того, отмечаются 2 пластины с отретушированными выемками, которые могли исполнять функции скобелей (рис. 37, 13; 38, 4). Имеются также 2 пластины с поперечной ретушью (рис. 38, 3, 6)

Резцов в коллекции немного – 3 экз. (5,6%). Среди них угловой многофасеточный, срединный и поперечный резцы (рис. 37, 10; 38, 1, 17).

Выделяется острие (1,8 %) изготовленное на подтреугольной пластине из светло-серого кремнистого сланца. Орудие оформлено почти вертикальной дорсальной ретушью по обоим краям пластины (рис. 39, 12).

Интерес представляют 2 долотовидных изделия (3,7 %). Одно орудие изготовлено на грубопризматическом ядрище, приостренное основание которого оформлено чешуйчатой подтеской (рис. 37, 8), другое на продольном сколе с уплощенного нуклеуса (рис. 38, 15).

В коллекции выделяются 2 геометрических изделия (3,7 %). Оба предмета изготовлены из серого кремнистого сланца и принадлежат согласно классификации Г.Н. Матюшина к типу высоких симметричных трапеций с выемками (Матюшин, 1976. С. 53. Рис. 5). Обе трапеции произведены на сечениях широких пластин, шириной 1,6 и 1,8 см (рис. 37, 9; 38, 18)

Комбинированные орудия (2 экз. – 3,7%) представлены долотовидным орудием на подпрямоугольном сколе с чешуйчатой подтеской рабочего лезвия и многофасеточными резцовыми сколами по краю (рис. 38, 16), а также скребком с дуговидным рабочим краем, изготовленным на продольном сколе с нуклеуса. Правый боковой край орудия, который ранее был оформлен пологой ретушью, снят с угла длинным резцовым сколом (рис. 37, 6).

К орудиям принадлежат 5 отщепов (9,3%). Основная их часть покрыта мелкой прерывистой ретушью. Среди них выделяется пластинчатый отщеп с вентральной плоскости оформленный с двух сторон пологой зубчатой ретушью (рис. 38, 14).

Интерес представляет бифасиальное орудие на желваке серого кремнистого сланца (1,8%). Пологой параллельной плоской приостряющей ретушью оформлен с двух сторон правый продольный край сланцевого желвака. Левый край орудия не обработан ретушью и представляет собой массивный обушок (рис. 39, 1). Функционально данное орудие могло использоваться в качестве ножа. Найдено крупное рубящее орудие из кварцитовой гальки с двусторонней обработкой рабочего лезвия (рис. 40). Из других каменных орудий следует отметить 2 отбойника на небольших овально-продолговатых кварцитовых гальках (3,7%) и 1 кусок мелкозернистого песчаника, который мог использоваться в качестве абразива, как и на более поздних мезолитических стоянках с микролитическим инвентарем Пермского Приуралья.

Каменный инвентарь стоянки Пеньки своеобразен и достаточно резко отличается от материалов стоянки Горная Талица (преобладание разнообразных скребков в инвентаре, малочисленность резцов, низкий уровень торцового ретуширования пластин, отсутствие яшмового каменного сырья). Это хорошо иллюстрирует резцово-скребковый показатель, который обладает чрезвычайно низким индексом 0,1. Однако это можно объяснить, как определенным хронологическим разрывом между этими двумя чусовскими комплексами на грани позднего плейстоцена - раннего голоцена, так и хозяйственной спецификой памятника Пеньки, который в отличие от стоянки Горной Талицы, явно представ-

ляет остатки кратковременного охотничьего стойбища, расположенного вдали от базового поселения. В определенной степени на характере каменной индустрии сказывалось невысокое качество сырья (небольшой удельный вес темного кремнистого сланца – 24,1%, невысокие изотропные свойства окремнелого известняка и зеленого хлористокремнистого сланца). Однако комплексы Горной Талицы и Пеньки сближает преобладающий пластинчатый характер каменного инвентаря и наличие традиции выемчатого усечения пластин.

В 0,5 км к СВ от стоянки Пеньки на размываемом раннесредневековом Пеньковском селище был собран небольшой материал, состоящий из 5 каменных изделий. Местонахождение приурочено к останцу II надпойменной террасы. Находки располагались в юго-восточной оконечности останца и собраны на поверхности коричневато-желтоватых суглинков в 0,1 м от линии берегового размыва. Судя по глубине размытых суглинистых покровных отложений, слагавших останец террасы, древние артефакты залегали в них на уровне от 0,8 до 1 м. Таким образом, геоморфологические и, очевидно, стратиграфические позиции расположения каменных предметов на раннесредневековом селище Пеньки близки к материалам одноименной стоянки.

На местонахождении найден концевой скребок, изготовленный на крупной, слегка изогнутой в профиле, пластине (105 x 19 x 5 см) из качественного темного кремнистого сланца (рис. 39, 14). Рабочее лезвие орудия выпуклой формы, расположенное на дистальном конце заготовки, оформлено тщательной крутой ретушью. Нерегулярной чешуйчатой ретушью покрыты боковые края пластины.

Кроме скребка на местонахождении найден фрагмент призматического нуклеуса со следами скалывания 2 ножевидных пластин, шириной 0,6 - 0,8 см. Ядрище изготовлено из некачественного серого кремнистого сланца. Нуклеус имеет слабофасетированную скошенную площадку.

Интерес представляет острие, изготовленное на узкой пластине из темного кремнистого сланца (рис. 39 15). Жальце и левый край орудия оформлен тонкой зубчатой ретушью. На местонахождении выявлен концевой скребок на

продольном сколе с нуклеуса из непрозрачного темного кремня. Характерно, что здесь же найден крупный удлинённый скол из зеленоватого сланца, характерного каменного сырья для материала стоянки Пеньки. Таким образом, предметы, найденные на местонахождении, расположенном на территории ранне-средневекового селища Пеньки, как по составу каменного сырья, так и по типологии хорошо соотносятся с материалами расположенной вблизи одноименной стоянки.

IV. Поселение (городище) Усть-Сылва. В ходе раскопок на памятнике собран 1548 отдельный предмет. Для изготовления изделий древним населением применялись различные виды каменного сырья. Наиболее широко для производства орудий использовался темно-серый или серый кремнистый сланец, типичная каменная порода, используемая палеолитическим населением Пермского Приуралья (45 %). Остальные орудия изготавливались из галечникового кремня различных цветовых оттенков (25 %), окремнелого известняка (14 %), полосчатой зелено-красной, реже сургучной яшмы (7 %), халцедона (5 %), кварцита (3 %) и раухтопаза (1 %).

Преобладающая часть инвентаря состоит из отходов производства – 933 экз. (60,3%). Они подразделяются на отщепы (264 экз.), чешуйки (39 экз.), бесформенные сколы (546 экз.), расколотые плитки и гальки (40 экз.), продольные (17 экз.) и поперечные сколы с нуклеусов (8 экз.), ребристые удлинённые сколы (16 экз.), резцовые сколы (3 экз.)

Нуклеусов, включая нуклевидные куски, найдено 41 экз. (2,6%). Из них 5 ядрищ конической формы и 9 призматической (рис. 42, 2-8). Все нуклеусы имеют по одной прямой или слабо скошенной ударной площадке, длина которых колеблется от 1 до 2,5 см. Средняя высота ядрищ 3-4 см. С некоторых нуклеусов, скалывались многочисленные микропластины, шириной 3-5 мм. По характеру своей обработки они аналогичны ядрищам с памятников камского мезолита с микролитическим инвентарем (рис. 42, 4-8). Возможно на обширной территории поселения Усть-Сылва, помимо основного комплекса финального палеолита, имелись остатки кратковременной стоянки эпохи мезолита с микро-

литическим инвентарем. Кроме нуклеусов параллельного принципа скалывания в коллекции присутствуют 1 многоплощадочное ядрище и 26 разнообразных нуклевидных кусков.

Ножевидных пластин, включая орудия на них (без учета чешуек), выявлено 466 экз. (30,9% от всего материала). Целые пластины составляют 34,2% от общего их числа. По длине преобладают заготовки длиной 3-4 см, но встречаются крупные экземпляры длиной до 10 см. В целом для выявленного комплекса более характерны узкие и средние пластины, шириной от 0,6 до 1,5 см (65%). Однако распространение имели широкие (22%) и массивные (11%) заготовки. Имеется также небольшая примесь к пластинчатому комплексу микропластин, шириной до 0,5 см (2 %).

Соотношение пластин и отщепов, включая орудия, в инвентаре памятника следующее: пластины – 466 экз. (61,6 %) и отщепы – 291 экз. (38,4 %). Это показатель свидетельствует о значительном преобладании пластинчатых заготовок в инвентаре памятнике. Показатель вторичной обработки пластин и отщепов: пластины – 231 экз. (49,6%), отщепы – 27 экз. (9,3%).

Орудий в коллекции памятника – 339 экз. (21,9%). Они производились на пластинах (68,6%), на различных сколах (22%), отщепах (8%) и на гальках (0,8%). Преобладающее количество орудий оформлялось дорсальной ретушью (93%) и крайне редко вентральной (2,3%) и двусторонней (4,7%).

Самой значительной категорией орудий являются резцы – 92 экз. (27,1% от всех орудий). Из них 61 экз. изготовлен на пластинах, 1 на пластинчатом отщепе и 29 на удлинённых сколах. Основную группу этих орудий составляют боковые ретушные резцы – 60 орудий (65,3% от всех резцов.) Среди резцов изготовленных на заготовках с ретушированной площадкой скола определяются выемчаторетушные - 30 экз., поперечноретушные – 15 экз., косоретушные – 12 экз. (рис. 43, 6-7, 10-13, 15; 45, 1-4, 8, 11, 15, 16, 18, 21; 46, 5, 7, 11, 12, 14, 15; 47, 2-3, 5, 14,). Интерес представляют 11 многолезвийных ретушных резцов, изготовленных на пластинах с симметрично усеченными концами (рис. 43, 7; 45,

2,3; 46, 7; 56, 14; 18). Лезвия резцов иногда оформлены несколькими сколами. Выявлено одно изделие, изготовленное в технике плоского резцового скола.

Вторую группу представляют угловые резцы – 21 экз. (22,8%) с одним или двумя рабочими лезвиями (рис. 45, 5-7, 9, 12-14, 19, 20. 22; 47, 1, 4; 48, 20). Выделяется срединные изделия - 8 экз. (8,7%) – (рис. 43, 8, 13; 45, 10; 46, 13) и поперечные резцы (рис. 48, 2) – 3 экз. (3,2%). В целом типологическое разнообразие резцов и техника их изготовления аналогична подобной категории орудий на поселении Горная Талица.

Скребок обнаружено на поселении 32 экз. (9,4%). Из них 16 произведено на пластинах, 11 на отщепах, 4 на поперечных сколах с нуклеусов и 1 на расщепленной гальке. На пластинах обычно изготавливались концевые скребки с прямым или слегка округлым лезвием (рис. 44, 2-4, 8-11). У концевых скребков на пластинах, часто ретушью оформлялись боковые грани заготовок. На отщепах и сколах создавались изделия овальной или подпрямоугольной формы (рис. 44, 5, 7, 12; 48, 2, 4, 5).

Из материалов видно, что, как и на поселении Горная Талица, резцы многократно преобладают над скребками. Резцово – скребковый индекс равен показателю 2,9.

Вторую по численности группу орудий, после резцов, представляют пластины с краевой ретушью – 88 экз. (26%). Ретушь на пластинах оформлялась, как правило, на одной боковой стороне. Значительная часть изделий обработана ретушью фрагментарно – на углах пластин или на середине их боковых граней (рис. 44, 26; 48, 4.). Отмечаются пластины с боковыми выемками, которые, очевидно, использовались в качестве скобелей. Выделяются 5 пластин, которые оформлены по боковой грани выемчатой дорсальной и вентральной ретушью (рис. 44, 19, 20, 23, 24; 47, 10, 11). В коллекции имеются отдельные короткие медиальные сечения (рис. 44, 22).

Выразительную группу изделий составляют пластины с усеченным ретушью концом – 36 экз. (10,6%). Среди них преобладают пластины с выемчато-усеченным концом – 15 экз. (41,7%). Реже представлены изделия с поперечно-

усеченным концом – 12 экз. (33,3%) и косоусеченным концом – 9 экз. (25%) – (рис. 47, 7, 9, 48, 3) Отмечаются изделия с симметричным усечением концов ножевидных пластин, которые представлены, как правило, резцами. К данной группе орудий близки пластинчатый отщеп и удлинённый скол с выемчатоусеченными площадками.

К группе режущих орудий следует отнести 5 изделий (1,5%). Четыре ножа изготовлено на пластинах и один – на удлинённом сколе (рис. 44, 13-16). Выделяется режущее орудие на крупной, слегка изогнутой первичной пластине из темного кремнистого сланца. Правая боковая грань орудия оформлена приостряющей выемчато-зубчатой ретушью. «Черешковая» часть орудия сохраняет желвачную корку. Второй выразительный нож изготовлен на пластине из черного непрозрачного кремня. Одна боковая грань орудия обработана плоской приостряющей односторонней ретушью. Другие режущие изделия имеют слегка изогнутую форму.

Найдено 2 скошенных острия на пластинах (рис. 47 14, 15). Привлекают внимание 1 наконечник стрелы на пластине. Он изготовлен на заготовке из темного кремнистого сланца и с вентральной плоскости обработан крутой ретушью. В древности наконечник был сломан и на участке боковой грани орудия, примыкающему к линии его рассечения, образовалась случайная выемка, покрытая ретушью утилизации (рис. 44, 18). Очень интересен обломок пластины из сине-красной яшмы с выделенным черешком, оформленный с дорсальной плоскости крутой ретушью, а в вентральной части – плоской (рис. 47, 17). Данное изделие следует рассматривать как обломок наконечника стрелы, который типологически близок к метательным орудиям аренсбургской традиции финального палеолита центральной части Восточно-Европейской равнины.

Привлекают внимание геометрические изделия, изготовленные на удлинённых медиальных сечениях средних и широких пластин – 7 экз. (2,1%). Типологически они, согласно классификации Г. Кларка и Г.Н. Матюшина (Матюшин, 1976. С.53. Рис.5), подразделяются на следующие формы: 3 выемчатые высокие симметричные трапеции (рис. 48, 11, 13, 14), 1 выемчатая высокая ас-

симметричная трапеция (рис. 48, 14), 2 низкие симметричные трапеции (рис. 48, 10, 12) и 1 низкая симметричная трапеция с вытянутыми концами (рис. 48, 9).

Интерес представляет остроконечное орудие, изготовленное на подтреугольном отщепе из серого кремня. Боковые края изделия покрыты крутой, почти отвесной ретушью.

Найдено 1 шиповидное изделие на пластинчатом отщепе (рис. 47, 8). Орудие по технико-типологическим показателям совершенно аналогично шиповидным изделиям поселения Горная Талица.

Долотовидных орудий в коллекции – 4 экз. (1,2 %). Два изделия изготовлены на подпрямоугольных отщепах, одно орудие – на уплощенной расколотовой гальке, второе – на подпрямоугольном сколе (рис. 44, 27, 47, 6). Все орудия имеют по одному рабочему лезвию, оформленному односторонней чешуйчатой подтеской.

Комбинированные изделия (3 экз.) представлены следующими орудиями: концевой скребок + угловой резец на пластине; скошенное острие + многолезвийный резец на пластине; косоусеченная пластина + угловой резец. Основание скошенного острия обработано дорсальной ретушью.

Привлекают внимание рубящие орудия (3 экз.), изготовленные на крупных сколах. Они представлены унифасами и имеют поверхность, обработанную крупными сколами. Возможно, первоначально заготовки орудий использовались как ядрища для получения отщепов, а затем приостренные края нуклеусов, оформленные более мелкими сколами, служили рабочими краями рубящих изделий (рис. 41).

Кроме хорошо морфологически оформленных изделий найдено 11 отщепов и 19 сколов с ретушью.

Таким образом, каменный инвентарь, выявленный на городище (поселении) Усть-Сылва, представляет достаточно информативный комплекс, характеризующий материальную культуру населения финала палеолита в нижнем течении р. Чусовой. Не исключено, что, возможно, к нему было примешано небольшое количество изделий (карандашевидные нуклеусы, отдельные микро-

пластины), относящихся к более поздней микролитической кремневой традиции камского мезолита, местонахождения которого достаточно часто выявляются на высоких коренных берегах или водораздельных пространствах, осложненных оврагами и логами (Мельничук, 2001). Более поздние вещественные комплексы датируются ранним железным веком (ананьинская, гляденовская культура – V – I вв. до н.э.) и ранним средневековьем (ломоватовская культура – VII – VIII вв.).

V. Поселение Усть-Громотуха. Вдоль края высокой II надпойменной террасы выявлено 46 предметов. Для изготовления изделий чаще всего применялся галечниковый кремнь различных цветовых оттенков. Незначительное число предметов произведено из темного кремнистого сланца (11%) и зеленой и сургучной яшмы (4%).

Найден 1 призматический нуклеус из серой яшмовидной породы с двумя фасетированными ударными площадками.

Скребки составляют преобладающую часть орудий – 11 экз. Один концевой скребок изготовлен на обломке ножевидной пластины из сургучной яшмы (рис. 49, 1). Орудие имеет дуговидный рабочий край. Дорсальной ретушью оформлены и боковые края орудия. Выделяется дублированный концевой скребок на обломке пластины (рис. 49, 15). Еще один многолезвийный скребок произведен на поперечном сколе нуклеуса из яшмы. Он имеет два рабочих противоположащих края и один боковой край, которые оформлены невысокой крутой ретушью (рис. 49, 16). Остальные орудия изготовлены на отщепах (4 экз.) и сколах (3 экз.) подпрямоугольных или подтреугольных очертаний (рис. 49, 2-4, 14, 18). Интересен микроскребок, изготовленный на расколоте кремневой гальке сине-зеленого цвета (рис. 49, 21).

Резцов в коллекции 6 экз. Среди них преобладают изделия на пластинах с угловыми сколами (рис. 49, 7, 9, 12, 13). Два других резца относятся к типу боковых выемчаторетушных изделий (рис. 49, 24, 25). Резцово-скребковый индекс на памятнике имеет показатель 0,55.

Кроме того, найдены ножевидные пластины с ретушью (7 экз.). Отмечаются ножевидные пластины с ретушью на углу (рис. 49, 8, 22), которые можно квалифицировать как резчики. Обнаружено две усеченные ретушью пластины. Один фрагмент массивной пластины из темного кремнистого сланца имеет выемчаторетушное усечение (рис. 49, 5). Вторая пластина имела поперечное усечение ретушью с двух концов (рис. 49, 11). Из орудий следует также отметить долотовидное изделие на поперечном сколе с нуклеуса (рис. 49, 23) и удлиненный скол с ретушью (рис. 49, 10).

Кроме того, в коллекции присутствуют 7 ножевидных пластин и их обломков без ретуши и 12 отщепов.

Однако, учитывая сбор каменных предметов вдоль обнажений высокой II надпоймы, где встречались кости мамонта и дикой лошади памятник, следует полагать, что материалы поселения Усть-Громотуха имеют смешанный характер и включают в себя как изделия финального палеолита, так и небольшие комплексы, тяготеющие к материалам камского мезолита с микролитическим инвентарем. Кроме вещевых комплексов каменного века на памятнике выявлен слой раннего железного века (гляденовская культура – I половина I тысячелетия н.э.).

VI. Стоянка Антыбары. На памятнике в ходе раскопок средневекового некрополя собрано 127 отдельных предметов, изготовленных из халцедона, реже – темного кремнистого сланца и яшмы. О древности памятника, инвентарь которого залегал в покровных суглинках, говорит присутствие легкой не глубокой патины на изделиях из халцедона. Наличие даже легкой патины не характерно для предметов из халцедона, выявленных на стоянках камского мезолита с микролитическим инвентарем. В тоже время легкая патина на халцедоновых орудиях хорошо фиксировалась на поселении Горная Талица.

Ведущую группу изделий представляют отходы производства – 64 экз. (50,4 %), которые включают различные сколы (28 экз.), отщепы (11 экз.), поперечные (2 экз.) и продольные сколы (3 экз.), чешуйки (17 экз.), бесформенные куски кремня с бессистемными сколами (2 экз.), резцовые сколы (1 экз.).

Категория нуклевидных представлена 11 предметами (17,2 %). Среди них преобладают нуклеусы параллельного принципа скалывания. Найдены призматические (2 экз.) и торцовые нуклеусы (4 экз.), с которых скалывались узкие ножевидные пластины и микропластины (рис. 51, 1, 2, 6, 10). Найдено 2 ядрища с первичными снятиями ножевидных пластин. Выделяется крупный грубо-призматический уплощенный нуклеус из серого кремнистого сланца. С него скалывались широкие ножевидные пластины и удлиненные отщепы. Ядрище было напополам расколото в древности. Основание нуклеуса покрыто мелкой чешуйчатой подтеской, как у долотовидных изделий (рис. 50, 1). Кроме того, найдено одно аморфное многоплощадочное ядрище и нуклевидный кусок с бессистемными сколами.

Значительную группу изделий составляют ножевидные пластины без вторичной обработки – 37 экз. Многие пластины представлены дистальными, медиальными и проксимальными сегментами. Всего пластин в коллекции, исключая чешуйки и включая орудия, 46 экз. (42,2%). Среди них значительную группу заготовок составляют пластины шириной до 1 см (41 %).

Орудий в коллекции 15 экз. 9 изделий изготовлено на пластинах, 4 – на сколе, 1 – на отщепе, 1 – на рассеченной гальке (11,8 % от всего инвентаря).

Найдено 4 скребка. Среди них 3 концевых скребка на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 51, 9, 10). Интересен подтреугольный скребок из серо-коричневого полосчатого галечного кремня. Орудие имеет приостренный рабочий край (рис. 51, 4).

Интересно подпрямоугольное комбинированное изделие из сургучной яшмы: скребок + долотовидное орудие. С дорсальной плоскости изделие оформлено скребковой ретушью, а с брюшка – чешуйчатой подтеской (рис. 5, 5).

Пластин с выемчатой краевой ретушью найдено 2 экз. (рис. 51, 16). Кроме того, найдены 2 усеченные пластины: 1 косоусеченная и 1 симметрично поперечноусеченная (рис. 51, 8, 13).

Резцов в коллекции 4 экз. Три угловых резца изготовлены на пластинах (рис. 51, 14, 17, 18). Один из них имеет два рабочих лезвия (рис. 59, 15). Выделяется 1 косоретушной резец на узкой пластине. Кроме того, в коллекции имеются два однолезвийных долотовидных изделия на подпрямоугольных сколах. Интерес представляет скошенное острие на пластине (рис. 51, 12).

Органично в комплекс входит рубящее орудие с выемками из габбро-диабазы. Односторонней обивкой обработана поверхность орудия. Методом пикетажа оформлено рабочее лезвие и выемки для перехвата (рис. 50, 2).

В целом материал стоянки Антыбары по технико-типологическим показателям и геолого-геоморфологическому залеганию близок к комплексам финального палеолита Пермского Приуралья.

3.2. Инвентарь памятников камско–пожвинской группы памятников

VII. Стоянка Усть-Пожва I. На памятнике собрано близ обнажений II надпоймы собрано 108 предметов, подавляющее большинство которых (78 %) изготовлены из кремневых пород различных цветовых оттенков, реже – из кварцита (21 %). Из темного кремнистого сланца изготовлен лишь один отщеп. Вторичной обработке подвергались изделия только из кремня.

Отходы производства представлены отщепами (31 экз.). Хорошо морфологически определимых нуклеусов выявлено 6 экз. (5,8 %). Из них: 2 аморфных, 1 торцовый, 2 призматических и 1 конусовидный (рис. 52, 1, 6, 8). Кроме того, на памятнике собраны бесформенные куски кремня (29 экз.) и кварцито-песчаника (16 экз.) с бессистемными сколами. В коллекции памятника 3 ножевидных пластины без вторичной обработки (рис. 53, 15, 17).

Изделий с вторичной обработкой в коллекции 23 экз. (21,3%). Среди орудийного набора ведущую группу иллюстрируют скребки (9 экз.). Среди скребков отмечаются 1 высокий на сломаном ядрище (рис. 53, 12), 2 высоких с чуть скошенным рабочим лезвием на рассеченных гальках (рис. 53, 2) и 2 – на отщепах с округлым рабочим краем, смещенным относительно центральной оси (рис. 53, 13, 14). В коллекции имеются 4 небольших скребка, произведенных на рассеченных гальках: простой одинарный с дуговидным краем (рис. 53, 3, 4),

двойной со слабо выгнутыми краями (рис. 53, 13), конвергентный с подтеской брюшка (рис. 53, 1) и двойной продольный, также с подтеской.

Резцов на стоянке найдено 7 экз. Выделяется 1 поперечный многофасеточный резец на отщепе (рис. 53, 8). Другой многофасеточный резец сформирован угловым сколом в сочетании с плоскими резцовыми снятиями (рис. 53, 6). Еще одно изделие представляет боковой выемчаторетушной резец на сколе (рис. 53, 9). Остальные 4 предмета характеризуются орудиями на удлинённых отщепах с одним или двумя угловыми резцовыми сколами. Резцово – скребковый показатель на памятнике достигает индекса 0,8.

Исключительный интерес привлекает наконечник стрелы на пластине из светлого кремня (рис. 53, 18). Наконечник имеет хорошо выделенный в основании черешок с двумя выступами-шипами. Острие и черешок орудия обработанной двусторонней ретушью. Выемки, формирующие шипы при переходе от черешка к средней части орудия оформлены только с брюшка. Средняя часть изделия, включая края, примыкающие к шипам, вторичной обработке не подвергнута. Аналогичные наконечники совершенно не свойственны для памятников эпохи мезолита с микролитическим инвентарем, а также для кремневых комплексов неолитического возраста. По типологическим характеристикам (форма, расположение ретуши на поверхности орудия) наконечник близок к метательным орудиям свидерского облика.

Найдено 2 долотовидных орудия на удлинённых сколах с чешуйчатой подтеской рабочего лезвия (рис. 53, 10). Привлекает внимание острие на отщепе, жальце которого оформлено двусторонней ретушью (рис. 62, 11). Найден также обломок выемчаторетушной пластины (рис. 53, 7).

Кроме того, выявлено 2 скола из кварцита с приостряющей подтеской рабочего лезвия, которые могли использоваться в качестве режущих орудий. Любопытны два скребловидных орудия (рис. 53, 2, 3). Одно скребло произведено на расколотом желваке из кварцитопесчаника, другое на рассеченной конкреции из темного кремнистого сланца.

Не исключено, что к комплексу примешаны изделия более раннего палеолитического возраста, которые отличаются от остальных орудий финально палеолитического облика сильной окатанностью.

VIII. Стоянка Усть-Пожва II. Каменный и кремневый комплекс памятника состоит из 307 отдельных предметов, из них 11 изделий (5 пластин и 6 отщепов) было найдено в раскопе. Для изготовления орудий чаще всего применялся кремнь различных цветовых оттенков, чаще всего светло-серого или сине-зеленого (78 %), значительно реже из встречались изделия из темного кремнистого сланца (9 %) и кварцитопесчаника (13 %).

Отходы производства составляют 58,6 % всего каменного инвентаря (отщепы - 119 экз., бесформенные сколы и куски кремня – 61 экз.). Индекс пластинчатости невысок – 5,5% (17 ножевидных пластин, включая орудия на них). Соотношение орудий и пластин следующее: пластин -17 экз. (10,6 %), отщепов -143 экз. (89,4 %). Однако ножевидные пластины подвергались вторичной обработке намного чаще (92 %), чем отщепы (16,8 %)

Ножевидных пластин без вторичной обработки в коллекции 12 экз. Среди них преобладают средние и широкие экземпляры. Нуклеусы свидетельствуют о том, что с них производилось скалывания узких заготовок и даже микропластин. Скорее всего, при сборе подъемного материала на размытых участках памятника миниатюрные пластинчатые изделия было обнаружить сложно, что и сказалось на характере коллекции.

Найдена представительная коллекция нуклеусов – 71 экз. (23%). Это объясняется тем, что в районе памятника наблюдаются выходы аллювиальной гальки в виде как средних, так и массивных желваков. О том, что на памятнике происходила первичная обработка каменного сырья, свидетельствует значительное количество крупного обломочного материала и в виде бесформенных кусков и массивных сколов (19,9 % всего инвентаря).

Об этом же свидетельствует и характер ядрищ. Только 9 из всего их числа несут негативы от снятия пластин (рис. 54). Из них два ядрища обработаны по всему периметру – конусовидный и призматический (рис. 63, 5, 8). Другие бо-

лее грубые изделия сработаны не полностью и сохраняют желвачную корку. Остальные нуклеусы представлены ядрищами с первичными сколами (55 экз.), которые оформлены негативами от 4-5 снятий. Все нуклеусы обладают одной ударной площадкой, в большинстве скошенной и слабофасетированной по краям. Степень выгнутости фронтальной стороны варьируется от плоских форм до подпризматических. Несколько особняком выделяются грубые крупные первичные ядрища из кварцитопесчаника (7 экз.).

Орудий в материалах памятника 46 экз. (15%). Среди них на пластинах изготовлено 10,9%, на отщепах 52,2%, на нуклеусах, сколах и гальках – 36,9%.

Ведущую группу изделия в орудийном наборе представляют скребки – 14 экз. (30,4%). Все орудия изготовлены из различных сортов кремневой породы, форма их случайна и определена формой заготовки. Среди орудий имеются 1 концевой скребок на обломке широкой пластины (рис. 55, 10), 2 скребка на продольных сечениях с нуклеуса, сохранивших с дорсальной плоскости негативы от скалывания микропластин и узких пластин (рис. 55, 11), 4 изделия с дуговым или слегка скошенным рабочим краем на массивных сколах (рис. 55, 3, 4), 7 на подпрямоугольных отщепах (рис. 55, 1, 2). Среди скребков на отщепе выделяется один двуконцевой (рис. 55, 5).

Морфологически выраженных резцов в коллекции памятника нет, но имеются 3 предмета с резцовыми сколами. Одно изделие на поперечно-усеченной пластине имеет резцовый скол, который имитирован обламыванием части заготовки ударом с вентральной плоскости. Второе орудие на пластинчатом сколе имеет на продольном краю близ торца ретушированную выемку и короткий резцовый скол с нее (рис. 55, 8). Третье орудие несет плоские резцовые сколы и изготовлено на отщепе (рис. 55, 12). Резцово-скребковый показатель памятника обладает индексом 0,2.

Любопытны 2 боковых скребловидных изделия на целых гальках из кварцитопесчаника (рис. 55, 15). Одна из сторон орудия имеет естественное уплощение, а другая оформлена крутыми короткими сколами. Не исключено, что эти изделия являются заготовками рубящих орудий. В этой же манере изготов-

лено чопперовидное орудие на крутой подтреугольной гальке, два сходящихся края которой обработаны крутыми сколами на выпуклой стороне.

Привлекает внимание находка 2 целых и одного обломка тесел, произведенных на небольших уплощенных гальках из кварцитопесчаника (рис. 55, 13, 14). Крупными сколами, нанесенными с одной стороны, выделены боковые выемки и ассимметричное в сечении рабочее лезвие. Плоские сколы с обратной стороны рабочих краев являются, скорее всего, результатом утилизации. Типологические данные рубящие изделия аналогичны топорам с перехватом финальнопалеолитических – раннемезолитических памятников Русской равнины.

Из других изделий следует отметить фрагмент косоретушной пластины (рис. 55, 7), 3 орудия с ретушированными выемками (2 на сколе и 1 на отщепе), несущие следы интенсивного использования, очевидно, в качестве скобелей. Кроме того, найдено 16 отщепов с прерывистой нерегулярной ретушью.

В целом материал памятника нам представляется достаточно однородным, характеризующим материальную культуру древнего населения на грани позднего палеолита – раннего мезолита.

IX – X. Стоянки Усть-Пожва III – IV. На памятнике выявлено 757 отдельных изделий. Большинство предметов изготавливалось из различных сортов галечникового кремня (57,2 %), чаще всего голубовато-серого, реже светло-коричневого яшмовидного кремня. На втором месте (30,9 %) по частоте использования стоит серый или темно-серый кремнистый сланец, на третьем -- кварцитопесчаник (11,9 %).

Отходы производства представлены отщепами (346 экз.) и бесформенными кусками и сколами с желвачной коркой (112 экз.). Удельный вес отходов производства в инвентаре 60,5 %. Следует отметить значительный уровень в материалах памятника крупного обломочного материала (14,8 %), свидетельствующего о том, что на его площадке помимо вторичной обработки каменных заготовок производилась и первичная обработка каменного сырья.

Нуклеусов на стоянке найдено 86 экз. (11,4 %). Морфологически выраженных призматических нуклеусов среди них 3 экземпляра, один из которых

двуплощадочный. Торцовые нуклеусы представлены 4 экз. Остальные ядрища имеют уплощенные одноплощадочные формы (76 экз.). Площадки у них сильно скошены, причем зачастую не делалось различий между ударной площадкой и поверхностью снятия. Скалывание заготовок производилось попеременно в ту или другую стороны. Представляют интерес двусторонние нуклеусы с перпендикулярным направлением снятий на противоположных сторонах, причем ударными площадками для каждой из сторон служили крайние негативы противоположной стороны.

Ножевидные пластины имеют субпараллельные края, неправильную форму и укромные пропорции. Встречаются узкие ножевидные пластины с ровной огранкой, которые скалывались с торцовых и призматических ядрищ. Индекс пластинчатости вещественного комплекса памятника достигает 14,5 %. Соотношение отщепов и пластин без обработки 75 % и 25 %, включая изделия с вторичной обработкой 75,6 % и 24,4 %.

Орудий в материалах памятника – 103 экз. (13,6 %). Среди изделий с вторичной обработкой ведущее положение принадлежит резцам – 31 экз. (30,1 %). Подавляющее большинство (75%) резцов изготовлено на отщепах и сколах случайных форм. Резцовые сколы у орудий короткие, часто дополненные мелкими фасетками по краю. Среди орудий выделяются боковые выемчаторетушные и поперечноретушные резцы (рис. 56, 2, 4-6), поперечные многофасеточные резцы (рис. 56, 7-8) и угловые (рис. 56, 1, 3).

Скребков в коллекции 25 экз. (24,3 %). Они также изготовлены на отщепах и сколах подпрямоугольных и случайных очертаний (рис. 56, 25, 27, 28; 57, 1-9, 12, 13, 15, 16). Как правило, скребки имеют дуговидный рабочий край, лишь у одного орудия отмечается приострение рабочего лезвия (рис. 57, 4). У ряда скребков (3 экз.) наблюдаются резцовые сколы на противоположном рабочему лезвию краю (рис. 57, 8). Данные орудия следует отнести комбинированным изделиям – скребок – резец. Резцово – скребковый индекс памятника достаточно высок – 1,4.

Интересны скобели (5 экз.), которые изготавливались на отщепах или на концах галек (рис. 57, 19-21). Долотовидные изделия представлены 3 экземплярами. Они изготавливались на подпрямоугольных отщепах и имели по 2 лезвия обработанные чешуйчатой подтеской (рис. 57, 9, 14).

К категории острий отнесены 2 предмета (рис. 56, 12, 13). Они изготавливались на пластинчатых отщепах подтреугольной формы и имели сходящиеся края, которые подрабатывались мелкой краевой ретушью. Острия орудий обломаны.

В коллекции отмечаются 5 массивных отщепа с приостряющей прерывистой ретушью, которые могли функциональной использоваться как ножи (рис. 56, 11).

Выразительной категорией кварцитовых изделий являются рубящие орудия. Два из них крупных размеров, судя по симметричному в сечении лезвию, можно определить как топоры. Один из топоров был найден в раскопе. Оба орудия имеют приостренную обушковую часть (рис. 58). Третье рубящее теловидное орудие имеет одностороннюю обработку поверхности и боковые выемки (рис. 56, 26).

XI. Стоянка Усть-Пожва V. На памятнике обнаружено 735 каменных предметов. Преобладающим видом каменного сырья является галечный кремль невысокого качества серо-голубых, зеленоватых оттенков (63 %). Реже использовался серый или темный кремнистый сланец (22 %) также низкого качества и кварцитопесчаник (13 %). Остальное каменное сырье представлено окремненным известняком (1 %) и габбро-диабазом (1 %).

Отходы производства составляют 55,8 % всего инвентаря (109 расколотых галек и бесформенных сколов, 268 отщепов и 33 чешуйки). Следует отметить значительное количество крупного обломочного материала, свидетельствующего, что на площади памятника производилась как первичная обработка каменного сырья, так и обработка нуклеусов и изготовление орудий.

На стоянке выявлено 147 нуклеусов (20 %). Четко морфологических определимых ядрищ немного 15 экз. Они представлены крупными уплощенными

формами с одной или двумя скошенными площадками (рис. 59, 1), торцовыми (рис. 59, 3) и грубопризматическими (рис. 59, 2, 4, 5). Остальные ядрища представлены изделиями с первичными сколами.

Полностью соответствуют технике скалывания с нуклеусов и заготовки, использованные при изготовлении орудий. Из 125 изделий с вторичной обработкой – 56 экз. (44,8 %) оформлено на отщепах, подавляющее большинство которых в той или иной мере несет желвачную корку. На расколотых гальках и бесформенных сколах изготовлено 37 орудий (29,6 %), на пластинах 27 орудий (21,6 %) и 5 орудий на нуклеусах (4 %).

Ведущей категорией инвентаря являются скребки – 30 экз. (24%). Преобладают концевые орудия на сечениях пластин, отщепах и сколах случайных очертаний (рис. 60, 1-3; 71, 3-5, 7, 8, 15, 16, 19-21).

Вторую категорию изделий представляют резцы – 15 экз. (12 %). Из них 9 резцов боковых выемчаторетушных и косоретушных на пластинах (рис. 60, 4, 5, 9, 24; 62, 14, 24). Имеются многофасеточные срединные – 4 экз. (рис. 60, 7, 12; 62, 23, 26), поперечные – 2 экз. (рис. 60, 10, 11, 22) и угловые (3 экз.) резцы (рис. 60, 6; 62, 25, 31). Резцово-скребковый показатель памятника – 0,5.

Вероятно, близкой в функциональном отношении резцам категорией являются изделия с «клювом», образованным ретушированной выемкой либо выломом части продольного края близ поперечного слома заготовки. Характерно, что поперечный край изделий также ретушировался (рис. 62, 9), что явно сближает эти изделия с резцами. Интересно изделие с «носиком», которое имеет выступ или угол высокой формы, обработанный с брюшка резцовыми сколами, реже ретушью. Для выделения выступа – «носика» прилегающие стороны ретушировались (рис. 62, 11).

Среди изделий с выемками лишь одно можно уверенно определить как скобель (рис. 60, 23). Остальные являются или обломками или заготовками орудий.

Перфораторы представлены 3 изделиями, из них 2 острия на пластинах (рис. 62, 13) и проколка на крупном отщепе с оформленными ретушью с тремя

отретушированными жальцами (рис. 62, 30). Долотовидных орудий найдено 2 экз. (рис. 62, 28, 29). Они изготовлены на подпрямоугольных сколах.

В коллекции памятника много отщепов со следами приострающей ретуши, которые могли функционировать в качестве режущих орудий (рис. 60, 26). Среди них выделяется 1 морфологически оформленный нож на сланцевой плитке (рис. 60, 27).

Среди пластин с вторичной обработкой можно выделить серию сечений с частичной торцовой поперечной ретушью и следами использования в качестве вкладышей для составных орудий в виде ретуши утилизации и выщерблин (рис. 60, 18, 20). Обращают внимание 2 пластины с притупливающей вентральной ретушью (рис. 60, 15).

Найдено одно геометрическое изделие в виде высокой симметричной трапеции без выемки (рис. 60, 17).

Выделяются кварцевые рубящие орудия с частичной унифасиальной обработкой поверхности и рабочего лезвия (рис. 61). Среди подъемного материала отмечается находка фрагмента позднего двустороннеобработанного наконечника стрел, который имеет случайный характер и не связан с комплексом финальнопалеолитического времени.

ХII. Местонахождение Усть-Пожва VI. В коллекции памятника находится 55 отдельных предметов. Среди них 11 кремнёвых галек с бессистемными сколами, 4 нуклеуса с первичными снятиями, 27 отщепов. Ножевидных пластин – 5 экз. Орудийный набор представлен 3 концевыми скребками (рис. 63, 2-4), и поперечным резцом на сланцевом отщепе (рис. 63, 1).

Материал памятников камско-пожвинской группы по технологическим параметрам в определенной степени отличается от памятников типа Горная Талица (более низкий индекс пластинчатости, высокий удельный вес в инвентаре скребков). Однако это связано, скорее всего, с низким качеством каменного сырья в этом районе и тем, что стоянки, приурочены к выходу руслового галечникового кремня, где древнее население проводило его первичную обработку. Скорее всего, концентрация стоянок финального палеолита близ устья р. По-

жвы в первую очередь связана с месторождением каменного сырья и их протяженность вдоль террасы, почти на 2 км, напоминает геоморфологическую позицию известного памятника камского мезолита с микролитическим инвентарем Огурдино, относящегося к раннебореальному времени.

ХIII. Стоянка Горка. В ходе сборов на памятнике собрано 522 отдельных предмета. Для производства орудий, как и обычно, для стоянок камско-пожвинской группы, в качестве каменного сырья применялся галечниковый кремнь невысокого качества часто сине-серых или зеленоватых цветовых оттенков (78,8 %), который широко представлен в русловом аллювии р. Камы и ее правого притока р. Иньвы. Значительно реже орудия изготавливались из серого или темного кремнистого сланца (14,1 %) и серо-желтого кварцитопесчаника (3,8 %). Единичное число орудий (3,3 %) было произведено из серого пятнистого яшмовидного кремня.

Отходы производства состоят из отщепов (162 экз.), аморфных расколотых кусков кремня и бессистемных сколов (83 экз.). Их удельный вес в составе вещевого инвентаря памятника достигает 46,9 %.

Нуклеусов в коллекции стоянки 63 экз. (12,1 %). Среди ядрищ параллельного принципа скалывания отмечают грубопризматические (12 экз.), торцовые (9 экз.). Остальные изделия представлены нуклеусами с 4-6 первичными снятиями. Наличие крупного обломочного материала и нуклеусов, значительное число которых покрыто желвачной коркой, свидетельствует о наличии первичного расщепления каменного сырья на памятнике.

Удельный вес ножевидных пластин в инвентаре памятника не слишком высок – 32 экз., включая орудия на них (6,1 %). Соотношение отщепов и пластин тоже не в пользу последних: 301 отщеп (90,4 %) и 32 пластины (9,6 %). Однако уровень вторичной обработки пластин значительно выше (90,7 %), чем отщепов (46,2 %). Это объясняется тем, что пластинчатые заготовки, сколотые с морфологически определимых нуклеусов параллельного принципа скалывания наиболее приемлемыми для производства такой важной категории орудий как

резцы, в тоже время большинство отщепов на стоянке, часто с желвачной коркой, являлись результатом первичной обработки нуклеусов.

Орудийный набор, выявленный на памятнике, представлен – 213 экз. (40,8 %). На отщепах произведено (65,3 %) орудий, на расколотых гальках и сколах (20,2 %), на пластинах (13,6 %) и на продольных сколах с нуклеуса (0,9 %).

Преобладающим типом изделий являются скребки - 46 экз. (21,6 %). Большинство орудий изготовлялось на отщепах и сколах овальной, подпрямоугольной или подтреугольной формы, реже на продольных сколах с нуклеусов (рис. 64, 3, 15). На пластинах изготовлено 5 концевых скребков (рис. 64, 1, 8, 12, 16, 18). Среди концевых скребков отмечаются двойные (рис. 64, 4).

К группе скребков следует отнести комбинированные изделия (4 экз.), где функции этих орудий являются определяющими. Среди них: скребок – нож со сплошной односторонней обработкой поверхности и двусторонней приотступающей ретушью, которым оформлено рабочее лезвие (рис. 64, 10), 2 скребка-резца (рис. 64, 11, 20), скребок на пластине с выемчатым усечением в основании (рис. 64, 8).

Вторая по значению категория орудий – резцы (27 экз. – 12,7%). Среди них преобладают боковые поперечноретушные, косоретушные и выемчаторетушные резцы, как правило, изготовленные на пластинах – 8 экз. (рис. 65, 1, 3, 4, 7, 9, 12, 13, 15). Среди боковых резцов отмечаются многолезвийные на пластинах с двойным усечением (рис. 65, 3, 4, 15). Среди резцов также выделяются поперечные многофасеточные (рис. 65, 5, 11), срединные (рис. 65, 8) и угловые изделия (рис. 65, 6, 14). На некоторых орудиях хорошо представлена техника плоского резцового скола. Резцово-скребковый индекс памятника составляет 0,6.

Привлекают внимание изделия с «носиком» – 10 экз. (рис. 66, 8-11). В отличие от более ранних форм, представленных в позднепалеолитическом комплексе стоянки Ганичата II, боковые стороны их не вогнутые, прямые, рабочая часть в сечении – треугольная, изогнутая в сторону брюшка.

Представительна группа пластин с ретушью – 9 экз. Среди изделий привлекают внимание пластины с косо - и поперечноусеченным ретушью концом – 4 экз. (рис. 66, 1-4) и краевой ретушью (рис. 66, 5, 6).

Проколоток найдено 6 экз. они обычно изготавливались на отщепах (рис. 66, 14). В коллекции привлекает внимание геометрическое изделие, изготовленное на широком сечении пластины в виде высокой симметричной трапеции со слабымчатыми отретушированными краями (рис. 66, 13). Особый интерес вызывает острие на пластине, обработанное по боковым краям односторонней крутой дорсальной ретушью. Не исключено, что функционально данное орудие использовалось как наконечник стрелы (рис. 66, 18).

Единичные изделия представлены 1 долотовидным однолезвийным орудием на подпрямоугольном сколе (рис. 66, 7) и орудием с коротким поперечным двустороннеобработанным лезвием, которое напоминает резак, свойственные для памятников камского неолита и энеолита (рис. 66, 12).

Среди крупных орудий из кварцита и песчаника привлекают внимание боковое скребло на массивном отщепе (рис. 67, 4) и два рубящих орудия, одно из которых имеет унифасиальную обработку поверхности (рис. 67, 1, 3).

Кроме того, найдено тщательно отшлифованное тесло с вогнутым лезвием, которое явно относится к времени позднего неолита – энеолита Пермского Прикамья (рис. 67, 2).

Остальные изделия представлены отщепами, сколами и рассеченными гальками с нерегулярной прерывистой ретушью.

Следует отметить, что каменный инвентарь стоянки эпохи финального палеолита явно имеет примесь предметов эпохи неолита или энеолита в виде отдельных подпрямоугольных, подтреугольных и овальных скребков, отдельных крупных пластин с краевой ретушью и резак.

XIV. Стоянка Русское Веретье. Коллекция памятник состоит из 1185 отдельных каменных предметов. В сырьевом спектре коллекции преобладает галечниковый кремнь (79,1 %). Серый кремнистый сланец невысокого качества при изготовлении орудий применялся реже (10,2 %). Небольшое количество

орудий производилось из серо-желтого кварцитопесчаника (9,6 %), Единичные изделия изготовлены из серой полосчатой яшмовидной породы и сургучной яшмы (1,1 %).

Отходы производства состоят из 389 отщепов, 125 расколотых галек и бессистемных сколов, 274 чешуек. В инвентаре памятника отходы первичного и вторичного расщепления кремня составляет 66,5 %.

В коллекции 38 нуклеусов (3,2 %). Среди нуклеусов параллельного принципа скалывания доминируют торцовые ядрища с прямыми фасетированными площадками – 22 экз., реже встречаются уплощенные призматические – 15 экз.. выделяется один конический нуклеус, обработанный по всему периметру. Остальные изделия представлены аморфными многоплощадочными нуклеусами и ядрищами с первичными сколами.

Индекс пластинчатости в инвентаре памятника достаточно высок – 236 ножевидных пластин (без учета чешуек), включая орудия (25,9 %). Соотношение отщепов и пластин также характеризует преобладание первых: соответственно 65,9 % и 34,1 %. Однако уровень вторичной обработки пластин выше – 22,8 % и 14,5 %.

Орудий в коллекции – 177 экз. (14,9 %). Среди них на отщепах изготовлено 37,2 % всех орудий, на рассеченных гальках и сколах (32,2 %), на пластинах (30,6 %).

Ведущая группа орудий скребки – 36 экз. (20,4 %). Из них лишь три изделия изготовлено на пластинах относятся к концевым. Остальные скребки оформлены на отщепах, сколах и рассеченных галек. Расположение рабочего края орудий, его форма и протяженность в большей мере определяется размещением и протяженностью вогнутого участка вентральной плоскости заготовки, нежели ее формой. По этой причине, помимо обычных концевых (рис. 68, 1, 6, 7, 11; 70, 12) встречаются изделия с диагональным расположением рабочего края (рис. 68, 2, 4, 12, 18, 20, 29) близкие к скреблам. Имеются скребки с боковыми выемками (рис. 68, 9, 21), с обработкой боковых граней резцовыми сколами (рис. 68, 17, 19), с двумя рабочими краями расположенными перпендику-

лярно по отношению друг к другу, с несколько вогнутым от сработанности рабочим лезвием (рис. 68, 22). Любопытен скребок высокой формы из поперечного скола с нуклеуса, который был рассечен в плоскости параллельной брюшку (рис. 68, 28). Полученное снятие в виде отщепа также использовалось в качестве скребка (рис. 68, 25).

Весьма примечательно наличие в коллекции микроскребков (рис. 68, 8, 9), самый миниатюрный из которых имеет ширину до 8 мм, но при этом обработан ретушью по всему периметру (рис. 68, 8). На фоне основной части скребков, оформленных крутой полукруглой ретушью, выделяется группа изделий, несущих пологую, скорее приостряющую, далеко заходящую на боковые края ретушь (рис. 68, 3, 10, 15). Характерно, что у трех орудий боковой край обработан отвесной, притупливающей ретушью.

Скребел в коллекции 3 экз., два из них, на сколах из кварцита и кремня, обработаны грубой отвесной ретушью и представляют собой, вероятно, предельно утилизированные формы (рис. 70, 10). Третье скребло представлено фрагментом (рис. 70, 18), судя по которому, изделие было преднамеренно рассечено поперек рабочего края на несколько частей.

Промежуточное положение между скреблами и скребками, помимо уже упомянутых скребков с диагональным расположением рабочего края занимают 4 довольно крупных кварцитовых отщепа с крутой отвесной ретушью (рис. 68, 26, 27).

В инвентаре памятника наблюдается высокий удельный вес долотовидных изделий - 36 экз. (20,4 %). Они изготовлены на прямоугольных отщепах и сколах и представляют типичные *pièces escaillées* часто с двумя лезвиями (рис. 69, 14-21).

Резцов немного – 10 экз. (5,7 %), из них 4 на пластинах, остальные на отщепах. Резцово-скребковой показатель невысок – 0,3 %. Типологически изделия довольно разнообразны. Среди боковых резцов имеются косоретушные, выемчаторетушные и поперечноретушные орудия (рис. 69, 6-8, 9, 10). Среди резцов на отщепах представляют интерес поперечные изделия, рабочие кромки,

которых ограничены с обеих сторон отретушированными выемками – площадками. Причем снятия произведены с обеих площадок навстречу друг другу (рис. 69, 1, 2). В коллекции имеется 1 многофасеточный срединный резец (рис. 69, 13).

Несколько напоминают угловые резцы пять фрагментов пластин со «смятыми» углами, но отсутствие на них выразительных снятий не позволяет объединять эти категории. Возможно, образование выщерблин или микроретуши на краях пластин, связано с тем, что в качестве резцов эти заготовки использовались без вторичной обработки (рис. 69, 22, 27, 33).

Пластин с ретушью в коллекции 8 экз., большинство из которых представлены обломками орудий. Две целых пластины функционально являлись ножами, имея приостряющую ретушь с характерным расположением на проксимальной части заготовки (рис. 69, 28, 29). Три узкие пластины имеют поперечно усеченные ретушью дистальные концы (рис. 69, 25, 26). Интерес представляют 5 пластин с подтеской торца (рис. 69, 3, 5, 22).

Представляют исключительный интерес наконечники стрел и их фрагменты найденные на памятнике. Один черешковый наконечник стрелы изготовлен на массивном кремневом отщепе с негативами от центростремительных снятий на спинке, благодаря чему орудие имеет очень острые края по всему периметру не тронутому вторичной обработкой. Черешок обработан отвесной усеченной выемчатой ретушью. Вентральная плоскость наконечника не подвергалась вторичной обработке (рис. 70, 1). Выявленный наконечник явно близок к аренсбургским формам, встречающихся на финальнопалеолитических памятниках Русской равнины, в частности в материалах иеневской культуры (Зализняк, 1989. С 14. Рис. 2, 46-51; Сорокин, 2004. С.77. Рис. 3, 1; 2005. Рис. 29, 44, 62).

Листовидных наконечников с фрагментами найдено 6 экз., из них 2 изготовлено из галечникового кремня и 4 из серого кремнистого сланца, что свидетельствует о их глубокой древности. Оба наконечника из кремня выполнены на массивных пластинчатых отщепах и листовидной формой обязаны не исходным вытянутым пропорциям заготовок, а предварительной формообразующей

обработке поверхности. Окончательно оформлены изделия при помощи краевой ретуши. Обивка и ретушь произведена на орудиях очень грубо, с заломами, разными по глубине. Вентральные стороны обработаны подтеской, у двух орудий вдоль краев (рис. 70, 4, 5), у второго сплошь по всей поверхности (рис. 70, 6). Несмотря на бифасиальность, изделия имеют плоско-выпуклое сечение. В интенсивности обработки так же заметна асимметрия – один из краев обработан более тщательно как со спинки, так и с брюшка.

Наконечники стрел, изготовленные из темного кремнистого сланца фрагментированы. Полностью восстановлено только одно орудие (рис. 70, 2). Орудие оформлено на ребристом пластинчатом отщепе. Правый край орудия почти на всю длину «подрезан» полукруглой ретушью, а левый лишь слегка подправлен двумя снятиями и ближе к основанию сохранил негативами подправки площадки нуклеуса. С брюшка изделие так же обработано только по одному краю, но по левому. Наиболее крупные и глубокие негативы расположены в нижней части вентральной плоскости, фиксируя следы снятия ударного бугорка. Так же ретушью с брюшка скошен конец изделия, вероятно, с целью компенсировать продольный изгиб заготовки.

Второй сланцевый наконечник собран из 4 фрагментов сечений. К сожалению, острие орудия найти не удалось (рис. 70, 4). Изделие оформлено на пластине. Левый край в нижней трети наконечника скошен дорсальной ретушью, образуя приостренное основание. Этот же край с вентральной плоскости отретуширован на всю длину.

Не исключено, что два скошенных острия (рис. 70, 3, 4) на ножевидных пластинах из серого кремнистого сланца, обработанные по одному из краев полукруглой дорсальной ретушью, так же являются фрагментами наконечников стрел. Кроме того, в коллекции присутствует острие на пластине треугольной формы, основание которого скошено крутой ретушью (рис. 70, 9). Левая латераль отсутствует, но из-за следов пребывания орудия в огне трудно сказать естественный это слом или преднамеренное усечение

Найден геометрический микролит в виде высокой симметричной слабываемчатой трапеции (рис. 70, 8).

Рубящих орудий и их фрагментов в коллекции 8 экз. Все изделия изготовлены из серо-желтого кварцитопесчаника. Чопперы представлены 4 предметами. Два из них, целый (рис. 69, 3) и фрагмент, изготовлены на крупных плоских гальках. Следы сработанности на рабочих краях позволяют определить эти изделия именно как рубящие, а не как ядрища. Два других чоппера изготовлены из 2 фрагментов, полученных рассечением по диагонали гальки вытянутых пропорций. На узких концах полученных заготовок оформлены узкие долотовидные рабочие лезвия.

Кроме того, выделяются рубящие орудия в виде небольших топоров или тесел, обработанных с одной стороны. Отличительной особенностью данных орудий является сплошная обработка выпуклой стороны, почти по всему периметру и очень слабо выделенный перехват (рис. 71, 1, 4). Имеется в коллекции также фрагмент рубящего орудия в виде обушковой части линзовидного сечения со сплошной двусторонней обработкой (рис. 71, 2). Судя по симметричности сечения это фрагмент топора.

Кроме морфологических определимых орудий в коллекции памятника имеются 42 отщепа и скола со следами нерегулярной прерывистой ретушью, а также 3 ретушера на кусках кремня с характерными забитостями рабочих участков.

XV. Стоянка Гарчи II. На памятнике собрано 622 предмета. В отличие от других стоянок камско-пожвинской группы на местонахождении Гарчи II ведущий сырьевой материал для производства каменных орудий серый или темный кремнистый сланец высокого качества (67,8 %). Из кремня изготавливалось (15,2 %) орудий. Подобный уровень занимает в коллекции изделия из серо-желтого кварцитопесчаника (15,2 %). Крайне редко использовалась сургучная яшма (1,8 %).

Отходы первичного и вторичного раскалывания камня включают 257 отщепов, 81 бессистемный скол и рассеченные гальки, а также 11 чешуек, что со-

ставляет 54, 5 % всего инвентаря стоянки. Для комплекса в отличие от материалов других стоянок камско-пожвинской группы характерен значительный пластинчатый индекс – 211 пластин, включая орудия (34,5 %). Соотношение отщепов и пластин следующее – 56,1 % и 43,9 %. Вторичной обработке пластины подвергались намного чаще (16,1 %), чем отщепы (4,8 %).

В коллекции имеется 47 нуклеусов (7,6 %). Среди них преобладают грубопризматические нуклеусы с которых скалывались нерегулярные узкие и средние пластины – 33 экз. (рис. 76, 3-4). Остальные изделия представлены ядрищами с первичными сколами и многоплощадочными аморфными нуклеусами. Удивительно, что при присутствии в коллекции гигантских и массивных пластин из темного кремнистого сланца, ядрищ, соответствующих их размерам не обнаружено. Отсюда следует предположить, что на памятник приносили уже готовые заготовки из неизвестной стоянки – мастерской, где имелись выходы валунного качественного темного кремнистого сланца.

Характерно, что значительная часть (83,9 %) ножевидных пластин, среди которых преобладали широкие и массивные экземпляры не подвергались вторичной обработке и возможно, являлись сообразным сырьевым запасом для создания крупных пластинчатых изделий. Учитывая, что скопление найденных каменных изделий было строго локализовано, а сами изделия подвергались ремонту, скорее всего, они находились в каком-то сооружении.

Орудий в коллекции немного – 59 экз. (9, 5 %).

Удивительно, что в составе каменного инвентаря очень мало скребков – 6 экз., которые изготавливались на сколах и отщепах. Орудия имели подпрямоугольные очертаний. Среди них выделяется концевой скребок с дуговидным крутым краем на массивной пластине (рис. 73,6).

Представительную группу составляют резцы на пластинах, среди которых 5 угловых (рис. 73, 5; 74, 3, 4, 6, 8). Интересны два резца на гигантских пластинах. Первое орудие оформлено на пластине с приостренным дорсальной ретушью концом пластинчатой заготовки (рис. 73, 3). Косопоставленный резцовый скол отмечается на вентральной плоскости орудия. Противоположный

конец резца имеет выемчатое усечение. Еще один резец с торца пластины покрыт несколькими фасетками поперечных сколов (рис. 72, 3). Еще один боковой поперечноусеченный резец на массивной пластине неоднократно обновлял свой рабочий край резцовыми сколами (рис. 72, 4). К нему близок еще один боковой поперечноретушной резец на пластине меньших размеров (рис. 72, 2).

Значительную группу изделий составляют пластины с ретушью – 7 экз. Многие из них покрыты краевой приостряющей ретушью и их можно квалифицировать как ножи (рис. 73, 1; 83, 5). У одной пластины имеется угол, оформленный выемчатой ретушью с брюшка (рис. 73, 4).

Найдено одно геометрическое изделия, представляющее собой симметричную выемчатую низкую трапецию (рис. 73, 7).

На памятнике собрана представительная группа кварцитовых рубящих орудий. Среди них массивный односторонне обработанный топор с боковой выемкой и ассиметричным рабочим лезвием (рис. 76, 1). Другой топор имеет только обработку нижней части рассеченной кварцитовой гальки (рис. 76, 2). Еще два массивных топора с унифасиальной обработкой поверхности имеют слабо выраженные выемки по краям (рис. 75).

Два других рубящих сплошь одностороннеобработанных орудий изготовлены на более мелких уплощенных кварцитовых гальках (рис. 74, 1, 2) и имеют подтеску рабочего лезвия с тыловой части. Одно орудие обладает прямоугольной формой, второе вытянутых пропорций имеет боковые выемки.

Остальные орудия морфологически неопределимы и представлены отщепами, сколами и рассеченными гальками с краевой нерегулярной прерывистой ретушью.

По орудийному набору памятник Гарчи II в значительной степени выделяется среди финальнопалеолитических стоянок камско-пожвинской группы, что явно объясняется его какой-то определенной хозяйственной спецификой.

XVI. Местонахождение Таман. В размытой части местонахождения собрана 30 предметов из кремня, кремнистого сланца и кварцита.

Отходы производства каменного сырья состоят из 6 бесформенных сколов, 12 отщепов. Нуклеусов в коллекции 3 экз. – 1 торцовый и 2 аморфный. Кроме того обнаружена 1 узкая пластинка без ретуши.

Орудий в коллекции – 5 предметов. Среди них 2 скребка с дуговидным рабочим краем на отщепе и на рассеченной гальке 2 угловых резца на пластинчатых отщепах. Орудийному комплексу сопутствовал рубящее орудие с слабо выраженными выемками с односторонней обработкой поверхности, изготовленное на продольно расколотовой кварцитопесчаниковой гальке (рис. 77). Несмотря на небольшой материал местонахождение Таман хорошо сопрягается типологически с комплексами камско – пожвинской группы памятников тип Усть – Пожва.

3.3. Памятники Камско-Воткинской группы

XVII. Стоянка Ягодное I. Комплекс каменных изделий памятника состоит из 152 предметов. Основную массу инвентаря (98 %) составляют нуклеусы и отходы их обработки (отщепы, чешуйки, различные сколы). Для изготовления нуклеусов применялся высококачественный галечниковый кремний (48 %), зеленый сланец (35 %), реже темный кремнистый сланец (12 %) и сургучная яшма (5 %).

Нуклеусов в коллекции – 35 экз. (23 %). Столь высокий удельный вес ядрищ в материалах памятника объясняется тем, что он функционально использовался как мастерская по переработке каменного сырья из руслового аллювия II надпоймы, мощные выходы которого наблюдаются в районе местонахождения древних артефактов. Среди ядрищ преобладают нуклеусы параллельного принципа скалывания – 25 грубопризматических изделий (рис. 78; 79, 1, 2). Для изготовления нуклеусов использовались крупные овальные или продолговатые гальки. Полностью обработанных по периметру ядрищ в коллекции нет. Почти все из них на тыльной части сохраняют желвачную корку. Овальные и овально вытянутые площадки нуклеусов покрыты грубыми фасетками сколов и сильно скошены. С нуклеусов параллельного принципа скалывания производилось снятие средних и широких пластин с неровными расходящимися краями. Вто-

рая группа ядрищ представлена многоплощадочными поддисковидными формами на крупных, иногда массивных желваках – 5 экз. С этих нуклеусов производилось скалывание отщепов и удлиненных пластинчатых сколов (рис. 79, 3). Третья группа нуклеусов состоит из ядрищ с первичными сколами – 5 экз. Обычно это овальные или продолговатые крупные гальки, имеющие по одному или трем негативам на фронтальной стороне и слегка намеченную ударную площадку, которая иногда сильно скошена по отношению к плоскости скалывания, что морфологически сближало эти изделия с чопперовидными рубящими орудиями. Судя по характеру, нуклеусы, изготовленные из каменного сырья с высокими изотропными свойствами, очевидно, уносились с площадки мастерской на базовое поселение. По характеру нуклеусов индустрию памятника следует квалифицировать как пластинчатую.

Пластин в коллекции крайне мало – 20 экз. Они представлены заготовками с неровными, часто расходящимися краями и обладают шириной в пределах 1-2 см. На ряде заготовок сохраняется желвачная корка. Найдена лишь одна правильная призматическая микропластинка, шириной 0,5 см. Столь небольшое число пластинчатых заготовок свидетельствует, что на памятнике производились пробные пластинчатые снятия. Удачные заготовки пластин также, как и качественные ядрища, уносились с площади памятника.

Орудийный набор стоянки невелик – 12 экз. (7,9 %). Найден 1 боковой косоретушный резец на пластине (рис. 80, 5). Привлекает внимание обломок пластины с выемчатоусеченным ретушью концом из темного кремнистого сланца (рис. 80, 7). Интерес вызывает клювовидное орудие на расщепленной гальке. Его рабочий край оформлен мелкими плоскими сколами, напоминающие резцовые (рис. 79, 6). Подобные орудия найдены на финальнопалеолитических стоянках Горка и Усть-Пожва V. Целая серия этих орудия выявлена на памятнике поздней поры верхнего палеолита Пермского Приуралья Ганичата III.

Найдено 3 долотовидных орудия. Два орудия изготовлено на первичных сколах и имеют два рабочих лезвия, оформленных чешуйчатой подтеской. У

одного из них подтеска двусторонняя (рис. 79, 4, 5). Третье долотовидное изделие изготовлено на сечении первичной пластины (рис. 79, 8).

В коллекции имеются 2 ножевидные пластины с краевой ретушью. Одна первичная массивная пластина с дорсальной плоскости покрыта местами выемчатой прерывистой ретушью (рис. 79, 7; 80, 6). Интересен пластинчатый отщеп с вентральной ретушью, которая покрывает и приостренную часть заготовки (рис. 80, 3). Кроме того, к орудиям можно отнести 1 отщеп с нерегулярной прерывистой ретушью.

Из орудий выделяется рубящее теслообразное изделие, изготовленное на расщепленной гальке из зеленого хлористо-кремнистого сланца. С одной стороны изделие покрыто параллельными сколами. Тесло, очевидно изготовлено на уплощенном ядрище. Рабочее лезвие орудие обработано чешуйчатой подтеской с двух сторон. На тыловой поверхности изделия наблюдаются обработанные выемки для перехвата (80, 2). Привлекает внимание чоппинговидное выемчатое орудие на расщепленной гальке (рис. 80, 1).

Таким образом, состав каменного инвентаря стоянки Ягодное I, ее приуроченность к месторождению аллювиального гравия позволяет констатировать, что это местонахождение является специализированной мастерской по изготовлению нуклеусов-полуфабрикатов. Это подтверждается наличием значительного числа ядрищ с первичными снятиями заготовок. По технике раскалывания кремня, типологическому набору орудий и находкам небольшого комплекса плейстоценовой фауны (дикая лошадь), а также геоморфологическому положению памятник относится к самому финалу палеолита.

XVIII. Местонахождение Окуловский Остров I. При осмотре памятника собран подъемный материал, состоящий из 73 изделий из галечникового кремня, кварцитопесчаника, темного кремнистого сланца серого и серо-зеленого цвета.

Отходы производства включают 9 отщепов и 38 сколов - 47 экз. (64,4 %). Технику раскалывания иллюстрируют 3 ядрища. Два из них грубопризматических с негативами от скалывания первичных снятий пластин и пластинчатых

отщепов, третий торцовый, также с первичными сколами (Рис. 81, 1, 3). К классу нуклевидных принадлежат также 13 бессистемных нуклевидных кусков.

Найдено 3 ножевидных пластины без вторичной обработки, одна из которых представлена медиальным фрагментом (рис. 81, 9-11).

Орудийный набор представляют следующие изделия. Привлекают 2 орудия на массивных кварцитовых отщепах. Приостренная часть одного из орудий оформлена резцовым сколом (рис. 81, 6). Найдено долотовидное изделие из крупной расколотой гальки серого кремнистого сланца, имеющееся два рабочих края, оформленных крупной односторонней ретушью (рис. 81, 8).

В коллекции имеется 1 скошенное острие на пластинчатом отщепе из серого кремнистого сланца. Орудие оформлено с помощью вентральной ретушью в дистальной части заготовки (рис. 81, 13). Найдены один проксимальный сегмент пластины из темно-серого кремня с поперечноусеченным ретушью концом (рис. 90, 10) и 2 скола с краевой ретушью (рис. 81, 12).

XIX. Местонахождения Окуловский Остров II. На памятнике собран подъемный материал, состоящий из 43 отдельных изделий из галечникового кремня, кварцита, темного и серо-зеленого кремнистого сланца. Технику раскалывания камня иллюстрируют 5 ядрищ.

Отходы производства состоят из 19 сколов и 5 отщепов. В коллекции стоянки имеется 6 нуклеусов. Из них 5 грубопризматических ядрищ имеют негативы от снятия пластин, а также пластинчатых отщепов (рис. 82, 2-5). Выделяется один уплощенный нуклеус из крупной кварцитовой гальки темно-серого цвета с негативами от скалывания с него крупных отщепов (рис. 91, 1). Кроме того, найдены нуклевидные куски с бессистемными негативами от снятия отщепов.

Орудий немного Найдено одно боковое скребло на кварцитом сколе с дуговидным рабочим лезвием, оформленным крутой почти отвесной ретушью (рис. 82, 7). В коллекции присутствует один овальный скребок (рис. 82, 8). Остальные изделия (3 экз.) состоят из отщепов и сколов с ретушью (рис. 82, 6, 9, 11).

XX. Местонахождение Окуловский Остров III. На памятнике собрано 32 предмета из галечникового кремня, кварцита и кремнистого сланца серого и серо-зеленого цвета. Половину всех находок составляют заготовки и отходы производства (15 сколов и 1 отщеп).

В коллекции присутствует 4 нуклеуса с первичными снятиями крупных отщепов и 5 нуклевидных кусков, имеющих негативы от бессистемно снятых отщепов и сколов.

Среди орудий 2 скребка: один – на первичном сколе с кремневой гальки черного цвета, имеющий овальный край, оформленный крутой ретушью, второй – концевой на широкой первичной пластине (рис. 83, 3, 6). Выделяется одно скребло на первичном сколе с кварцитовый гальки. Двусторонней ретушью обработан левый продольный край орудия, а при помощи мелких плоских сколов приострен его верхний округлый конец (рис. 83, 4).

Среди 2 режущих орудий интересен нож на крупном отщепе из серо-розового кремня со стесанным брюшком (рис. 83, 9). Второе режущее орудие с вентральной ретушью изготовлено на удлиненном сколе (рис. 83, 7).

Интересно орудие на массивном удлиненном отщепе, один конец которого оформлен крупной плоской ретушью (рис. 83, 4). Найден 1 угловой резец на отщепе (рис. 83, 7). Кроме того, выявлено одно долотовидное изделие и выемчатое орудие (скобель) на сколах.

Материал местонахождений Окуловский Остров I-III близок к расположенной рядом стоянке Ягодное I – тот же состав каменного сырья, наличие нуклеусов с первичными снятиями, приуроченность к галечным русловым отложениям. Однако на этих местонахождениях более высок удельный вес орудий, многие отщепы и сколы без вторичной обработки имеют следы сработанности.

XXI. Стоянка Рязановский Лог. Обнаружено 254 каменных изделий, располагавшиеся компактным скоплением, близ обнажений 2 надпойменной террасы. Для производства орудий применялся разноцветный галечниковый

аллювиальный кремень, чаще серовато-зеленоватых оттенков, реже сургучная яшма, серый и зеленый кремнистый сланец и изредка кварцитопесчаник.

Отходы производства представлены 130 отщепами, 11 бесформенными кусками, 27 первичными сколами с галек и 5 поперечных сколов с нуклеуса (67,7 %). Нуклеусов в коллекции 32 экз. (12,6 %). Среди них преобладают ядрища с скошенными площадками (84,4 %). Среди нуклеусов превалируют аморфные многоплощадочные (25 экз.). Остальные изделия представлены 1 торцовым односторонним, 1 уплощенным и 5 призматическими ядрищами. (рис. 84, 1, 2, 4; 85 3, 4, 6). Многие нуклеусы имеют негативы от первичных снятий пластин и отщепов.

Индекс пластинчатости невелик – 18 ножевидных пластин без вторичной обработки и 11 орудий на пластинах (11,4 %). Следует отметить, что отщепов с вторичной обработкой в коллекции памятника нет. Кроме пластин орудия производились на сколах или на рассеченных и уплощенных гальках.

Орудий в коллекции - 31 экз. (12,2 %). Среди них выделяются 3 концевых скребка на пластинах (рис. 84, 6, 11; 86, 3). Резцов в коллекции 4 экз. Два угловых многолезвийных резца изготовлено на пластинах, один угловой на продольном сколе с нуклеуса (рис. 86, 5, 6, 12). Интересен нуклевидный многофасеточный резец (рис. 86, 4).

Пластин с ретушью в коллекции 5 экз. Среди них выделяется крупная ножевидная пластина с дорсальной обработкой из серого кремнистого сланца, у которой угол скошен пологой вентральной ретушью (рис. 84, 7). Две ножевидные пластины покрыты дорсальной краевой ретушью (рис. 84, 3, 5). Одна пластина имеет поперечное усечение (рис. 84, 8). Выделяется в коллекции скошенное острие (рис. 84, 10).

Определенную группу составляют выемчатые орудия на сколах с галек – 10 экз. (рис. 85, 2, 5; 86, 1, 2), а также долотовидные изделия на уплощенных или рассеченных гальках (6 экз.), рабочие лезвия, которых обработаны односторонней или двусторонней поддтеской (рис. 84, 12, 13; 85. 7, 8). Интересно рубящие орудие из уплощенной гальки из кварцитопесчаника с односторон-

ней обработкой рабочего края (рис. 85, 1). Кроме того, в коллекции имеются два отбойника.

Материалы стоянки Рязанов Лог по составу каменного сырья и характеру изделий имеет явную близость к местонахождениям Ягодное и Окуловский Остров I-III, но отличаются более богатым и выразительным орудийным набором. Приуроченность к выходам руслового галечника и наличие значительного числа нуклеусов с первичными снятиями позволяет квалифицировать этот памятник как стоянку-мастерскую.

XXII. Стоянка Кресты II. В ходе раскопок на памятнике было собрано 141 изделие, которые были изготовлены из пород камня: кремнь серых расцветок, темный кремнистый сланец, зеленоватый хлористо-кремнистый сланец.

Наиболее многочисленную категорию составляют отходы производства – первичные и вторичные сколы (70 экз. – 49,6 %). Нуклевидных изделий найдено 46 экз. (32,6 %). Среди предметов этой категории преобладают аморфные нуклевидные куски с бессистемными сколами (39 экз.). Четко морфологически определимых ядрищ в коллекции 7 экз. Среди них выделяется один крупный аморфный нуклеус без четко выраженной ударной площадки. Он имеет негативы от снятия коротких и удлиненных отщепов. Снятие заготовок велось по всей его поверхности (рис. 88, 1). Среди ядрищ преобладают грубопризматические формы (5 экз.). Среди них крупный уплощенный нуклеус с негативами от снятия пластинчатых отщепов (рис. 87, 1). Другие грубопризматические ядрища имели более мелкие размеры (рис. 87, 2,3). Следует отметить, что практически все ядрища покрыты желвачной коркой. Форма нуклеусов была обусловлена формой желвака и качеством исходного сырья.

Орудий в коллекции - 25 экз. (17,9 %) Преобладают долотовидные изделия – 7 экз. Все они изготовлены на отщепах, сколах или рассеченных гальках и имеют по одному рабочему лезвию, обработанному чешуйчатой односторонней подтеской (рис. 89, 2, 3).

Найдено 3 режущих изделия. Один крупный нож произведен на плоской массивной расколотовой естественным способом гальке из хлористокремнистого сланца серо-зеленого цвета (рис. 90, 5). При оформлении обушка древним мастером с гальки был сбит ступенчатый бугорок, отчего осталось характерное углубление. Рабочий край орудия произведен с помощью скола, нанесенного под углом и подправленного приостряющей односторонней ретушью. Второй нож изготовлен на массивном пластинчатом отщепе. Рабочий край орудия оформлен с помощью односторонней приостряющей ретушью. Наиболее выразителен третий нож на плитке темного серого кремнистого сланца. Изогнутый рабочий край орудия оснащен двусторонней приостряющей ретушью. На обушковой стороне ножа отмечается длинный резцовый скол (рис. 90, 3). На одной стороне ножа, не имеющей желвачной корки, отмечаются следы гравировки – три изогнутые параллельные короткие полосы. Кроме того, полосу, расположенную рядом с лезвием, под углом пересекает еще одна короткая полоска.

Найдено 2 пластинчатых отщепов с отретушированными выемками по краю (рис. 90, 4, 6), которые, очевидно, исполняли функции скобелей. Резцов выявлено 3 экз. Один срединный резец изготовлен на удлиненном отщепе из темного кремнистого сланца (рис. 89, 5). Угловой двойной резец произведен на пластинчатом отщепе (рис. 89, 4) и поперечный на сколе (рис. 90, 7)

Интерес представляет рубящее орудие на расколотовой кварцитовой гальке. Рабочий край на остром конце гальки оформлен при помощи крупного скола с последующей подретушевкой (рис. 89, 1). С обоих концов орудия имеются следы сработанности – на остром конце заглаженность и ретушь утилизации, а на противоположном широком тупом конце забитости и заломы от удара по нему тяжелым предметом, очевидно, другим камнем. Возможно, данное орудие использовалось для раскалывания костей животных.

Скребок в коллекции 3 экз. Один из них подпрямоугольной формы изготовлен на расколотовой кварцитовой гальке. Рабочий край орудия оформлен крутой ретушью (рис. 90, 1). Второй скребок на расколотовой кремневой гальке

имеет рабочее лезвие, оснащенное плоской ретушью и подтеской. Интересен миниатюрный скребок изготовлен на первичном сколе. Привлекает внимание продольное скребло на расколотой кварцитовой гальке. Широкий рабочий край орудия оформлен крупной ретушью (рис. 90,2).

Любопытны остроконечные орудия (рис. 89, 6, 9). Один предмет изготовлено на пластинчатом первичном сколе и имеет по боковому краю одностороннюю ретушь. Жальце орудия с одной стороны оформлено ретушью, а с другой подтеской. Второе острие также изготовлено на сколе. Жальце орудия и боковой край оформлены с помощью подтески и подретушовки. Скорее всего, данные острия исполняли функции в качестве проколов-разверток. Кроме того, на стоянке найдены 3 целых отбойника и один обломок.

При расщеплении камня обитателями стоянки использовалась в основном техника параллельного снятия заготовок. Судя по имеющимся нуклеусам, преобладающей формы заготовки были пластинчатыми отщепами, а также нерегулярные пластины. Отсутствие в материалах памятника, как пластин, так и орудий на них может быть объяснено специфическим набором орудий: преобладание долотовидных орудий, в меньшей степени режущих изделий и скребков. Также отсутствие пластин свидетельствует скорее о том, что на территории памятника пока вскрыта небольшая площадь.

Несмотря на то, что памятник отличается своеобразным набором орудий он в целом по технике раскалывания кремня и составу каменного сырья входит в круг финальнопалеолитических памятников Камско-Воткинской группы.

XXIII. Стоянка Устиново. На распаханном участке памятника собрано 24 предмета. В коллекции 2 нуклеуса. Одно ядрище с сильно скошенной площадкой из серо-зеленой гальки имеет первичные пластинчатые снятия (рис. 91, 1). Второй уплощенный нуклеус из серо-зеленого галечникового кремня не имеет четко выраженную площадку. С него произведены снятия удлиненных и коротких отщепов.

Среди орудий выделяется 2 чоппинговидных изделия (рис. 92, 3). Первое изделие изготовлено на овальной гальке серо-зеленого цвета. Каменное сырье слоистое и невысокого качества. Второе орудие произведено из темно-серого кварцитопесчаника.

Интересны 3 долотовидных орудия. Первое орудие изготовлено на поперечном сколе с нуклеуса из зеленого хлористо-кремнистого сланца, на котором отмечаются 3 негатива от скалывания узких пластин. Дорсальной чешуйчатой подтеской оформлен боковой край изделия (рис. 92, 2). Второе орудие изготовлено на вытянутой расколотой естественным образом гальке из серо-коричневого кварцитопесчаника (рис. 92, 4). С дорсальной плоскости подтеской оформлен приостренный конец изделия. Противоположное окончание предмета также имеет подработку с вентральной плоскости. Одна из боковых граней орудия имеет широкую выемку, обработанную ретушью. Очевидно, орудие исполняло и функцию скобеля. Еще одно долотовидное орудие изготовлено на массивном пластинчатом сколе из серого кремнистого сланца. Рабочий конец изделия оформлен двусторонней подтеской (рис. 91, 3).

В коллекции выделяются 2 скребка. Один боковой скребок овально-вытянутой формы имеет два противолежащих рабочих края, один дуговидный, второй относительно прямой (рис. 92, 5). Второй концевой скребок изготовлен на массивном первичном пластинчатом сколе. Ретушь заходит на боковые грани орудия (рис. 91, 4).

Интересно орудие типа остроконечника на подтреугольном естественном галечниковом сколе (рис. 91, 2). Одна из боковых граней изделия оформлена скребковой ретушью. Типологически орудия следует отнести к боковым скреблам. Близкое по технике изготовления изделие найдено на стоянке Усть-Сыльва.

Привлекает внимание орудие на уплощенной гальке из серо-зеленой яшмовидной породы. Приостренный конец изделия обработан чешуйчатой ретушью. Данное орудие могло исполнять рубящее и режущие функции (рис. 91, 5). Выделяется выемчатое изделие на удлиненном сколе из темного кремни-

стого сланца (рис. 91, 6). В коллекции имеется поперечный резец на подтреугольном сколе из темного кремнистого сланца (рис. 92, 1). Кроме того, найден отщеп с ретушью (рис. 92, 6).

Остальные изделия представлены 2 удлинёнными сколами с ретушью утилизации, 1 куском кремневой гальки с бессистемными сколами, 3 короткими подпрямоугольными сколами и 3 отщепами.

Изделия, найденные на стоянке, сильно окатаны, что свидетельствует о долгом их нахождении на поверхности в древности, до закрытия их чехлом покровных суглинков. По технико-типологическим показателям орудийный набор, выявленный на памятнике свойственен материалам других памятников камско-воткинской группы.

XXIV. Поселение Баской Лог. В 1953 г. в шурфе Б.Х. Кадиковым вместе с фрагментами раннеананьинской керамики был найден небольшой комплекс финальнопалеолитического облика из 5 предметов. Среди них 3 ножевидных пластины, поперечноретушной боковой многолезвийный резец из серо-коричневого сланца и низкая ассиметричная трапеция с боковыми выемками (рис. 93). Данный финальнопалеолитический комплекс с выемчатой трапецией пока единственный в камско-пожвинской группе памятников.

3.4. Предуральская группа памятников

XXV. Грот Большой Глухой. В пределах слоя II (раскоп II), фиксирующего местоположения святилища, найдено 3 кремневых предмета – плитка кремня с негативами от скалывания узких пластин (уплощенный фронтальный нуклеус) и два фрагменты дистальной части пластины из светлого кремня. Кроме того, в пределах раскопа I на предвходовой площадке грота в слое II с костями крупных млекопитающих были найдены 2 кремневых предмета – миниатюрный призматический нуклеус параллельного принципа скалывания и пластина с нерегулярной чешуйчатой ретушью.

Особый интерес привлекают внимание костяные изделия, выявленные в пределах жертвенного комплекса. По мнению П. Ю. Павлова, они представлены инструментами, которые, очевидно, применялись для обработки шкур жи-

вотных (Павлов П.Ю, 1996. С.60). Среди них две разбитые трубчатые кости лося, у которых края внутренней поверхности оформлены ретушью и сильно залощены от работы (рис. 95; 96). Обнаружено крупное изделие из целой берцовой кости лося. Из диафиза кости была вырезана прямоугольная пластина по всей ее длине. Края орудия, полученные в результате этой операции, сильно заполированы (рис. 94). Отмечается серия боковых скребков или скребел (рис. 97, 4, 5, 6, 7). Кроме того, обнаружено много отщепов из кости, часть которых имеют следы надрубов, лощения, нарезок (рис. 97, 8-10). Обнаружен небольшой фрагмент трубчатой кости с прорезанным пазом (рис. 96, 3). Крайний интерес привлекает небольшой фрагмент плоской (черепной?) кости с гравировкой в виде двух параллельных линий (рис. 96, 5). Выделяется серия проколов из тонких плоских заостренных костей (рис. 106, 1-3). В жертвенном комплексе были также обнаружены две уплощенные миниатюрные бусы из перламутра и костяная подвеска с отверстием в центре (рис. 96, 4).

К сожалению, скудость кремневого материала не позволяет точно определить культурную принадлежность этого выдающегося жертвенного комплекса, который убедительно датирован самой гранью плейстоценовой и голоценовой эпох в Среднем Приуралье.

XXVI. Пещера Подземных Охотников (Стадника). В дальнем гроте пещеры был найден костяной составной нож, изготовленный из лучевой кости животного, длиной 21 см. Ширина кости 0,8 см. Костяная основа орудия тщательно заполирована. По центру орудия сделан паз глубиной до 2,5 мм и шириной до 1,5 мм. На одной из граней по рукояти орудия и по краю паза методом гравировки, исполненной каменным резцом, нанесен орнамент в виде зизгага (рис. 99). Паз орудия также имеет следы работы каменным резцом. В пазу орудия сохранилось четыре удлиненных медиальных сечений ножевидных пластин, шириной 5-6 мм. Они не имеют вторичную обработку. В пазах кремневые вкладыши закреплялись при помощи смолистого вещества. Все ножевидные пластины изготовлены из сургучной яшмы. Кроме того найдены фрагменты костяных орудий с пазами (рис. 100).

Наиболее близкая аналогия к составному орудию из пещеры Подземных Охотников имеет составной кинжал стоянки Черноозерье II, расположенной в бассейне р. Иртыш. На этом орудии зигзагообразный орнамент, произведенный правда методом пропила, располагается по краю паза. Кроме того, методом гравировки зигзагообразный орнамент нанесен на фрагменте костяной диадемы (Генинг, Петрин, 1985. С. 50,51,55. Рис. XVIII, 1, 3). По наблюдениям С.М. Цейтлина стоянка Черноозерье II существовала до начала и самого начала последнего значительного похолодания в Западной Сибири – 10-12 тыс. лет назад. На стоянке из кострища радиоуглеродным методом получены дата $14\ 500 \pm 500$ (ГИН – 622), которая, очевидно, отражает объективную хронологию памятника (Абрамова, 1984. С.310). Конечно, находка из пещеры Подземных охотников намного моложе, но вполне может хронологически сопределяться с культурой охотников Среднего Приуралья, которые оставили святилище в гроте Большой Глухой.

Таким образом, по облику материальной культуры, прежде всего каменной индустрии, сближаются между собой чувовская и камско-пожвинская группы и несколько отличается от них камско-воткинская группа со специфическим набором каменных изделий. Это, вероятно, свидетельствует как о культурных различиях между памятниками Камско-Воткинской группы и стоянками северных групп, так и о, возможном, своеобразии их промысловой специализации.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ВОЛГО-КАМЬЯ И УРАЛА

4.1. Особенности материальной культуры памятников финального палеолита в системе каменного века Волго-Камья. Проблемы культурной принадлежности и периодизации

Материалы памятников финального палеолита Пермского Приуралья при общей схожести технико-типологических характеристик имеют определенные отличия в составе орудийного набора, как между территориальными группами, так и среди отдельных стоянок этих групп, что может быть обусловлено как определенным хронологическим разрывом между ними, так и наоборот хозяйственной спецификой. В виду этого очень сложно проводить типологические параллели при сравнении комплексов, связанных с базовыми жилыми поселениями и промысловыми лагерями.

В целом технология каменного производства, которую иллюстрируют нуклеусы на памятниках всех групп, базируется на параллельном принципе скалывания ножевидных пластин и удлиненных сколов. Ядрища разнообразны – призматические, торцовые, уплощенные, многоплощадочные. По наблюдениям Э. Ю. Макарова при оформлении крупных нуклеусов из сланцевых и кварцитовых пород использовалась более своеобразная техника расщепления. Нуклеусы из сланца формировались путем обивки продольных ребер заготовки. Однако из-за односторонности обивки пренуклеусы на этой стадии приобретали форму грубых рубящих орудий или скребел. После оформления ударной площадки, обычно довольно сильно скошенной в сторону одного из ребер нуклеуса, снятия начинались с удаления противоположного ребра, постепенно переходя на фронтальную поверхность ядрища. Нуклеусы из грубой кварцитовой породы, которых крайне мало, в инвентаре финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья формировались на основе крупных галек, которые раскалывались по любой из трех плоскостей. Независимо от этого полученная

плоскость не становилась ударной площадкой, а функционировала как поверхностью скалывания. Ударной площадкой служила вся поверхность ядрища с желвачной коркой. Сработанные экземпляры этих нуклеусов приобретали форму близкую к диску. Несработанные ядрища напоминают чопперовидные или чоппинговидные изделия. Отщепы из кварцита вторичной обработке не подвергались. Мнение Э.Ю Макарова о том, что в кварцитовом инвентаре финально-палеолитических стоянок камско - пожвинской группы имеются полукраевые сколы с галечным обушком типа «цитрон», на наш взгляд, необоснованно (Макаров, 2000. С. 13). Сколы типа «цитрон» в виде четко выдержанной серии в Среднем Приуралье найдены только на стоянке Ганичата, ранний кварцитовый комплекс которой пока предположительно определен в пределах среднего палеолита. В более поздней работе, посвященной характеристике памятников позднего ледникового Пермского Приуралья, наличие столь архаичной техники скола Э. Ю. Макаров не отмечал (Макаров, 2002).

Следует отметить, что крупные желваки из кварцитопесчаника на памятниках финального палеолита в первую очередь применялись для изготовления скребел и рубящих орудий – топоров и тесел. Нуклеобразные изделия и отходы в виде отщепов и сколов есть в значительной степени результат производства этих орудий, образовавшиеся при расщеплении кварцитовых желваков и вторичной обивки поверхности, изготавливаемых изделий. В виду этого следует отметить, что появление т. н. галечных орудий «сибирского» облика в инвентаре памятников финального палеолита Пермского Приуралья обусловлено созданием унифасиальных топоров и тесел с перехватами и без перехватов, которые к востоку от Уральской гряды не встречаются как в конце палеолита, так и в мезолите. Следует отметить, что описываемые технико-типологические особенности расщеплений кварцитового и сланцевого сырья свойственно помимо камско-пожвинским также чувовским и камско-воткинским памятникам.

Индекс пластинчатости каменного инвентаря памятников (без учета чешуек) чувовской и камско-пожвинской группы достаточно высок – в среднем от 20 до 30 %. Резкое уменьшение удельного веса пластин в материалах памят-

ников (2 – 10 %) обусловлено, очевидно, их производственной спецификой. Это характерно для стоянок - мастерских, расположенных близ выходов каменного сырья в виде аллювиального руслового галечника (Усть-Пожва II, V, Горка; прибрежные памятники камско-воткинской группы). В материалах этих стоянок наблюдается обычно значительное число ядрищ параллельного принципа скалывания с первичными снятиями пластин и удлинённых сколов. Уровень микролитизации пластинчатых заготовок (ширина до 1 см) наиболее высок на базовом поселении Горная Талица (18 %), на сезонной охотничьей стоянке (место промысла животных) Усть-Сылва (25 %). На памятниках камско-пожвинской группы микропластины встречаются единично. Это обусловлено, очевидно, тем, что материалы этих стоянок происходят в основном из сборов. Однако следует отметить, что орудия чусовских стоянок изготовлены из более высококачественных каменных пород – яшмы, халцедона, темного кремнистого сланца, в то время как стоянки камско-пожвинской группы разрабатывали местные аллювиальные галечники невысокого уровня. Нуклеусы с негативами от скалывания узких пластин и микропластин обнаружены практически на всех стоянках, кроме водораздельных памятников камско-воткинской группы.

Как правило, на памятниках финального палеолита пластины подвергались вторичной обработки намного чаще, чем отщепы, которые являлись обычными технологическими отходами при обработке нуклеусов: Горная Талица (31,3 % – 1,8 %), Пеньки (32,5 % – 14,6 %), Усть-Сылва (46,4 % – 10,1 %), Усть-Пожва II (29,4 % – 16,8 %), Русское Веретё (22,8 % – 14,5 %). Отщепы с вторичной обработкой незначительно преобладают только на стоянках - мастерских (Усть-Пожва V, Горка, прибрежные памятники камско-воткинской группы). Особняком стоят водораздельные памятники камско-воткинской группы (Кресты II, Устиново), которые, на наш взгляд, являются наиболее ранними. Отсутствие на памятниках этой группы орудий на пластинах объясняется производственной спецификой памятников, а также очень некачественным каменным сырьём для их производства.

По орудийному набору стоянки, как чувской, так и камско-пожвинской группы близки. Близость эта проявляется в наличии в инвентаре памятника значительного числа средних и крупных усеченных ретушью пластин, боковых ретушных однолезвийных и многолезвийных резцов, иногда с плоскими резцовыми сколами, отдельных топоров и тесел с боковыми выемками, чопперовидных рубящих орудий, геометрических изделий, различных острий. Этот же набор орудий, правда, в меньшей степени, что обусловлено, скорее всего, степенью изученности, свойственен камско-воткинской группе стоянок финального палеолита – усечение пластин ретушью, отдельные боковые ретушные резцы, тесловидные изделия с боковыми выемками, чопперовидные орудия.

Очень важным хронологическим фактором при анализе памятников финального палеолита Пермского Приуралья является резцово – скребковый показатель, который для стоянок с представительными коллекциями иногда достигает очень высокого уровня – Горная Талица (2,9), Усть-Сылва (2,9), Усть-Пожва III – IV (1,4). На остальных памятниках резцово-скребковый показатель намного ниже (от 0,2 до 0,8), что объясняется уровнем изучения археологического объекта или его производственно-хозяйственной направленностью.

Определяющим элементом материальной культуры памятников рубежа позднего плейстоцена и раннего голоцена являются унифасиальные рубящие изделия из кварцита, реже из темного кремнистого сланца и габбро-диабазы, которые обычно имеют сплошную обработку внешней поверхности. С тыловой стороны происходила приостраивающая подтеска орудий. Выделяются тесла на уплощенных кварцитовых гальках с выемками – перехватами в верхней части, напоминающие рубящие орудия мезолитической эпохи Восточно-Европейской равнины (Воробьев, 1979. Рис. 1, 16). Более массивные тесла с перехватами производились из крупных кварцитовых галек, которые раскалывались вдоль. Топоры представляли изделия с симметричным в сечении лезвием без перехвата. Унифасиальные кварцитовые рубящие изделия, появившись в заключительной поре палеолита, использовались древним населением Пермского Приуралья до конца мезолита (Макаров, Мельничук, 2000). Довольно часто на памятниках

финального палеолита встречаются чопперовидные и чоппинговидные изделия, порой трудно отличимые от кварцитовых нуклеусов с первичными снятиями без выраженной ударной площадки.

Определенно маркирующим культуру поселений финального палеолита и раннего мезолита Пермского Приуралья являются геометрические изделия, которые обнаружены на стоянках заключительной поры верхнего палеолита Пеньки (2 экз.), Усть-Сылва (7 экз.), Усть-Пожва V (1 экз.), Горка (1 экз.), Русское Веретье (1 экз.), Гарчи II (1 экз.), Баской Лог (1 экз.). Типологически они довольно стандартны: 1. симметричные высокие трапеции с выемками – 9 экз.; 2. симметричные низкие трапеции с выемками – 2 экз.; 3. высокие симметричные трапеции без выемки – 1 экз.; 4 – низкие ассимметричные трапеции с выемкой – 2. В количественном отношении среди геометрических изделий полностью преобладают формы с отретушированными выемками. Это не является случайным фактором, а обусловлено тем, что выемчатое усечение ретушью пластин и удлиненных заготовок, является важным технологическим элементом в каменной индустрии финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья. В раннем мезолите Пермского Приуралья типа стоянки Огурдино встречаются отдельные выемчатые геометрические изделия с микролитическим инвентарем. (Мельничук, 1989; Мельничук, Волокитин, Лычагина 1994). Однако с формированием стандартной технологической традиции в камском мезолите типа стоянки Нижнее Адищево, базирующейся на микропластинчатой индустрии архаичные выемчатые трапеции, как и ретушные резцы и пластины исчезают.

На ряде памятников есть специфические серии орудий или единичные уникальные изделия. Только на стоянке Горная Талица и Усть-Сылва отмечены находки шиповидных орудий и пластин с притупленной спинкой. На отдельных стоянках найдены единичные наконечники стрел на пластинах близкие к свидерским и аренсбургским формам (Горная Талица, Усть-Сылва, Антыбары, Усть Пожва I, Русское Веретье). На памятниках камско-пожвинской группе найдены отдельные клювовидные изделия или т.н. орудия с «носиком», кото-

рые близки к аналогичным орудиям на стоянке поздней поры верхнего палеолита Ганичата III.

Достаточно непросто вопрос о культурной принадлежности памятников финального палеолита Пермского Приуралья. П.Ю. Павлов, детально изучая верхнепалеолитические памятники региона и определяя их дальнейшую судьбу, обратил внимание на археологические объекты позднеледниковой эпохи. По его мнению, памятники финального палеолита типа стоянки Горная Талица связаны с носителями усть-камской культуры, которые расширили свой ареал до устья р. Чусовой «с наступлением позднеледникового потепления». Исследователь усматривает общую генетическую основу между приуральскими материалами типа стоянки Горная Талица и западносибирским памятником Черноозерье II, отмечая, что по типологическому облику они серьезно разнятся (Павлов, 1996. С. 132 – 133).

На наш взгляд, материалы стоянки Черноозерье II ничего общего с комплексами финального палеолита Пермского Приуралья не имеют. Это достаточно ярко иллюстрируется выразительной и разнообразной номенклатурой орудий приуральских объектов (Макаров, Мельничук, 1999). Западносибирский памятник Черноозерье II обладает лишь стандартным орудийным набором на пластинах и отщепах не имеющего четкой культурной специфики, кроме костяных орудий с орнаментом шигирского облика, которые в известной степени может сближать его с пещерными памятниками Среднего Урала.

Самыми близкими к приуральским памятникам по технико - типологическим показателям являются стоянки усть-камской культуры Нижнего Прикамья. Исследователь этой культурной системы М.Ш. Галимова, объективно отметив это, в тоже время выступила против расширения ее ареала в сторону Среднего Приуралья (Галимова, 2001. С. 134 – 140). М.Ш. Галимовой определены основные отличительные черты усть-камских памятников от приуральских (Галимова, 2001. С. 139):

1. Усть-камские стоянки в целом обладают более массивными орудийными комплексами. Это вполне справедливо. Однако это объясняется сырье-

вой базой приуральских памятников, которая, на наш взгляд, по изотропным характеристикам более качественна, чем окремнелый известняк и невыразительный кремнь Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья. Качественный темный кремнистый сланец вполне пригоден для скалывания узких ножевидных пластин. Кроме того, на приуральских памятниках чувовской группы значителен процент изделий из сургучной и сине-красной яшмы (до 16 %), из которых изготавливались узкие пластины с притупленной спинкой, острия, накопечники стрел, миниатюрные долотовидные изделия. В тоже время на стоянках камско-пожвинской и особенно, камско-воткинской группы массивность орудийного набора достаточно представительна, особенно этим характеризуется пластинчатый комплекс стоянки Гарчи II. Следует отметить, что более микролитичный характер памятников Приуралья обусловлен тем, что в долине р. Камы нет жильных месторождений каменного сырья с высокими изотропными свойствами, кроме небольших источников кремнистого сланца в приустьевой части р. Чусовой. В виду этого, начиная с ранней поры верхнего палеолита, в Пермском Прикамье древнее население начинает использовать галечный материал из аллювиальных отложений и массивность отщепления заготовки зависела от исходной формы галечного желвака (Павлов, 2004. с. 12). В позднюю пору верхнего палеолита Пермского Приуралья начинает, наравне с крупными желваками, часто использоваться в качестве сырья для нуклеусов аллювиальная галька небольших размеров, с которых производилось снятие коротких пластинчатых сколов или узких пластин. Именно в этот период мы наблюдаем отдельную микролитизацию пластинчатого инвентаря (стоянка имени Талицкого, Ганичата III, Широфаново, Грот Столбовой). Таким образом, меньшая массивность орудийного набора финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья обусловлена как давними традициями, сформировавшимися в позднюю пору верхнего палеолита, так и, очевидно, приспособлением своих технологических приемов при изготовлении орудий к исходному местному материалу. В виду этого не случайно большин-

ство памятников этой поры приурочены к гравийным аллювиальным месторождениям;

2. Уровень сочетаемости орудий на одной заготовке на усть-камских стоянках более высок, чем на приуральских памятниках. По нашему мнению это различие также обусловлено особенностью каменной сырьевой базы Пермского Приуралья;

3. На памятниках Пермского Приуралья, по мнению исследователя, «единичны и невыразительны пластины со скошенным ретушью краем». Безусловно, что подобные типы изделий более разнообразны на памятниках усть-камской культуры. Однако, новые материалы по финальному палеолиту Пермского Приуралья показывают, что выразительные изделия с скошенным ретушью краем и скошенные острия встречаются, хотя и единично, на всех памятниках региона;

4. По М. Ш. Галимовой «в усть-камских коллекциях нет... выразительных мелких долотовидных орудий.... Есть лишь единичные крупные долотовидные формы». На памятниках финального палеолита мелкие долотовидные формы изготавливались из яшмы только на поселении Горная Талица. На остальных памятниках долотовидные изделия, имеющие обычно крупные формы, встречаются как единично, так и сериями, в зависимости от их хозяйственной специфики;

5. Отмечена единичность шиповидных изделий в усть-камских комплексах по сравнению с чусовскими, где они встречаются большими сериями. Однако шиповидные орудия большой серией выявлены только на поселении Горная Талица. На остальных памятниках пока эти формы не обнаружены, за исключением единичных изделий на стоянке Усть-Сылва. Также на этих памятниках присутствуют пластинки с притупленной спинкой, которые не обнаружены на других памятниках. В целом следует отметить, что по многим технико-типологическим показателям финальнопалеолитические памятники приустьевой части р. Чусовой сопрягаются с материалами более ранней стоянки имени Талицкого (серия шиповидных орудий, мелкие долотовидные изделия,

пластины с притупленной спинкой, отдельные чопперовидные орудия). Это и оттеняет определенное локальное культурное своеобразие финальнопалеолитических памятников приустьевой части р. Чусовой;

6. На финальнопалеолитических памятниках Пермского Приуралья не представлены поперечные резцы на коротких сколах и «нуклевидные» резцы. Однако, новые материалы региона представляют значительное разнообразие резцов, включая и вышеозначенные формы;

7. Количество трапеевидных форм в приуральских материалах пока значительно уступает усть-камским комплексам. Однако с открытием новых материалов камско-пожвинской группы их вариабельность возросла. С течением времени в Пермском Приуралье будут обнаружены новые типы этих изделий.

В целом следует согласиться с М.Ш. Галимовой, что между усть-камскими памятниками и приуральскими материалами есть различия, но они носят, очевидно, локальный, и, возможно, хронологический характер, так как заключительный период позднеледниковья был достаточно длителен во времени и исследованные памятники Приуралья и Волго-Камья вряд ли отражают все многообразие номенклатуры орудий древних охотников этого периода. Приуральские памятники отличаются от усть-камских в первую очередь наличием целой серии рубящих топоровидных и тесловидных орудий с боковыми выемками и чопперовидными изделиями. Правда галечные чопперовидные и тесловидные орудия имеются в комплексе стоянки Постников Овраг в Среднем Поволжье (Галимова, 2001. С. 272. Рис. 91).

Серьезные, но локальные различия по типологическим характеристикам орудийного набора проявляются внутри ареала распространения приуральских памятников финала палеолита в чусовской, в камско-пожвинской группах и особенно, камско-воткинской. В свое время это привело Э.Ю. Макарова к поверхностному выделению в круге позднеледниковых памятников Пермского Приуралья отдельных культурных типов. Первоначально памятники заключительной поры позднеледниковья Пермского Приуралья он предложил

наименовать прикамской культурой, включив в состав усть-камские памятники (Макаров, 2000. С. 16). Затем, переработав имеющиеся источники, исследователь предложил выделить 4 культурных варианта внутри ареала памятников финального палеолита (Макаров, 2002. С. 8 – 9). На наш взгляд, типологическая вариабельность комплексов финального палеолита, скорее всего, базируется как на основе производственной специфики этих объектов, так и на их временной позиции в конце плейстоцена и пока нет оснований без серьезной хронологической базы, опирающейся на данные естественных наук выделять в эту эпоху какие-либо культурные типы.

В настоящее время материалы усть-камской культуры привлекли внимание исследователей, занимающихся проблемами финального палеолита центральной части Восточной Европы, в частности А. Н. Сорокина. Нам, при изучении проблем культуры древнего населения финального палеолита Волго-Камья, наиболее импонируют взгляды этого исследователя на историко-культурную ситуацию в ареале Восточно-Европейской равнины в конце позднеледникового периода. По его определению «сходство иеневских и усть-камских материалов столь существенна, что следует говорить, вероятно, о большей их близости, чем просто традиционная “единая генетическая подоснова”». (Сорокин, 2006. С. 71) Иеневская и усть-камская культуры, как и другие культурные образования Восточной Европы периода позднеледниковья, по А.Н. Сорокину, могут составлять «единую историко-культурную общность, которая вместе со скандинавскими культурами фосна и комса входит в постаренбургскую общность» (Сорокин, 2006. С. 71). В этой связи памятники заключительного периода позднеледниковья Пермского Приуралья, наиболее близкие к усть-камским, в материалах, которых явно проявляются черты памятников финального палеолита центральных областей Восточной Европы (отдельные наконечники стрел свидерского и аренбургского облика, серия унифасиальных топоров и тесел с перехватом) в культурном плане явно будут тяготеть к конструируемой постаренбургской общности. В тоже время, нам представляется, что генезис приуральских памятников рубежа палеолита и ме-

золита достаточно сложен, так как на территории Пермского Приуралья имеется целый пласт стоянок поздней поры верхнего палеолита, культурные традиции которых не могли не найти отражения в памятниках заключительной стадии позднеледниковой эпохи. Вопросы генезиса приуральских памятников грани позднего плейстоцена – раннего голоцена будут рассмотрены ниже.

Для нас содержание «археологическая культура», особенно для ранних периодов каменного века (палеолит, мезолит), носит рабочий и условный характер (Монгайт, 1955. С.13 – 14). В этой связи следует согласиться с А.Н. Сорокиным, который, следуя взглядам Ю.Н. Захарука (Захарук, 1976) отмечает то, что территория археологической культуры, как и само понятие «археологическая культура», при изучении каменного века есть абстракция, гносеологическая категория. Археологическая культура ранних периодов каменного века (палеолит, мезолит) не может характеризоваться как ареал «с жесткими контролируемыми границами. Ее нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу». Отсюда «границы археологических культур финального палеолита, следовательно, совпадают с ареалом годовых хозяйственных циклов... картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спрессованная во времени последовательность разновременных событий. А не отражение одновременной заселенности территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших разных типов памятников, базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т.д.» (Сорокин, 2006в. С. 101).

Таким образом, вариабельность материала у различных территориальных групп памятников финального палеолита могла определяться хронологическими причинами в рамках позднеледниковья.

В этом отношении, на наш взгляд, в будущем довольно перспективно для изучения подвижных общин конца палеолита и мезолита использовать

концепцию «культурно-хронологических горизонтов и маркеров», которую предложил для изучения кочевых обществ скифо-сарматского мира Евразии Л.Т. Яблонский. Как справедливо отметил исследователь, «понятие “археологическая культура”, которое хорошо работает при дифференциации оседло-земледельческих сообществ или малоподвижных коллективов с их комплексным ведением хозяйства, позволяя установить реальные и географические культурные барьеры, связывает по рукам и ногам специалистов в области кочевниковедения, где такие барьеры являются закономерно эфемерными, а то и вовсе отсутствуют» (Яблонский, 2006). Несмотря на то, что взгляды исследователя обращены к проблемам развития культур кочевых обществ железного века, но они вполне могут быть адаптированы к подвижным коллективам людей эпохи каменного века. В связи с этим принцип «*horizon makers*» позволяет отказаться от внутренней противоречивой схемы «культура в культуре»: например, предложения о расширении усть-камской культуры и включении в нее памятников Пермского Приуралья, проблема соотношения иеневской и усть-камских памятников и т.д. В этой связи в культуру финальнопалеолитических охотников Пермского Приуралья и Волго-Камья можно будет подразделять на культурно - хронологические горизонты, которые базируются на определенных таксономических признаках хорошо датированных комплексов Восточной Европы или Урала: например, более ранний байсланташский хронологический горизонт, и более поздний аренсбургский (постаренсбургский) культурно-хронологический горизонт. Благодаря этому нам для территории Пермского Приуралья не придется применять абстрактные термины типа «прикамская, горно-талицкая культуры».

Серьезной проблемой является хронология памятников рубежа позднего палеолита – раннего мезолита Пермского Приуралья. Нерешенные вопросы периодизации памятников эпохи позднеледниковья отличают стоянки усть-камской культуры и центральных районов Восточной Европы (Галимова, 2001. С. 135, 139; Сорокин, 2006а; 2006в. С. 68). М. Ш. Галимова приводит двучленную периодизацию усть-камских памятников, основываясь на геоло-

го-геоморфологических условиях расположения стоянок, их приуроченностью к почве, формировавшейся в самом конце валдайского времени и технико-типологических показателям вещественных комплексов. Однако эта периодизация имеет пока рабочий вероятностный характер. Конечно, развитость каменной индустрии в сторону увеличения орудий на узких пластинах важный показатель (стоянки Косяковская, Любавская, Атабаевская VIII) в эволюционном плане развития поздних этапов усть-камской культуры. В тоже время «развитость каменной индустрии» может быть обусловлена конкретными природными и палеоэкономическими условиями в едином временном диапазоне.

Приуральские памятники по геоморфологическому положению чрезвычайно близки к усть-камским. Эта близость проявляется приуроченностью площадок стоянок Пермского Приуралья к тыловым участкам I надпоймы, к краям и останцам II надпойменной террасы, к коренным берегам рек. Исключение составляет открытие в регионе памятников на водораздельных пространствах. Определенная геоморфологическая общность проявляется и том, что артефакты, выявленные на памятниках Пермского Приуралья залегают на контакте современной почвы с плейстоценовыми суглинками (Усть-Пожва III, Усть-Сылва, Антыбары). Между ними отмечается оподзоленный слой к средней части и низам, которого и приурочены находки. Скорее всего, данный слой маркирует, как отмечал Э.Ю. Макаров, какую-то реликтовую почву конца плейстоцена (Макаров, 2000. С. 15). На водораздельных пространствах (Кресты II, Устиново), и коренных берегах (Антыбары, Усть-Сылва) уровень современных покровных отложений не превышает 0,4 – 0,5 м, и в результате антропогенного воздействия (многослойный памятник, распашка) артефакты поднимались на дневную поверхность. Наиболее интересна стратиграфическая ситуация на стоянке Кресты II, где в нижней части заторфованного слоя на контакте его с плейстоценовым суглинком выявлен очаг с каменными артефактами позднепалеолитического облика. Геоморфологическое положение памятника показывает, что в древности памятник был приурочен к остаточному позднеплейстоценово-

му озеру, побережье которого древние охотники могли посещать в период одного из поднеледниковых потеплений (беллинг или аллеред). В этом отношении геоморфологическое положение стоянки Кресты II напоминает условия расположения мезолитической стоянки Новожилово, также приуроченной к берегу водоносной котловины, являвшейся остаточным плейстоценовым водоемом, заболачивание которого началось в период климатического голоценового оптимума (Мельничук, 2001. С. 21). Интересно, что близ стоянки Кресты II на более возвышенном участке вдоль заболоченной котловины выявлено поселение Кресты I, эпохи неолита и раннего железа.

Два финальнопалеолитических памятника (Горная Талица, Верхние Гари) приурочены к тыловым участкам I надпоймы и относятся ко времени начальной стадии формирования борových террас на рубеже плейстоцена и раннего голоцена. Во всяком случае, геолого-геоморфологические условия усть-камских памятников изучены более детально, чем приуральские. Отсюда проводить какую-либо дробную хронологию комплексов финального палеолита региона во временном диапазоне заключительной стадии позднеледниковой эпохи на наш взгляд пока преждевременно.

Памятники с трапециями камского мезолита огурдинского типа, которые по нашему мнению следует относить к раннему мезолиту, геоморфологически и типологически хорошо отчленяются от памятников финального палеолита Пермского Приуралья.

Для определения нижней хронологической границы памятников финального палеолита Пермского Приуралья нам крайне интересны исследования, проведенные в карстовых полостях Южного Урала, где получены стратифицированные и датированные по радиоуглероду финальнопалеолитические комплексы. Наиболее представительны материалы пещеры Байсланташ (Акбутинская) в среднем течении р. Белой. Материал памятника характеризуется достаточно высоким резцово-скребковым показателем – 2,4. По мнению В.Г. Котова, материалы пещеры Байсланташ имеют определенную близость с приуральскими стоянками поздней поры верхнего палеолита (стоянка имени Талицкого) и

финального палеолита (Горная Талица), занимая по технико-типологическим показателям промежуточное положение между ними (Котов, 2004. С. 54). Сходство вещественных материалов пещеры Байсланташ с комплексами стоянки Горная Талица отмечается по линии пластинчатого расщепления кремня, наличия микропластинок, в том числе с притупленной спинкой, шиповидных изделий, усеченных ретушью пластин, боковых ретушных резцов, скребел, крупных рубящих орудий. Следует отметить высокое содержание в коллекции изделий из яшмы. Слой, содержащий изделия финального палеолита, датирован радиоуглеродным анализом 13560 ± 250 лет (ГИН -10853), верхняя дата которого относится, как минимум, к беллингу (Котов, 2004. С. 37).

Подобную культурную и хронологическую позицию, по мнению П. Е. Нехорошева и Е.Ю. Гиря, иллюстрируют материалы пещеры Кульюрт-Тамак, также расположенной в бассейне р. Белой. Вещевой комплекс памятника чрезвычайно близок материалам пещеры Байсланташ. Нас очень привлекает вывод авторов раскопок, что индустрия пещеры Кульюрт-Тамак занимает «промежуточное положение, как в культурном, так и хронологическом отношении между стоянками Талицкого и Горной Талицей, являясь как бы «недостающим звеном». Данное мнение очень важно в понимании генезиса памятников финального палеолита Пермского Приуралья. Для культурного слоя стоянки получены две радиоуглеродные даты: 14920 ± 660 (ЛЕ 4350), 15870 ± 390 (3350), что соответствует конечной стадии валдайского времени (Нехорошев, Гиря, 2004. С. 17, 34, 35).

В свое время В.Т. Петрин отмечал, что вещественный комплекс Игнatieвской пещеры в бассейне р. Белой несомненно близок к памятником поздней поры и финального палеолита Пермского Приуралья типа стоянки Горная Талица. (Петрин, 1992. С. 145) В 1990 г. В.Н. Широковым и Р.Б. Волковым в непосредственной близости от Игнatieвской пещеры была обнаружена стоянка Игнatieвская II, материал которой, по мнению авторов раскопок, имеет явное сходство с комплексами стоянки Горная Талица (Широков, Волков, 2006. С. 175 – 176). В связи с этим исключительную важность для хронологии памятни-

ков финального палеолита Пермского Приуралья приобретает комплекс радиоуглеродных дат культурного слоя пещеры Игнatieвская: 14240 + 150 (СОАН - 2209), 14308 + 490 (ИЭМЭЖ-366), 13335 + 192 (ИЭМЭЖ -365), 14200 + 660 (ИЭМЭЖ), 13500 + 1660 (ИЭРЖ-41), 10400 + 465 (СОАН -2468). Разброс дат фиксирует посещение пещеры древним населением с перерывами с финала валдайского времени до раннепребореального времени включительно (Петрин, 1992).

Во всяком случае, материалы Южного Урала, имеющие явные общие технико-типологические черты с памятниками поздней поры и финальной стадии палеолита Пермского Приуралья, дают нам основание использовать их стратифицированные и датированные комплексы как определенный хронологический репер. Это позволяет нижнюю дату комплексов финального палеолита приуральских памятников отнести к беллингу. Заключительную фазу финального палеолита ограничивает дата святилища в гроте Большой Глухой – начало пребореала. Таким образом, временной диапазон существования памятников финального палеолита Пермского Приуралья, очевидно, соответствует одновременным поселениям Восточно-Европейской равнины (Синицина, 2006. С. 34) Не исключено, что наиболее ранними по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря являются водораздельными памятники – Кресты II, Устиново, которые возможно относятся к беллингу. Однако они требуют более детального геолого-геоморфологического изучения.

По определенным технико-типологическим показателям одним из ранних памятников может являться стоянка Горная Талица, имеющая явную генетическую близость с поздневалдайскими стоянками южноуральских пещер (пластинки с притупленной спинкой, шиповидные изделия, боковые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины, высокий удельный вес резцов в сравнении со скребками с резцово-скребковым показателем до 2, крупные рубящие и скребловидные орудия). Возможно, что этот памятник относится, не столько к аллереду, сколько к беллингу или молодому дриассу, находясь в од-

ном культурно-хронологическом горизонте с материалами пещеры Басйлан-тащ.

Основной пласт финальнопалеолитических стоянок Пермского Приуралья с отдельными геометрическими изделиями и наконечниками стрел (Антыбары, Усть-Сылва, памятники камско-пожвинской группы), очевидно, хронологически сопряжены с поздним дриассом.

4.2. Формы жизнедеятельности и адаптации к природным условиям Пермского Приуралья общин финального палеолита

Циклические изменения климата и радикальная перестройка структуры ландшафтных зон, которые происходили в Пермском Приуралье в конце плейстоцена и начале раннего голоцена, не могли не сказаться серьезным образом на формировании хозяйственно-жизненного уклада древних общин и на их адаптивные возможности в суровых условиях региона. При изучении памятников относящихся к концу позднеледниковой эпохи Восточной Европы исследователи, как правило, сталкиваются с одной из самых негативных проблем, которая обусловлена крайней скудостью фаунистического материала. Из-за геоморфологических и почвенных условий расположения памятников финального палеолита Восточной Европы археологи лишаются очень важного источника, который позволял бы им проводить более или менее объективное моделирование хозяйственных культурных типов древнего населения. Данное обстоятельство в изучении памятников финального палеолита Русской равнины А.Н Сорокин справедливо рассматривает как «шоковый порог», который при анализе материальной культуры населения Восточной Европы, приводит исследователей нередко к сомнительным историко-культурным построениям (Сорокин, 2006а. С.91; Он же, 2006в. С. 68-69). В виду этого следует согласиться с теми учеными, по мнению которых, региональное своеобразие тех или иных культур каменного века характеризуется в первую очередь палеоэкономическими условиями жизнедеятельности древних коллективов, создающие определенные формы хозяйственно-

культурных типов (Долуханов, 1977. С. 13; Ермолов, 1985. С. 40 –44; Ермолова, 1977. С. 17 – 20; Зализняк, 1989. С. 90 – 163; Сорокин, 2006в. С. 69).

Условия жизнедеятельности определялись в первую очередь характером природно-территориального комплекса или экосистемы. Именно этот фактор является первичным при формировании и изменчивости определенных культурно - хозяйственных типов в каменном веке. (Гладилин, 1974).

Изменчивость материальной культуры при радикальной перестройке экосистемы на рубеже плейстоцена – голоцена является отражением сложных процессов адаптации древнего человека к новым природным условиям (Сорокин, 1990. С. 156). Это хорошо показано П.Ю. Черносвитовым, представляющим культуру как систему при которой «человеческий коллектив выживает в окружающей среде как целое» т.е «коллектив вместе со своей культурой – саморегулирующаяся адаптивная система и тот механизм, с помощью которого, эта система выживает при изменении внешних воздействий». Культура «как целостная совокупность приемов выживания, включающая (но не исчерпываемая ею) определенную связную совокупность технологий материального производства, где все составляющие так или иначе зависят друг от друга. Именно это система первая реагирует на существенные изменения внешней среды, своими изменениями компенсируя воздействие этой среды на человеческий коллектив, позволяя тем самым последнему выжить». Очень важное замечание исследователя о том, что если «при перемещении на другую территорию коллектив сумел сохранить старые приемы производства орудий, то это свидетельствует о том, что коллектив и на новой территории может вести старый образ жизни, сохраняя старую стратегию выживания. Следовательно, он попадает в экологические условия, в чем-то в главном совпадающие с экологией старого местообитания...» (Черносвитов, 1994. С.17 – 18). Это положение во многом объясняет явную близость памятников поздней и заключительной поры верхнего палеолита Пермского Приуралья (стоянка имени Талицкого, Горная Талица) с поздневалдайскими комплексами пещер Южного Урала, например: значительный уровень изделий из яшмы, чрезвычайно схо-

жая номенклатура орудий (пластины с притупленной спинкой, небольшие долотовидные изделия, выемчатые орудия, пластины с выемчатым усечением и т.д.). Таким образом, формы приспособления человеческих коллективов к окружающей экосистеме является важнейшим базисом развития материальной культуры древнего населения на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена.

Рассмотрим, какие же формы жизнедеятельности человеческих коллективов могли существовать в Пермском Приуралье в финальном палеолите? При определении предположительной модели хозяйственно-культурного типа древнего населения региона в этот период мы постараемся использовать все возможные материалы синхронных во времени культур Восточной Европы, которые по облику каменной индустрии, отражающей палеоэкономические условия древнего общества, близки к изучаемым памятникам.

Также, как и на финальнопалеолитических памятниках центральных районов Восточной Европы, «горизонт находок» стоянок и местонахождений рубежа плейстоцена – голоцена Пермского Приуралья, за исключением карстовых объектов, залегает в низах покровных песчаных и подзолистых супесчано-суглинистых отложений, в которых в силу значительной кислотности органические остатки полностью разрушаются (Оборин, 1959. С. 91). Однако в отложениях карстовых историко-природных памятниках Урала, географически примыкающих к территории Пермского Приуралья, собраны представительные стратифицированные и датированные радиоуглеродным методом коллекции фауны периода позднеледникового, которые, на наш взгляд, позволяют использовать их при моделировании животного мира, окружавшего человеческие коллективы в долинных образованиях среднего и верхнего течения р. Камы и на водораздельных пространствах.

По мнению палеонтологов на Среднем и Южном Урале к концу плейстоцена, судя по карстовым отложениям, крупная мамонтовая фауна исчезла. По имеющимся радиоуглеродным данным верхний предел существования мамонтов на Урале ограничивается 12 тыс. лет от наших дней, т.е. относится к

началу потепления в аллереде (Кузьмина, 2000. С. 4). По данным Л.Р. Серебрянного редкие группы мамонтов существовали и в более поздние периоды позднеледниковья, вплоть до конца пребореала (Серебрянный, 1980. С. 86).

До сих пор совершенно неясен хронологический предел существования дикой лошади на окраинных просторах Восточной Европы. В карстовых отложениях Урала ее исчезновение из фаунистического комплекса относят к начальной стадии позднеледниковья – 13 тыс. лет назад (Косинцев, 1992. С. 45). Однако не исключено, что отдельные небольшие популяции диких лошадей доживали в Пермском Приуралье вплоть до раннего голоцена. Об этом косвенно свидетельствует находка костей лошади (определение В.Е. Гаррут) на Хуторской неолитической стоянке – конец VI – V тыс. до н.э. (Денисов, 1960. С., 67). Г.Г. Матюшин совершенно необоснованно отнес эти находки к доместифицированной лошади (Матюшин, 1988. С. 37). Характерно, что кости дикой лошади (определение Б.И. Гуслицера) были найдены на стоянке Ягодное I, которая по геоморфологическому положению и уровню залегания относится к рубежу плейстоцена – голоцена.

Северный олень в послеледниковую эпоху сохранил свою зону обитания в северных тундровых, лесотундровых и таежных пространствах Евразии до сих пор. Судя по археологическим данным, его популяции в среднеголоценовое время доходили до зоны широколиственных лесов. Сезонные кочевки северных оленей на стыке тундры достигали 200 – 750 км (Лазуков, 1965. С. 311). В Пермском Приуралье, даже по имеющимся скудным остеологическим остаткам, следует, что на северного оленя, продолжали охотиться в позднем мезолите (стоянка Косинская I, Голый Мыс – определение П.А. Косинцева) и неолите (Хуторская – определение В.Е. Гаррут). Кости северного оленя встречаются на памятниках Пермского Приуралья вплоть до позднего средневековья.

Важным объектом охоты в Пермском Приуралье в конце плейстоцена становится лось. Об этом свидетельствует находка гравированного изображения головы лося на сланцевой гальке, найденной на стоянке Горная Талица

(Мельничук, Павлов, 1987. С.15. Рис. 6). Ископаемым формам лося, по данным палеонтологов, также свойственна способность к далеким миграциям. В виду этого исследователи отмечают, что не все виды животных «входящие в состав фаунистического комплекса, могут служить показателями ландшафтных и климатических условий данного района». Отсюда ареалы северного оленя и лося, особенно при мозаичности ландшафта в позднеледниковье, могли совпадать (Лазуков, 1965. С. 312 – 314).

Материалы финальнопалеолитической стоянки Пымва-Шор в бассейне р. Печоры с четкими радиоуглеродными датировками от беллинга до позднего дриасса свидетельствует, что в этом региона продолжалась охота на копытную позднеплейстоценовую фауну – северный олень, овцебык, лошадь, бизон (Павлов, 2002. С. 204).

Нам представляется, что в позднеледниковье, в крайнем случае, до позднего дриасса, на территории Приуралья вполне могли оставаться мелкие популяции мамонтов, которые, очевидно, продолжали существовать в удалении от долины р. Камы, на водораздельных пространствах, куда ранее позднепалеолитические охотники ранней и поздней поры верхнего палеолита не заходили. Об этом свидетельствует частые находки практически целых скелетов мамонтов на водораздельных плато, близ небольших речек и ручьев (Тихоновка, Кудымкар, Григорьевское, Нытва, Старые Ляды). Кости мамонтов залежали под покровными подзолистыми отложениями в плейстоценовых суглинках на глубине от 1 до 2,5 м. В ходе их изучения не обнаружено воздействия человека. Также возле скелетов не найдено не одного палеолитического артефакта. Все это свидетельствует, что мамонты погибали на водоразделах естественным образом. В тоже время в долине р. Камы и в приустьевых частях ее крупных притоков находки мамонтовой фауны обязательно связаны с присутствием палеолитического населения. Все это дает возможность предполагать, что некоторые коллективы охотников Пермского Приуралья в первой половине позднеледникового могли уходить от побережья р. Камы на водораздельное плато, для промысла не только копытных животных, но и для поиска туш погибших мамонтов, которые бы-

ли пригодны для утилизации (мясо, шерсть, кость). Это косвенно подтверждается памятниками камско-воткинской группы, в частности материалами стоянок Кресты II и Устиново. На этих стоянках в покровных суглинках обнаружены макролитические изделия, среди которых отмечаются рубящие орудия в виде чоппингов и чопперов, которые могли применяться для разделки туш и раскалывании костей крупных животных. На этих стоянках пока не найдено фрагментов дистанционного охотничьего вооружения и практически не представлены орудия на пластинах. Однако это не свидетельствует, что население камско-воткинской группы не было знакомо с пластинчатой индустрией. На отдельных орудиях стоянок Устиново и Кресты II, произведенных на продольных и поперечных сколах с нуклеусов отмечаются негативы от призматических узких пластин. Пластинчатая техника хорошо представлена на памятниках камско-воткинской группы, которые расположены в долине р. Камы. Кстати материалы водораздельных стоянок отличаются крайне некачественным каменным сырьем, месторождения которого в виде галечниковых россыпей обильно встречаются в верхней части плейстоценовых суглинков. Это свидетельствует о том, что, уходя от базовых поселений, расположенных в долине р. Камы, древние охотники, очевидно, брали с собой легкое дистанционное вооружения из высококачественного сырья необходимого для промысла копытных, а для переработки найденных туш крупных животных использовали подручный каменный материал.

Жизнедеятельность охотников на мигрирующих копытных животных детально освещена этнологами и проанализирована исследователями на основе имеющихся археологических источников (Симченко, 1976; Зализняк, 1989; Сорокин, 1990. С.155 – 171; Он же, 2006. С. 80 – 84). Выводы исследователей вполне применимы при анализе материалов рубежа позднего палеолита – мезолита Пермского Приуралья.

В отличие от памятников камско-воткинской группы выразительные вещественные комплексы стоянок чувовской и камско-пожвинской группы, несмотря на определенные локальные особенности, близки к материальной куль-

туре финальнопалеолитического населения Восточно-Европейской равнины. Это находит отражение в выразительном орудийном наборе стоянок Пермского Приуралья, который включает разнообразные типы ретушных резцов, усеченные пластины, трапеции с отретушированными боковыми выемками, разнообразные острия, отдельные наконечники стрел свидерского и аренсбургского облика, унифасиальные рубящие орудия часто с боковыми выемками. На наиболее изученных памятниках с представительными коллекциями отмечается высокий резцово-скребковый показатель: 2,9 (Горная Талица), 2,9 (Усть-Сылва), 1,4 (Усть-Пожва III). Как правило, высок индекс ножевидных пластин в инвентаре этих памятников: Горная Талица (20,9 %), Усть-Сылва (30,9 %), Усть-Пожва III (14,5 %), Русское Веретье (25,1%), Гарчи II (34,5 %). Наличие удлиненных медиальных сечений в материалах стоянок явно показывает, что их обитатели обладали технологией изготовления сложных составных орудий. Это хорошо иллюстрируется находкой составного кинжала из пещеры Подземных Охотников (Стадника). Население стоянок чувовской и камско-пожвинских групп обладало совершенным для того времени дистанционным метательным вооружением, которое использовалось в ходе промысла на копытных животных.

Основным промысловым животным на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена в северной и центральной зоне Восточно-Европейской равнины становится дикий (северный олень). Именно к их миграционным потокам адаптируются группы древних охотников. Однако на территории Пермского Приуралья в этот период явно существовали популяции диких лошадей. Лошадь являлась одним из ведущих объектов в промысловой деятельности населения ранней поры верхнего палеолита (Павлов, 2004. С. 8; Павлов, Макаров, 1998. С.8). В позднюю пору верхнего палеолита, судя по материалам стоянки имени Талицкого, на первый план в промысловой деятельности выходит северный олень (Щербакова, 1994. С. 8). Есть все основания полагать, что в финале палеолита охотники на северных оленей Пермского Приуралья попутно про-

должало промысел оставшихся популяций диких лошадей, которые могли передвигаться по долине р. Камы или водораздельным пространствам.

Таким образом, учитывая, что в позднеледниковье в Пермском Приуралье ландшафтные зоны представляли собой сочетание лесных, тундровых и степных сообществ здесь, очевидно, идет дальнейшее развитие хозяйственно – культурного типа охотников на северного оленя, а также, возможно, на бизона и дикую лошадь. В тоже время территория Пермское Приуралья, хоть и находится на окраине Восточно-Европейской равнины, она в ландшафтном отношении достаточно разнообразна – относительные равнинные пространства перемежаются холмисто-увалистыми, восточная оконечность региона, осложненная карстом, примыкает к горам Урала. В ходе резкой цикличной перестройки экосистемы региона в эпоху позднеледниковья в отдельных его районах существовали различные фациальные системы со свойственным им миром фауны и флоры (Воронов, 1981. С.10). При резкой изменчивости природной обстановки в позднеледниковье могли меняться и хозяйственно - культурные типы. Полагать, что в эту на территории Пермского Приуралья располагался ареал деятельности только обществ охотников, специализирующихся на северных оленей, вряд ли оправданно. Очевидно, в отдельные периоды позднеледниковья, скорее всего, в период потеплений (беллинг, аллеред) в районах региона некоторые группы охотников могли отходить от постоянного специализированного промысла на северного оленя и переходить на сезонные формы его добычи в районе расположения весенних и осенних водных переправ мигрирующих животных. По данным Ю. Б. Симченко, даже в тундровой зоне «древние охотники выходили к местам весенних переправ оленей весной и оставались там до осени, до возвращения оленей на юг, к лесной зоне» (Симченко, 1976. С. 282). Отсюда, в зоне известных массовых переправ, где устраивались поковки животных, а также происходила утилизация добытых продуктов промысла, охотники на оленей могли устраивать в долине рек относительно оседлые поселения. В перерывах между этими сезонными циклами массового промысла на северного оленя охотники могли переориентироваться на добычу лося и другие виды

фауны. В этом отношении нас привлекает чусовская группа памятников финального палеолита, население которой довольно интенсивно осваивало район нижнего течения р. Чусовой, проникая даже в предгорные районы.

Исследования археологов каменного века убедительно показывают наличие различных типов поселения конца плейстоцена – раннего голоцена, что обусловлено их адаптивной взаимосвязью с экосистемой. Разнообразие географической среды или фациальных систем изучаемого региона определяет функционирование памятников различных типов и видов. По характеру геоморфологического расположения памятников, насыщенности их каменным инвентарем, наличию площадок, выделяющихся интенсивной хозяйственно-бытовой деятельностью на их площади (предполагаемые жилые постройки), своеобразному набору орудий или предметов вооружения исследователи более или менее объективно могут проводить определенную классификацию археологических финальнопалеолитических и мезолитических объектов: базовые стоянки (поселения), промысловые лагеря, стоянки – мастерские, места охоты и разделки туш животных и т.д. (Сорокин, 1990. С. 166 – 167). Однако следует обратить внимание на то, что не всегда эти объекты могли быть синхронны во времени. Между ними могли располагаться определенные хронологические лакуны в десятилетия или даже в столетия.

Столь значительная вариабельность типов памятников каменного века, определяемая цикличной сезонной деятельностью охотников – собирателей, очевидно, отражается и определенной номенклатурой орудий труда и предметов вооружения (Кольцов, 1985). В виду этого памятники одного культурного круга могут иметь столь специфический набор изделий, что могут представляться совершенно инородными или относиться к другому временному диапазону.

В этом отношении базовым памятником населения, обитавшего в нижней части р. Чусовой на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена, по всем показателям является стоянка Горная Талица. Памятник приурочен к долине реки и в древности располагался, очевидно, в ее высокой пойме на дюнообраз-

ном холме (приусловом валу) формирующейся I надпойменной боровой террасы. На площади памятника зафиксированы пока два скопления каменных изделий, площадью до 40 кв.м., которые не были подвержены интенсивному препарированию водами водохранилища, т. к. на этом участке береговой полосы р. Чусовой обычно не наблюдается сильного волнового воздействия. Скопления предметов обычно покрываются слоем новейших аллювиальных отложений. Сам памятник не подвергается разрушительной абразии. Его площадка весной или осенью при спаде вод в водохранилище периодически выступает на поверхность, а затем скоротечно затапливается. В северо - восточной части стоянки верхние покровные песчаные шлейфы тыловой части I надпоймы водами водохранилища полностью не уничтожены и при их зондаже буром зафиксированы новые скопления каменных изделий финальнопалеолитического возраста. Данные скопления, по нашему мнению, вполне можно интерпретировать как, остатки жилых сооружений. О наличии очагов в их пределах наверняка свидетельствуют находки крупных расколотых галек со следами теплового удара. Важным элементов в инвентаре стоянки является наличие значительного числа долотовидных изделий с чешуйчатой подтеской рабочего края (*pièce esquilee*). Характерно, что в эпоху неолита, энеолита и бронзы, эти кремневые орудия обычно встречаются в пределах жилых сооружений. Не исключено, что они могли исполнять функции кресальных кремней.

Стоянка Усть-Сылва, в отличие от поселения Горной Талицы, памятник мысового типа и его площадка возвышается над водоемами почти на 40 м. В ходе масштабных работ на объекте (свыше 2000 кв.м.) не обнаружено не одного выразительного скопления. Материал распространялся чрезвычайно рассеяно. Лишь иногда отмечалась концентрация находок, числом не более 30 экз. Очень интересна топография памятника. С северо-востока, где отмечается вал городища раннего железного века, наблюдается чрезвычайно расчлененный логами ландшафт. Вдоль вала с северо-запада и юго-запада идут навстречу друг другу два глубоких и достаточно широких лога, которые разделяются между собой перемычкой. Один лог обращен устьем к р. Сылве, другой к р. Чусовой (рис. 8

). Побережье р. Чусовой напротив коренного мыса, где расположена площадка памятника, представляло до затопления достаточно ровные участки I надпойменной террасы, переходящие в водораздельное плато. В конце плейстоцена – раннего голоцена эти участки являлись пойменными пространствами долины р. Чусовой, где могли проходить миграционные пути северных оленей с севера на юг и обратно. Именно здесь выявлены остатки кратковременной стоянки эпохи финального палеолита Верхние Гари. В районе памятника Усть-Сылва фактически природой созданы своеобразные загоны – ловушки, в которые люди могли направлять отдельные группы диких оленей, где их ожидали охотники, оснащенные дистанционным вооружением. Как показали исследования памятника, каменные изделия планиграфически тяготели к этим природным ловушкам. Находки этого периода зафиксированы при шурфовке памятника по обоим верхним бортам логов. Таким образом, стоянку Усть-Сылва следует рассматривать как место охоты, где, возможно, происходил сезонный отстрел или погоня мигрирующих копытных. Об этом свидетельствует достаточно представительная коллекция для приуральских стоянок выемчатых трапеций и отдельных наконечников стрел на пластинах. Стоянка Усть-Сылва по многим позициям в типологии орудийного набора, составе каменного сырья близка к материалам поселения Горная Талица.

Другой памятник Верхние Гари, расположенный вблизи базового поселения Горная Талица, имеет с ним почти аналогичную геоморфологию (тыловой участок I надпоймы) и, судя по литологическому строению террасы, стратиграфическую позицию. На памятнике зафиксировано одно скопление из 83 отдельных артефактов со специфическим набором изделий – отборные крупные нуклеусы из качественного темного кремнистого сланца, ножевидные пластины без вторичной обработки, которые явно произведены на месте стоянки. Возможно, это чрезвычайно кратковременный промысловый лагерь, где был оставлен запас готовых пластинчатых заготовок и 2 нуклеусов. Характерно, что сложенные пластины представлены только проксимальными и дистальными частями

ми, т. е. медиальные сегменты были унесены со стоянки, возможно, при изготовлении составного вооружения в костяной оправе.

Сезонным охотничьим лагерем, очевидно, была стоянка Пеньки, где также в размытом скоплении был найден несколько отличный от базового поселения каменный инвентарь с двумя выемчатыми трапециями. Несмотря на то, что на поселении Горная Талица до сих пор не найдено этих геометрических изделий техника выемчатого усечения пластин, наличия изделий с симметрично усеченными концами, позволяет говорить, что рано или поздно эти предметы будут найдены на этом памятнике. В свое время подобное явление наблюдалось на опорном памятнике усть-камской культуры Сюкеевский Взвоз, где М.Ш. Галимовой после многолетних исследований обнаружены геометрические формы (Галимова, 1992. С. 10. Рис. 3, 1-3). Конечно, предлагаемая атрибуция памятников пока носит предварительный характер. С накоплением археологических источников она явно будет дополняться и видоизменяться.

В предгорных областях Пермского Приуралья со сложным рельефом местности, где популяции дикого оленя, очевидно, были более малочисленны, чем на открытых пространствах, охота на лося, медведя и другую лесную фауну становится более предпочтительной. Это хорошо доказываются как минимум раннепребореальными материалами пещеры Подземных Охотников и грота Большой Глухой. В гроте Большой Глухой слое конца плейстоцена – раннего голоцена найден значительный жертвенный комплекс из челюстей и нижних конечностей куниц, что свидетельствует о важной роли этого хищника в промысловой деятельности, в первую очередь, очевидно, из-за меха.

Характерно, что в карстовых районах Южного и Среднего Предуралья, начиная с поздней поры верхнего палеолита (Грот Столбовой, Кульюрт-Тамак, Байсланташ) проявляется более развитая микропластинчатая индустрия, чем на открытых береговых стоянках бассейна р. Камы (Котов, 2004; Нехорошев, Гиря, 2004; Щербакова, 2001). До сих пор в пещерных памятниках Приуралья не обнаружено ранних трапеций с боковыми выемками или наконечников стрел близких по форме к аренбургским, низок удельный вес усеченных ретушью

пластин и боковых ретушных резцов. Очень хорошим показателем является знаменитое жертвенное место в Камне Дыроватом на р. Чусовой, которое, судя по радиоуглеродной дате верхней части нижнего слоя, функционировало с начала позднеледникового. Здесь при наличии различных наконечников на пластинах и низких геометрических микролитов среднеуральского мезолита не найдено ни одной трапеции с боковыми выемками (Серигов, 2001).

Нам представляется, что в фациальной системе горных ландшафтов Среднего и Южного Урала, охота не базировалась на специализированном промысле, как на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины (лошадь, северный олень), а ориентировалась на различные виды плейстоценовой фауны, включая дикую лошадь, северного оленя, бизона и т.д. и здесь довольно рано, в начале поздней поры верхнего палеолита (Грот Столбовой) происходит развитие микропластинчатой индустрии и базирующейся на ней стандартной номенклатуры орудий. Очевидно, в ареале закрытого горного ландшафта составное охотничье вооружение было наиболее эффективно. Ранняя тенденция микролитизации пластинчатой индустрии и формирование составного вкладышевого вооружения наблюдается в позднем палеолите, именно в горных закрытых ландшафтах Кавказа и Крыма (Рогачев, Аникович, 1984. С. 220 – 222; Бадер, 1984. С. 272 – 301).

К сожалению, у нас совершенно нет данных о других формах производственной деятельности человеческих коллективов в финале палеолита Пермского Приуралья – рыболовстве и собирательстве. Однако они явно функционировали как вспомогательные формы жизнедеятельности древних общин. Промысел рыбы могут осуществляться в период нереста крупных лососевых особей, которых, очевидно, багрили костяными гарпунами или расстреливали из луков. В этом отношении рыбная ловля могла во многом напоминать методы поволоки или расстрела мигрирующих копытных животных.

Таким образом, в достаточно продолжительное время (до 2000 лет) в изменяющейся экосистеме Пермского Приуралья в различные периоды позднеледникового могли функционировать различные культурные хозяйственные ти-

пы. В позднеледниковья сохранялся специализированный промысел на северного оленя, обусловленный передвижением древних охотников за мигрирующими стадами. Однако, в периоды климатических позднеледниковых потеплений (беллинг, аллеред) с появлением лесных формаций в экосистеме региона человеческие коллективы, очевидно, переходили в сторону смешанного оседло – кочевого образа жизнедеятельности, занимаясь промыслом оленей в период сезонных миграций весной и осенью, в остальные времена года люди, обращались к охоте на традиционную лесную фауну. Кстати, именно в позднеледниковье, с появлением лесных формаций, появляются ранние рубящие орудия – топоры и тесла с односторонней обивкой с перехватами и без перехватов, которые постепенно к концу мезолита заменяются шлифованными изделиями (Макаров, Мельничук, 2000). С формированием лесов люди начинают заниматься собирательством. Развитая гидросистема региона с нерестилищами лососевых и осетровых рыб способствовала постепенному переходу к рыбному промыслу. В фациальном закрытом горном ландшафте даже в верхнюю пору позднего палеолита специализированная охота вряд ли существовала. Осуществлялся промысел различных видов плейстоценовой фауны. В конце палеолита – начале мезолита с переходом на промысел обычной лесной голоценовой фауны здесь намного раньше, чем в относительно равнинных пространствах Приуралья формируется микролитическая техника изготовления орудий труда и охоты.

4.3. Вопросы формирования и развития культуры финального палеолита в Пермском Приуралье. Проблема генезиса камского мезолита

Выявленные за последние три десятилетия на обширной территории Пермского Приуралья памятники каменного века, которые по геолого - геоморфологическим условиям и облику инвентаря относятся к финальному палеолиту позволяют заполнить ту хронологическую лакуну между палеолитом и мезолитом, которую в свое время О.Н. Бадер определял в качестве гипотетического «доогурдинского» этапа (Бадер, 1963. С. 17; 1966. С. 204).

Однако, как только яркий и своеобразный характер культуры древнего населения на грани позднего палеолита и мезолита стал вырисовываться сразу

же возникает проблема генезиса финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья. П. Ю. Павлов после открытия стоянки Горная Талица, предположил, что материальная культура финального палеолита Пермского Приуралья формировалась в более южных районах Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, куда в результате сильного похолодания в осташковский климатический минимум могли мигрировать группы населения, оставившие стоянку имени Талицкого. Впоследствии они участвовали в сложении усть-камской культуры, памятники которой по геоморфологическим данным исследователю представлялись более ранними. В процессе формирования усть-камская культура испытывала определенное влияние населения центральных районов Русской равнины, в связи с чем в ее материалах появилось разнообразие ретушных резцов и усеченных ретушью пластин. Затем, в период познеледникового потепления (*беллинг, аллеред* – А. М), произошло перемещение носителей усть-камской культуры в Пермское Приуралье (Павлов, 1988. С. 19; Павлов, 1996. С. 133).

Следует согласиться с Э.Ю. Макаровым, что радиоуглеродная датировка обожженных костей со стоянки имени Талицкого 18700 ± 200 (ИГН – 1907), свидетельствующая о функционировании ее ко времени близкому к осташковскому максимуму снимает тезис о незаселенности территории Пермского Приуралья в этот период (Макаров, 2000. С. 12). Таким образом, климатические условия жизни в Пермском Приуралье в первую половину осташковского времени были более суровы, чем в познеледниковье и объяснить миграцию только климатическим минимумом вряд ли оправданно. Например, судя по радиоуглеродным данным Гаринской стоянки, позднепалеолитическое население восточного склона Урала не покидало в осташковское время достаточно северные районы, находящиеся на одной широте с бассейном р. Чусовой (Серигов, 2004. С. 9). Обитатели стоянки имени Талицкого по преобладанию костей северного оленя в ее остеологическом материале явно специализировались в охоте на это мигрирующее животное. В период сезонных миграций приуральское население вслед за оленями уходило на юг, вполне возможно в бассейн р. Белой, где в южноуральских пещерах выявлены материалы, которые исследователи по тех-

нико-типологическим показателям рассматривают как промежуточные между стоянкой имени Талицкого и поселением Горная Талица (Котов, 2004; Нехоросhev, Гиря. 2004). От устья р. Чусовой до течения р. Белой расстояние не более 600 км. Возможно, в отдельные периоды сезонные миграции по долине р. Каме могли осуществляться в ее низовья в частности из области Оханского и Осинского Прикамья, где сконцентрированы памятники финального палеолита камско-воткинской группы.

Состояние современных источников позволяет утверждать, что именно носители культуры типа стоянки имени Талицкого стояли у истоков сложения финальнопалеолитической культуры в Пермском Приуралье. В материальной культуре стоянки имени Талицкого имеются достаточно таксономических признаков, которые впоследствии находят отражение в материалах памятников финального палеолита Пермского Приуралья – пластины с притупленной спинкой, шиповидные изделия, грубые рубящие орудия, грубопризматические, торцовые и уплощенные нуклеусы с параллельным принципом скалывания, пластины с выемчатым усечением, мелкие долотовидные орудия (рис. 106). Интересно, что в 1995 г. автором близ стоянки имени Талицкого найдено шиповидное орудие, изготовленное на широкой пластине из зеленой яшмы (рис. 106, 19). Отличие инвентаря стоянки имени Талицкого от памятников типа Горная Талица наблюдается только в малочисленности и невыразительности резцов и преобладании над ними скребков. Следует отметить, что техника усечения пластин характерна и для материалов Медвежьей пещеры, которая по радиоуглеродным данным относительно синхронна стоянке имени Талицкого. Исследователи отмечают то, что по многим технико-типологическим показателям памятники стоянка имени Талицкого и Медвежья пещера близки между собой (Щербакова, 2001. С. 167; Павлов, 2002. С. 202). Отдельные усеченные ретушью пластины и ретушные резцы выявлены в позднепалеолитическом комплексе Ганичата III. Таким образом, важный таксономический признак каменной индустрии финального палеолита, как усечение пластин ретушью, начинает формироваться в Среднем и Южном Приуралье уже в поздневалдайское время.

Определенное связующим звеном между стоянками имени Талицкого, южноуральскими пещерами Байсланташ, Кульюрт – Тамак, стоянками Игнatieвская II, Горная Талица является высокий удельный вес в инвентаре изделий из яшмы, что может свидетельствовать о сохранении определенных, возможно, сакральных традиций по отношению к этому минеральному сырью в позднюю и заключительную пору верхнего палеолита Приуралья. Естественно, на южноуральских памятниках изделий из яшмы намного больше. Это позволяет полагать, что охотники финального палеолита на северных оленей предпочитали использовать для изготовления узких пластин с притупленной спинкой, острий, миниатюрных долотовидных орудий качественную яшму с высокими изотропными свойствами. Древние общины охотников на северных оленей проникая из бассейна р. Белой в низовья р. Чусовой, очевидно, обнаружили выходы не только аллювиальной галечниковой сургучной яшмы, но и жильные месторождения полосчатой красно-зеленой или красно-синей яшмы, изделия из которой иногда покрыты желвачной шероховатой коркой. Предметы из аллювиальной галечной яшмы, но значительно реже, чем в чусовской группе памятников, выявлены на стоянках финального палеолита других районов Пермского Приуралья. Таким образом, традиции изготовления орудий из яшмы в Пермском Приуралье в позднюю и заключительную пору верхнего палеолита явно привнесена. Древнее население Пермского Приуралья осуществляло сезонные миграции в область Южного Приуралья, где имеются значительные месторождения этого качественного минерального сырья. Близкая картина наблюдается в Среднем Зауралье на памятниках эпохи мезолита с микролитическим инвентарем, среди которого выделяются изделия не только из местной яшмы, но из минерального сырья явно южноуральского происхождения. Однако исследователь памятников Ю.Б. Сериков полагает, что предметы из южноуральской яшмы, в частности ассиметричные низкие трапеции, попали в среду мезолитического населения Среднее Зауралье в результате обменных контактов (Сериков, 2002. С. 112). Нам представляется, что появление изделий из южноуральской яшмы в области Среднего Приуралья может отражать не обменные контакты, а, скорее всего,

сезонные перемещения древних охотников на юг и север в позднепребореальное – раннебореальное время.

Очень важным вопросом в определении истоков культуры финальнопалеолитического населения Пермского Приуралья является вопрос о генезисе симметричных и ассиметричных трапеций с боковыми выемками в ее материалах. Историографию вопроса о месте и происхождении трапеций в камском мезолите мы уже рассматривали в I главе (О.Н., Бадер, А.А., Формозов, М.Г. Косменко., Г.Н. Матюшин). Остановимся на современных взглядах появления и формирования этих орудий в финальном палеолите – раннем мезолите Волго-Камья и Урала. В свое время Г.Н. Матюшин рассматривал появление одиночных выемчатых трапеций в мезолите Пермского Приуралья как отражение событий, связанных с проникновением в регион населения из Южного Зауралья из ареала янгельской культуры (Матюшин, 1985. С. 91.). Однако это положение было умозрительным, так как в ареале янгельской культуры с низкими ассиметричными и симметричными трапециями высокие выемчатые изделия встречаются крайне редко (2 экз.). После установления относительной хронологической и культурной позиции памятников типа Горная Талица в каменном веке Пермского Приуралья вопрос о южноуральском происхождении этих изделий больше не рассматривался.

Учитывая, что материалы памятников рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена по многим технико - типологическим показателям, особенно по номенклатуре орудий, включающие помимо разнообразных ретушных резцов и трапеции с выемками, близки к финальному палеолиту Русской равнины, то логично было бы видеть истоки появления этих орудий из его ареала.

В свое время автор диссертации на X Уральском археологическом совещании в г. Перми в 1988 г. высказал мнение о появлении трапеций с боковыми отретушированными выемками в мезолите Пермского Приуралья на базе местной финальнопалеолитической каменной индустрии. К этой мысли, после находок трапеций с боковыми выемками на стоянке Пеньки привело то, что при вторичной обработке значительной части орудий стоянки Горная Талица (боко-

вые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины и удлинённые сколы) использовался принцип выемчатого ретуширования, иногда двойного, который распространен и на вновь открытых памятниках финального палеолита Пермского Приуралья. Правда, это предположение не нашло должного внимания, тем более в этот период доминировала концепция Г.Н. Матюшина о южно-уральском происхождении геометрических изделий в мезолите Среднего Приуралья. Одновременно положение об автохтонном происхождении трапеций с боковыми выемками в финальном палеолите Волго-Камье защищала М. Ш. Галимова (Галимова, 2001. С. 141).

Правда, несколько позднее, М. Ш. Галимова, учитывая вариабельность типов геометрических изделий в усть-камской и зимниковской культурах (Днепро-Донецкий регион) склонилась к выводу о том, что генезис этих орудий следует выводить из традиций культур с геометрическими микролитами Передней Азии и делает заключение о том, что «следует рассматривать Днепро - Донецкий и Средневожские регионы как контактные территории» (Галимова, 2001б. С.9).

Нам более приемлемо положение исследователей, занимающихся проблемами финального палеолита – раннего мезолита центральных областей Восточно-Европейской равнины, которые рассматривают генезис трапеций в области финальнопалеолитической иеневской культуры как самостоятельное явление в недрах постаренсбургской общности под влиянием природных и социально-экономических факторов.

В этом аспекте возникает, как и у памятников усть-камской культуры, проблема взаимоотношений культуры финального палеолита Пермского Приуралья с иеневской культуры Волго-Окского бассейна. Мы уже отмечали близкие в технико-типологические стороны между двумя достаточно отдаленными культурными системами – типы трапеций, унифасиальные топоры и тесла с перехватами, отдельные наконечники стрел аренсбургского и свидерского облика.

Появление подобных маркирующих изделий достаточно трудно объяснить как автохтонным происхождением, так и миграциями. На наш взгляд, на

территория Пермского Приуралья, находящейся на окраине Русской равнины, в период позднеледниковья окончательно сформировался, как и в центральных областях Восточной Европы, хозяйственно-культурный тип специализированных охотников на северных оленей, генезис которого отмечается уже в материалах поздней поры приуральского палеолита (Медвежья Пещера, стоянка имени Талицкого). В связи с этим на обширных равнинных пространствах Восточной Европы складывались финальнопалеолитическая культура с общими маркирующими признаками и выводить происхождение той или иной культуры из восточных областей или западных в ареале этой мощной древней исторической общности (постаренбургская?) на наш взгляд не продуктивно. Нам трудно представить, что идею изготовления шиповидных изделий на стоянке Горная Талица привнесена людьми из ареала финальнопалеолитических памятников гамбургской культуры Северной Европы (Bernd, 1996. S. 211 – 216. Abb 7; Rust, 1973. S. 123). Подобные орудия характерны для более древней стоянки имени Талицкого, оставленной также охотниками на северных оленей. Изготовление рубящих орудий из кварцита, унифасиальная и бифасиальная техника обработки каменных орудий традиционна для ранней и поздней поры верхнего палеолита. В связи с этим нет ничего необычного в появлении унифасиальных топоров и тесел с перехватами в материалах финальнопалеолитических памятниках Пермского Приуралья.

В сторону от восточного склона Урала, где не обнаружены стоянки охотников специализирующихся на северных оленей, фиксируется совершенно другая традиция каменной индустрии с ярко выраженным стандартным пластинчатым комплексом (Гари, Черноозерье II, Шикаевка). В этом отношении определять даже гипотетически, «сибирскую» подоснову финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья нет пока веских оснований.

Схожий с финальнопалеолитической эпохой процесс неожиданного появления общего маркирующего признака (двустороннеобработанные наконечники стрел костенковско-сунгирского типа) явной палеолитической общности проявились в Пермском Приуралье в раннюю пору верхнего палеолита. Это яв-

ление связано с открытием костенко-стрелецких памятников в регионе (Гарчи I, Гарчи V, Емельяниха. (Павлов, 2002. С. 2000; Павлов, Макаров, 1998). Характерно, что к стоянкам Пермского Приуралья ближайшим памятником этой культурной системы является Сунгирь. Кроме этого отмечается достаточно близкие технико-типологические параллели с донскими памятниками (V слой стоянки Костенки I). П.Ю.Павлов, используя гипотезу Н.В. Гладылина и Ю. Э. Демиденко о сложении костенковско-стрелецкой культуры на Урале на базе памятников типа Мысовой, предположил, что в качестве генетической их основы могут быть привлечены среднепалеолитические стоянки Пермского Приуралья типа Пещерный Лог (Павлов, 1992. С. 70).

На наш взгляд, памятники костенковско-стрелецкой культурной системы с определенными общими таксономическими признаками и локальными отличиями в каменной индустрии, распространяясь на огромных пространствах Русской равнины, как бы предвосхищают будущий ареал распространения финальнопалеолитических культур Восточной Европы. Носители костенковско-стрелецкой культуры, судя по материалам стоянки Гарчи I, были специализированными охотниками на лошадей, которым свойственна способность к дальним миграциям (Лазуков, 1965. С. 312). В связи с этим появление на обширной территории Восточной Европы в заключительный период верхнего палеолита памятников с общими маркирующими элементами в материальной культуре не является столь неожиданным. Поэтому вести дискуссии о месте происхождения костенковско-стрелецких комплексов с треугольными наконечниками стрел, также не продуктивно, как и искать прародину носителей геометрических микролитов в финальном палеолите Восточной Европы.

Таким образом, в своей основе финальнопалеолитическая культура Пермского Приуралья формировались на базе местных уральских памятников типа стоянки Талицкого, носители материальной культуры которой явно специализировались в промысловой деятельности на северного оленя. Определенные эволюционные изменения в каменной индустрии в сторону появления характерных черт финального палеолита (высокий удельный вес пластин в инвента-

ре, ретушные резцы, резцово-скребковый индекс, усечение ретушью пластин) иллюстрируют памятники Южного Урала, которые, по справедливому мнению исследователей, занимают по технико-типологическим признакам промежуточное хронологическое положение между стоянками имени Талицкого и Горная Талица. Ближе к концу плейстоцена территория Пермского Приуралья сформировалась своеобразная провинция обитания древних охотников на северных оленей, в культурном и социально-экономическом плане, тяготеющая к ареалам синхронных культур Восточной Европы.

В пребореальный период на территории Пермского Приуралья начинает формироваться камская мезолитическая культура с микролитическим инвентарем. Ранний этап мезолитической культуры Пермского Приуралья представлен памятниками типа Огурдино. Именно вещевые комплексы этих памятников (Огурдино, Шумково, Гремячий Ручей, Бор-Ленва, Крохово I, Половинное I) дают материалы, которые позволяют отметить их преемственность с финально-палеолитическими стоянками Пермского Приуралья. Это преемственность проявляется в том, что наравне с стандартным микролитическим комплексом орудий на стоянках этой стадии присутствуют трапеции с боковыми выемками (Огурдино – 6 экз.; Шумково – 5 экз., Крохово I – 1 экз.), боковые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины, срединные резцы, скошенные острия, рубящие орудия из кварцита (рис. 101 -105). При оформлении ретушью торцов пластин преобладает техника выемчатого усечения. Исследования памятников показали, что механического смешения комплексов финального палеолита и мезолита на этих стоянках, залегающих в верхних песчаных отложениях высоких боровых террас, исключается из-за совершенно разных геолого-геоморфологических условий их расположения. Примесь мезолитических микролитических комплексов к финальнопалеолитическим материалам может наблюдаться на памятниках, приуроченных к водораздельным плато, или к поверхности высоких коренных берегов рек, верхняя почва которых сложена суглинками. Однако явного совмещения комплексов финального палеолита и мезолита на памятниках Пермского Приуралья в настоящее время не зафиксиро-

вано. В эпоху мезолита в сравнении с периодом финального палеолита меняется состав минерального сырья для производства орудий. На мезолитических стоянках огурдинского типа совершенно отсутствуют орудия из темного кремнистого сланца (исключение: единичные изделия на поселении Огурдино), резко уменьшается количество изделий из аллювиальной галечной яшмы, характерного минералогического сырья эпохи финального палеолита Пермского Приуралья.

Огурдинские комплексы явно отражают процесс эволюции финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья в культуру камского мезолита с микролитическим инвентарем. В раннебореальный период архаичные элементы (по О.Н. Бадеру), характеризующие ранний мезолит Пермского Приуралья, постепенно вымываются из каменного инвентаря древнего населения региона. Каменная индустрия мезолитических охотников Пермского Приуралья приобретает стандартный микролитический облик, что хорошо иллюстрируют памятники типа стоянки Нижнее Адищево.

Серьезные изменения в материальной культуре древнего населения Пермского Приуралья были вызваны в раннем голоцене серьезной ландшафтной перестройкой, приведшей к формированию современной таежной зоны с традиционным фаунистическим комплексом. Для памятников эпохи мезолита Пермского Приуралья характерен высокий уровень микролитизации пластинчатого инвентаря. Техника изготовления составных орудий с вкладышами из узких пластин складывается в Приуралье и Зауралье в позднюю пору верхнего палеолита и рассматривать развитие микролитической пластинчатой индустрии в этих регионах под влиянием каких-то внешних культурных инноваций вряд ли оправданно. На формирование облика материальной культуры древнего населения Пермского Приуралья в раннем голоцене, как и в позднеледниковье, влияли в первую очередь экологические и ландшафтные условия. Мы уже отмечали, что наиболее ранние микролитические пластинчатые комплексы в регионе в заключительную пору палеолита формируются в горных и предгорных районах Урала. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что именно

приуральские и зауральские культуры отличаются высоким уровнем микролитизации и стандартизации каменного инвентаря (камский, зауральский, южно-уральский мезолит). Характерно, что в удалении к востоку или к западу от Уральского хребта уровень микролитизации инвентаря на мезолитических памятниках Русской равнины и Западно-Сибирской низменности или существенно уменьшается или отщеповая техника доминирует над пластинчатой. При подвижном образе жизни мезолитических охотников Пермского Приуралья возможно были какие-то контакты с инокультурными группами населения, но они совершенно не прослеживаются в археологических материалах. На памятниках Пермского Приуралья с микролитическим инвентарем нет того разнообразия геометрических микролитов южноуральского облика, свойственных для мезолитической культуры Среднего Зауралья. Нет данных и о проникновении в регион мезолитических общин центральных областей Русской равнины и Западной части Европейского Севера, маркирующим культурным признаком которых являются черешковые наконечники стрел на пластинах (Волокитин. 1997. С. 116; Ошибкина, 2004. С. 140 – 156).

Характерно, что отличия, отмеченные между культурами приуральских и зауральских памятников поздней поры верхнего палеолита (стоянка имени Талицкого, Горная Талица – стоянка Гари, Черноозерье II), четко определяются в мезолитических культурах этого региона. Мезолитическая культура Среднего Зауралья имеет много общих черт с мезолитом Южного Зауралья, связи с которым осуществлялись по восточному склону Уральского хребта (находки геометрических микролитов из южно-уральской яшмы). Явные связи Среднего Приуралья с Средним Зауральем фиксируются в пребореальное – раннепребореальное время, когда в верхнем течении р. Туры появляется раннемезолитические комплексы с выемчатыми трапециями огурдинского типа из бассейна р. Камы. По мнению Ю. Б. Серикова, раннемезолитические среднеприуральские общины охотников могли проникать в Зауралье не по р. Чусовой, а скорее по ее притокам, минуя водораздельные пространства (Сериков, 2001б. С. 29). Это привело к формированию в верхнем течении р. Туры особого локального вари-

анта мезолитической культуры Среднего Зауралья. Не исключено, что именно появление камских групп населения в Среднем Зауралье привело к сохранению в мезолите региона техники усечения пластин ретушью. В камском мезолите, на нижнеадищевском этапе его развития, техника усечения пластин ретушью исчезает. Мезолитические памятники Пермского Приуралья в культурном плане (уровень микролитизации, стандартизация каменного инвентаря) чрезвычайно близки к мезолитическим комплексам р. Белой (романовско-ильмурзинская культура, по Г.Н. Матюшину) и Нижнего Прикамья. Все эти микролитические памятники включались О.Н. Бадером в камскую мезолитическую культуру или А.Х. Халиковым в волго-камскую культурную систему. Характерно, что именно в заключительную пору верхнего палеолита здесь формируются в позднеледниковье достаточно близкие в культурном отношении памятники (усть-камская культура, финальный палеолит Пермского Приуралья, финальнопалеолитические пещерные памятники Южного Приуралья). Это свидетельствует о том, что в бассейне р. Камы как в конце плейстоцена, так и в раннем голоцене обитали древние общины, имеющие близкие формы хозяйственно-культурной жизнедеятельности, наиболее адаптированные к ландшафтным и экологическим условиям Приуралья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные в последние три десятилетия в Пермском Приуралье памятники, относящиеся к грани позднего плейстоцена – раннего голоцена (Горная талица, Усть-Сылва, Усть-Пожва I – V, Пеньки и др.) заполнили хронологическую лакуну между палеолитом и мезолитом («доогурдинский этап» по О.Н. Бадеру). В ходе исследований, накоплен значительный фонд источников по изучению финального палеолита Пермского Приуралья. Большинство выявленных памятников располагаются на берегах Камского и Воткинского водохранилищ. Географически памятники подразделены на 4 локальных группы: Первая группа (Чусовская) – стоянки Горная Талица, Верхние Гари, Усть-Сылва, Усть-Громотуха, Пеньки, Антыбары; вторая группа (Камско-Пожвинская) – Усть-Пожва I – VI, Горки, Русское Веретье, Гарчи II, Таман; третья группа (Камско-Воткинская) – Ягодное I, Окуловский Остров I – III, Рязанов Лог, Кресты II, Устиново Баской Лог; четвертая группа (Предуральская) – пещера Подземных охотников, грот Большой Глухой).

Приуральские памятники по геоморфологическому положению чрезвычайно близки к усть-камским памятникам финального палеолита, которые хорошо изучены геоморфологами. Эта близость проявляется приуроченностью площадок стоянок Пермского Приуралья к тыловым участкам I надпоймы, к краям и останцам II надпойменной террасы, к коренным берегам рек. Исключение составляет открытие в регионе памятников на водораздельных пространствах. Определенная геоморфологическая общность с усть-камскими комплексами проявляется и том, что артефакты выявленные на памятниках Пермского Приуралья залегают на контакте современной почвы с плейстоценовыми суглинками (Усть-Пожва III, Усть-Сылва, Антыбары). Между ними отмечается оподзоленный слой к средней части и низам, которого и приурочены находки. Скорее всего, данный слой маркирует какую-то реликтовую почву конца плейстоцена. На водораздельных пространствах (Кресты II, Устиново), и коренных берегах (Антыбары, Усть-Сылва) уровень современных

покровных отложений не превышает 0,4 – 0,5 м., и в результате антропогенного воздействия (многослойный памятник, распашка) артефакты поднимались на дневную поверхность. Наиболее интересна стратиграфическая ситуация на стоянке Кресты II, где в нижней части заторфованного слоя на контакте его с плейстоценовым суглинком выявлен очаг с каменными артефактами позднепалеолитического облика. Геоморфологическое положение памятника показывает, что в древности памятник был приурочен к остаточному позднеплейстоценовому озеру, побережье которого древние охотники могли посещать в период одного из поднеледниковых потеплений (беллинг или аллеред). Два финальнопалеолитических памятника (Горная Талица, Верхние Гари) к приурочены к тыловым участкам I надпоймы и относятся ко времени начальной стадии формирования борových террас на рубеже плейстоцена и раннего голоцена. Плохая сохранность в покровных суглинках и песках пыльцевого спектра, отсутствие фаунистического материала и радиоуглеродных датировок затрудняет хронологическое восприятие комплексов финального палеолита.

В поднеледниковую эпоху на территории Русской равнины существенные климатические изменения повлекли за собой перестройку ландшафтной и природной обстановки, что сказалось серьезным образом на характере материальной культуры древних охотников. Это нашло отражение в формировании в период поднеледниковья (беллинг – поздний дриасс) своеобразных культур Восточно-Европейской равнины, носители которых, развивая традиционную позднепалеолитическую резцовую технику, создают новые виды метательного вооружения (наконечники стрел на пластинах, трапеции). Сходные процессы протекали и на окраине Русской равнины в Волго-Камье (устыкамская культура) и в Пермском Приуралье.

Несмотря на особенности материальной культуры финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья, обусловленных более сложным рельефом этого региона и наличием характерной сырьевой базой для производства каменных орудий, в целом, ее формы развития органично связаны с позднепалеолитическими культурами Восточной Европы, обладающими развитой тех-

ников ретушного усечения пластин и высоким уровнем разнообразных резцов в орудийном наборе.

Поиск истоков культуры древних охотников Пермского Приуралья периода позднеледниковья в области Западной Сибири (П.Ю. Павлов) пока представляется необоснованным. Позднепалеолитическими памятники этого региона (Черноозерье II) если и обладают общими технико-типологическими чертами близкими к финальнопалеолитическим комплексам Пермского Приуралья, то только по стандартным формам орудий, не играющей культуруопределяющей роли при технико-типологическом анализе. Яркие признаки финальнопалеолитических комплексов Пермского Приуралья (техника выемчатого усечения пластин, разнообразные резцы, остря, трапеции, кварцитовые топоры и тесла), отсутствуют в материалах зауральских стоянок поздней поры верхнего палеолита

Состояние современных источников позволяет утверждать, что именно носители культуры типа стоянки имени Талицкого стояли у истоков сложения финальнопалеолитической культуры в Пермском Приуралье. В материальной культуре стоянки имени Талицкого имеются достаточно таксономических признаков, которые впоследствии находят отражение в материалах памятников финального палеолита Пермского Приуралья – пластины с притупленной спинкой, шиповидные изделия, грубые рубящие орудия, грубопризматические, торцовые и уплощенные нуклеусы с параллельным принципом скалывания, пластины с выемчатым усечением, мелкие долотовидные орудия. Отличия инвентаря стоянки имени Талицкого от памятников типа Горная Талица не существенны и базируются только на малочисленности и невыразительности резцов и преобладании над ними скребков в материалах памятника. Следует отметить, что техника усечения пластин характерна и для материалов Медвежьей пещеры, которая по радиоуглеродным данным относительно синхронна стоянке имени Талицкого. Отдельные усеченные ретушью пластины и ретушные резцы выявлены в позднепалеолитическом комплексе Ганичата III. Таким образом, важный таксономический признак каменной индустрии фи-

нального палеолита, как усечение пластин ретушью, начинает формироваться в Среднем и Южном Приуралье уже в поздневалдайское время.

Очень близки в культурном отношении к памятникам финального палеолита Пермского Приуралья материалы пещерных стоянок Южного Предуралья, где получены стратифицированные и датированные по радиоуглероду комплексы заключительной стадии плейстоцена (Байсланташ, Кульюр-Тамак, Игнatieвская). Материалы Южного Предуралья, имеющие явные общие технико-типологические черты с памятниками поздней поры верхнего палеолита Пермского Приуралья, дают нам основание использовать их комплексы как определенный культурно-хронологический репер. Он позволяет, как минимум, нижнюю дату комплексов финального палеолита приуральских памятников отнести к аллереду. Заключительную фазу финального палеолита определяет дата святилища в гроте Большой Глухой – начало пребореала. Не исключено, что наиболее ранними по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря являются водораздельными памятники – Кресты II, Устиново, которые возможно относятся к беллингу. Однако они требуют более детального геолого-геоморфологического изучения.

По определенным технико-типологическим показателям одним из ранних памятников может являться стоянка Горная Талица, имеющая явную генетическую близость с поздневалдайскими стоянками южных предуральских пещер (пластинки с притупленной спинкой, шиповидные изделия, боковые ретушные резцы, усеченные ретушью пластины, высокий удельный вес резцов в сравнении со скребками с резцово-скребковым показателем до 2, крупные рубящие и скребловидные орудия). Не исключено, что памятник можно отнести, не столько к аллереду, сколько к беллингу и молодому дриассу и он находится, очевидно, в одном культурно-хронологическом горизонте с материалами пещеры Байсланташ.

Основной пласт финальнопалеолитических стоянок Пермского Приуралья с отдельными геометрическими изделиями и наконечниками стрел (Анты-

бары, Усть-Сылва, памятники камско-пожвинской группы), очевидно, хронологически сопряжены с поздним дриасом

Учитывая близость финальнопалеолитических памятников Пермского Приуралья со стоянками усть-камской культуры Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, основной их исследователь М.Ш. Галимова в настоящее время отрицает возможность включения памятников типа Горная Талица и Сюкеевский Взвоз в единую культурную систему.

На наш взгляд, все приведенные исследователем особенности каменной индустрии стоянок приустьевой части р. Камы отражают лишь локально-территориальную их оригинальность. Основные определяющие черты комплексов Среднего Приуралья и Нижней Камы чрезвычайно близки. В связи с этим, мы считаем, что термин «усть-камская культура», принятый в свое время М.Г. Косменко совершенно не отражает ареал распространения этих единых как в культурном, так и в хронологическом отношении памятников. По нашему мнению, камско-приуральские финальнопалеолитические памятники, включающие усть-камские стоянки, сохраняя традиции поздней поры верхнего палеолита Урала (культура стоянки имени Талицкого) на рубеже позднего плейстоцена – раннего голоцена входили в единую культурно-историческую общность, которая развивалась на обширных равнинных просторах Восточной Европы.

Новейшие материалы по финальному палеолиту камско-приуральского региона позволяют полагать, что памятники рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена Волго-Камья и Пермского Приуралья, находясь на окраине Русской равнины, формировали своеобразный район или провинцию обитания древних охотников на северных оленей, общины которых генетически тяготели к финальнопалеолитическим культурам Восточной и Центральной Европы.

В раннепребореальное время в Пермском Приуралье формируется мезолитическая культура с микролитическим инвентарем типа поселения Огурдино. На памятниках огурдинского типа (Огурдино, Шумково, Гремячий Ручей, Поволовинное I, Бор-Ленва, Крохово I) микролитические пластинчатые стандартизированные материалы сопрягаются с архаичными (по О.Н. Бадеру) элемен-

тами материальной культуры, истоки которых наблюдаются в материалах финальнопалеолитических стоянок региона (трапеции с выемками, боковые ретушные резцы, срединные резцы, скошенные острия, чопперовидные орудия, кварцитовые топоры и тесла)

Огурдинские комплексы явно отражают процесс эволюции финальнопалеолитической культуры Пермского Приуралья в культуру камского мезолита с микролитическим инвентарем. В раннебореальный период архаичные элементы (по О.Н. Бадеру), характеризующие ранний мезолит Пермского Приуралья, постепенно вымываются из каменного инвентаря древнего населения региона. Каменная индустрия мезолитических охотников Пермского Приуралья приобретает стандартный микролитический облик, что хорошо иллюстрируют памятники типа стоянки Нижнее Адищево.

Таким образом, сложные и изменчивые геологические и палеогеографические условия в заключительную стадию позднего плейстоцена голоцена оказали существенное воздействие на характер материальной культуры древних охотников Пермского Приуралья. В этот период на окраине Русской равнины идут сложные процессы постоянного приспособления охотничьих коллективов к изменяющейся природной среде, что впоследствии привело к развитию и распространению классических микролитических индустрий мезолита.

Новые материалы свидетельствуют о том, что в бассейне р. Камы, как в конце плейстоцена, так и в раннем голоцене обитали древние общины, имеющие близкие формы хозяйственно-культурной жизнедеятельности, которые были наиболее адаптированы к ландшафтным экологическим условиям Приуралья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

1. Голдобин А.В. Отчет о раскопках Усть-Сылвенского городища в Пермском районе Пермской области в 1989 // Архив КА ПГПУ
2. Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках Верхнекамского отряда КАЭ ПГУ им. Горького и Областного краеведческого музея, проведенных в Чердынском, Чусовском и Добрянском районах Пермской области за 1973 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1., д. 1973, оп. 1.
3. Ленц Г.Т. Отчет о раскопках Шумковского поселения в Кишертском районе в 1985 г. // Архив КА ПГПУ
4. Ленц Г.Т. Отчет об охранных исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1986 г. // Архив КА ПГПУ
5. Лещенко В.Ю. Отчет об археологических раскопках Шумковской стоянки и разведки по р. Лек и р. Сылве в 1966 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1., д. 1966, оп. 1.
6. Макаров Э.Ю. Отчет о работах на Камском водохранилище в 1989 – 1992 гг. // Архив ОЦОП
7. Мельничук А.Ф. Отчет о разведках и раскопках в Пермском, Чусовском районах и пригородной зоне г. Березники Пермской области в 1982 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1, д. 1982, оп. 1.
8. Мельничук А.Ф. Отчет о разведках и раскопках в Ордынском, Пермском, Чусовском районах Пермской области в 1989 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1, д., 1989.
9. Оборин В.А. Отчет о разведках и раскопках КАЭ ПГУ в Чердынском районе Пермской области в 1962. // Архив КА ПГУ. Ф. 1, д. 1962, оп.. 1.

10. Оборин В.А. Отчет о разведка и раскопках в Пермской и Свердловской области в 1967. // Архив КА ПГУ. Ф. 1, д.1967., оп. 1.
11. Оборин В.А. Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1976 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1., д. 1976, оп. 1.
12. Чурилов Э.В. Отчет о разведке в Осинском районе Пермской области в 2000 г. // Архив КА ПГУ. Ф. 1., д. 2000, оп. 1.

II. Археологические коллекции.

1. Коллекция стоянки Верхние Гари. КА ПГУ - ВГ-96.
2. Коллекция стоянки Горная Талица. КА ПГУ- ГТ-76.
3. Коллекция стоянки Горная Талица. КА ПГУ- ГТ-84.
4. Коллекция стоянки Горная Талица. КА ПГУ - ГТ-95.
5. Коллекция стоянки Пеньки. КА ПГУ - № 1401
6. Коллекция стоянки Рязановский Лог. КА ПГУ -№ 1319
7. Коллекция стоянки Ягодное I. КА ПГУ -№ 1431a
8. Коллекция стоянки Антыбары. КА ПГПУ - № 7.
9. Коллекция поселения Усть-Сылва. КА ПГПУ - № 22.

Литература

1. Абрамова З.А. Поздний палеолит азиатской части СССР:Археология СССР. М., 1984. С. 302 – 34.
2. Авенариус И.Г., Мурашова М.В., Спасская И.Г. Палеогеография северной Евразии в позднем плейстоцене – голоцене и географический прогноз. М., 1978. 212 С.
3. Аникович М.В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. № 3. СПб., 1994. С. 144 – 157.
4. Археологический словарь каменных орудий. М., 1998. 38 с.
5. Бадер О.Н. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда Института геологических наук АН СССР // БКИЧП, № 13, 1949. С. 121 – 132.

6. Бадер О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро 1 на р. Чусовой // МИА. № 21. 1951. С. 7 – 32.
7. Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 82 – 92.
8. Бадер О.Н. Некоторые проблемы первобытной истории Урала // УЗ Молотовского государственного университета. Т. XI. Вып. 3. Харьков, 1956а. С. 45 – 57.
9. Бадер О.Н. Неолит и эпоха бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье // Конференция по археологии древней и средневековой археологии Поволжья в Казани 1956 г. М., 1956б. С. 35 – 38.
10. Бадер О.Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении // ТКИЧП. Вып. 13. 1957. С. 307 – 314.
11. Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала // МИА, № 79. 1960. С. 89 – 103.
12. Бадер О.Н. Поселение турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА, № 99, 1961. 200 с.
13. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья // Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени д.и.н. М., 1963. 42 с.
14. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА. № 126. С. 197 – 205.
15. Бадер О.Н. Изучение палеолита на Среднем и Южном Урале // АО 1965 года. М., 1966б. С. 44 – 46.
16. Бадер О.Н. Палеолит Урала и его значение для изучения древнейшего прошлого Евразии // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967. С. 7 – 11.
17. Бадер О.Н. Северная палеолитическая экспедиция // АО – 1968. М., 1969. С. 148 – 149.
18. Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // ВАУ. Свердловск, 1981. С. 44 – 48.

19. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. С. 244.
20. Бадер О.Н., Оборин В.А. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 годах // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. I. Пермь, 1960. С. 3 -33.
21. Бадер О.Н., Тихонов Б.Г. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка // УЗ МГУ. Вып. 166. С., М., 1954. С. 93 – 110.
22. Бадер Н.О. Поздний палеолит Кавказа : Археология СССР. М., 1984. С. 272 – 201.
23. Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. № 4. 1969. С. 5 – 22.
24. Близнецов Е.П. Пещера подземных охотников // Пещеры. Вып. 4 (5). Пермь, 1964. С. 22 – 25.
25. Близнецов Е.П. Обследование пещер в Пермской области // АО –1965. М., 1966. С. 113 – 114.
26. Брюсов А. Я. Мезолитическая неурядица // Историко –археологический сборник. М., 1962. С. 24 – 30.
27. Буров Г.М. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегда // СА. № 1. 1961. С. 247 – 255.
28. Буров Г.М. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Вып. 7. Сыктывкар, 1962. С. 88 – 97.
29. Буров Г.М. Вычегодский края. Очерки древней истории. М., 1965. 197 с.
30. Бутаков Г.Н., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной истории Волго-Камья. Казань, 1988. С. 4 – 19
31. Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б. Уральские Зори – мезолитический памятник нового типа в Среднем Зауралье // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань, 1996. С. 9 – 22.
32. Введенская Н.В., Спирин Л.Н., Болонкин Н.Б., Баканин Н.В., Волков С.Н., Игошев Г.М., Орлов Н.В. Структурно-геомрфологические особен-

- ности Пермского Прикамья // Вопросы ландшафтоведения, гидрологии и геоморфологии // Ученые записки Пермского государственного университета, № 196. Пермь, 1968. С. 115 -135.
33. Введенская Н.В., Болонкин Н.Б. Древние долины и аллювиальные отложения в среднем течении р. Камы // Аллювий. Вып. I. Пермь, 1970. С. 102 -118.
 34. Волокитин А.В. Новые данные по мезолиту Европейского Северо-Востока // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986.
 35. Волокитин А.В. Мезолит Приуралья // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники. С. 15 – 16.
 36. Волокитин А.В. Мезолит // Археология республики Коми. М., 1997. С. 91 – 145.
 37. Воробьев В.М. Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // СА. № 3. 1979. С. 35 - 47.
 38. Воронов А.Г. Биogeография. М., 1981. 99 с.
 39. Галимова М.Ш. Итоги раскопок двух мезолитических стоянок в устье р. Камы // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 4 – 14.
 40. Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1984 – 1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилища Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 5 – 16.
 41. Галимова М.Ш. О территории усть-камской культуры // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 6 – 16.
 42. Галимова М.Ш. Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Камья. Казань, 1996. С. 23 – 77.
 43. Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. Москва – Казань, 2001а. 272 с.

44. Галимова М.Ш. Мезолитические культуры с трапециями в бассейнах Волги и Днепра: Проблемы происхождения и исторических судеб. Казань, 2001. 17с.
45. Галимова М.Ш., Дедков А.П., Мозжерин В.И. Археологические доказательства стабильности плейстоценовых перигляциальных склонов в гумидном климате голоцена // Экзогенные процессы и эволюция рельефа. Казань, 1983. С. 65 – 76.
46. Генинг В.Ф., Петрин В.П. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985. 88 с.
47. Гладилин В.Н. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первобытный человек и природная среда (первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене). М., 1974. С. 71 -78.
48. Голдобин А.В. Раскопки Усть-Сылвенского городища в Пермском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 53 – 54.
49. Голдобин А.В., Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Исследование памятников каменного века в Пермском Приуралье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. с. 37 – 39.
50. Горецкий Г.М. Аллювий великих антропогенных прарек русской равнины. М.. 1964. 415 с.
51. Громов В.И. Палеонтолого-стратиграфическое изучение террас в низовьях р. Чусовой // БКИЧП. Вып. 11. 1948. С. 29 – 48.
52. Гурина Н.Н. Некоторые итоги и ближайшие задачи изучения мезолита СССР // КСИА. Вып. 149. 1977а. С. 4 – 6.
53. Гурина Н.Н. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР // КСИА. 149. 1977б. С. 20 – 30.
54. Гусенцова Т.М. Новые поселения эпохи мезолита и неолита в междуречье р. Камы и Вятки // СА, № 1. 1983. С. 130 – 146.

55. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 239.
56. Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении северо-востока Европы. Сыктывкар, 1987. 23 с.
57. Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки Пермского государственного университета. Т. XII. Вып. I. Пермь, 1960. С. 34 – 71.
58. Денисов В.П. Свидетели древности – камень, бронза, железа // На Западном Урале. Вып. 5. Пермь, 1969. С. 312 – 327.
59. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 19 – 25.
60. Долуханов П.М. Палеогеография мезолита северной Европы // МИА, № 126. 1966. С. 7-18.
61. Долуханов П.М. Мезолит: Экологический подход // КСИА. Вып. 149. 1977., С. 13 – 17.
62. Ермолов Л.Б. Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии // КСИА. Вып. 181. С. 40 – 44.
63. Ермолаева Н.М. Формирование мезолитических культур в связи с природной обстановкой // КСИА. Вып. 149. 1977. С. 17 – 20.
64. Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 92 – 139.
65. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1982. 174 с.
66. Зализняк А.А. Мезолит юго-восточного Полесья. Киев, 1984. 120 с.
67. Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 3 – 10.

68. Иванов А.П. Материалы к антропологии Пермского края // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. X. Вып. 1. Казань, 1881. С. 102 -117.
69. Истомин К.Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения волго-камских мезолитических культур // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань, 1993. С. 5 – 19.
70. Канивец В.И. Основные проблемы археологии Крайнего Северо – востока Европы // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967. С. 2 – 6.
71. Канивец В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // Материалы по археологии Северо-Востока Европы. Вып. 4. Сыктывкар, 1973. С. 3 – 23.
72. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит южной и восточной Прибалтики. М., 1977. 215 с.
73. Кольцов Л.В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА, № 3, 1985. С. 25 – 37.
74. Коренюк С.Н. Разведки на левобережье Воткинского водохранилища // АО – 1991. М., 1981. С. 153 – 154.
75. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Исследования каменного века // АО – 1983 г. М., 1985. С. 154 – 155.
76. Коренюк С.Н., Чурилов Э.В.. Группа памятников эпохи палеолита в Оханском районе Пермской области // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001. С. 45 – 46.
77. Коренюк С.Н., Чурилов Э.В. Верхнепалеолитическая стоянка Кресты II // Обнинские чтения. Вып. 3. Пермь, 2004. С. 19 – 28.
78. Косинцев П.А. Костные остатки копытных из пещер Южного Урала // История современной фауны Южного Урала. Свердловск, 1992. С. 44 – 60.
79. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3. 1972. С. 3 – 17.

80. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. М., 1977. С. 94 – 100.
81. Косменко М.Г. Итоги раскопок Татарско-Азизбейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 5-16.
82. Котов В.Г. Исследования палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский вестник. Вып. 5. Уфа, 2004. С. 36 – 56.
83. Ксензов В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья // РА, № 1. 1997. С. 5 – 20.
84. Кузьмина И.Е. Сравнительная морфологическая характеристика мамонтов Русской равнины, Урала и Якутии // Плейстоценовая и голоценовая фауна Урала. Вып. 1. Челябинск, 2000. С. 3 – 16.
85. Лазуков Г.И. Четвертичная фауна млекопитающих, ее стратиграфическое и палеогеографическое значение // Четвертичный период :(ледниковый период – антропогенный период). Т. II. Москва, 1965. С. 258 – 331.
86. Лазуков Г.И., Гвоздовер М.Д., Рогинский Я.Я., Урысон М.И., Харитонов М.Л., Якимов В.П. Природа и древний человек. М.. 1981. 233 с.
87. Лидер В.А. Четвертичные отложения Урала. М., 1976. 144 с.
88. Лисицын С.Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2000. 20 с.
89. Лисицын Н.Ф. Методы исследований палеолитических стоянок в зоне искусственных водоемов (на примере Красноярского водохранилища) // КСИА. Вып. 202. 1990. С. 65 – 68.
90. Лисицына Г.Н. К вопросу о возрасте террас Средней Камы // КСИА. Вып. 85, 1961. С. 31 – 37.
91. Лунев Б.С. Некоторые вопросы геоморфологии и четвертичной палеогеографии Среднего Прикамья // Материалы по геоморфологии и новейшей тектонике Урала и Поволжья. Вып. 1. Уфа, 1962. С. 96 -102.

92. Лунев Б.С., Кропачев А.М. Месторождения гравия, песка. Глин в Пермской области. Пермь, 1959. 146 с.
93. Лычагина Е.Л. Исследования в приустьевой части р. Чусовой // АО – 1995 г. М., 1996. С. 273 – 274.
94. Макаров Э.Ю. Местонахождение Таман // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С. 28 – 29.
95. Макаров Э.Ю. Финальный палеолит Прикамья в свете новейших данных // Коми-пермяки и финноугорский мир. Кудымкар, 1997. С. 101 – 111.
96. Макаров Э.Ю. Некоторые итоги исследования палеолита Среднего Приуралья // Наш край. Вып. 8. Кудымкар, 2000. С. 8 – 17.
97. Макаров Э.Ю. Палеолит Приуралья – итоги и перспективы // Оборинские чтения. Вып 2. Пермь, 2002. С. 3 – 9.
98. Макаров Э.Ю. Местонахождение Горка – новый мезолитический памятник в Пермском Приуралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1., Березники, 2001. С. 45 – 49.
99. Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Культура населения Среднего Приуралья на грани позднего плейстоцена – раннего голоцена в каменном веке Восточной Европы // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 31 – 32.
100. Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Кварцитовые рубящие орудия в мезолите Среднего Приуралья // Оборинские чтения. Вып. 1. Пермь, 2000. С. 8 – 9.
101. Матарзин Ю.М., Шкляев А.С. Гидрография // Пермская область. Пермь, 1959. С. 74 – 90.
102. Матюшин Г.Н. Мезолит и неолит Башкирии // Автореф. дис.....канд. ист. наук. М., 1964. 24 с.
103. Матюшин Г.Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. № 4. 1969. С. 23 – 48.

104. Матюшин Г.Н. Методы классификации массового инвентаря каменного века (верхний палеолит – энеолит) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 38 – 59.
105. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 367 с.
106. Матюшин Г.Н. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 33 – 48.
107. Матюшин Г.Н. Пятое Всесоюзное совещание по изучению четвертичного периода // КСИА. Вып. 173. 1983. С. 113 – 115.
108. Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // КСИА. Вып. 181. 1985. С. 87 – 91.
109. Матюшин Г.Н. Каменный век Южного Урала: Предуралье. Проблема становления производящей экономики // Автореф. дис.... докт. ист. наук. Киев, 1987. 33 с.
110. Матюшин Г.Н. Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. М., 1988. С. 21 – 60.
111. Мельничук А.Ф. Исследования в Пермской области // АО – 1982. М., 1984. С. 160 – 161.
112. Мельничук А.Ф. Новые материалы Огурдинского мезолитического поселения // СА. № 4. 1989. С. 244 – 249.
113. Мельничук А.Ф. Промысловые стоянки мезолитических охотников в бассейне р. Зырянки близ г. Березники Пермской области // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Свердловск, 2001. С. 19 – 36.
114. Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л. Новые позднемезолитические и раннеэнеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001. С. 142 – 161.
115. Мельничук А.Ф., Волокитин А.В., Лычагина Е.Л. Огурдинское поселение и его место в мезолите Приуралья // Проблемные вопросы исто-

- рии, культуры, образования, экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 16 – 17.
116. Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Работы на водохранилищах Пермского Приуралья // АО – 1985 . М., 1987. С. 193 – 194.
 117. Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 5 – 18.
 118. Монгайт А.Л. Археология СССР. М., 1955. 436 с
 119. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 263 с.
 120. Нейштадт М.И. Голоцен на территории СССР //ТКИЧП. Вып. 13. М., 1957. 404 с.
 121. Немкова В.К. Стратиграфия поздне – и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978. С. 4 – 48.
 122. Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004. С. 12 – 35.
 123. Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в поздней плейстоцене – голоцене. М., 1982. С. 78 - 112.
 124. Николаев С.Ф. Растительность // Пермская область. Пермь, 1959. С. 123 – 127.
 125. Николаев С.Ф. Животный мир // Пермская область. Пермь, 1959. С. 128 – 139.
 126. Оборин В.А. Камская археологическая экспедиция // Археология и этнографии Башкирии. Уфа, 1964. С. 198 – 206.
 127. Оборин В.А. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961 – 1966 гг. // Ученые записки Пермского государственного университета. Вып. 191. Пермь, 1968. С. 7 – 27.

128. Оборин А.И. Почвенный покров // Пермская область. Пермь, 1959. С. 91 – 102.
129. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983. 294 с.
130. Ошибкина С.В. Кремневые наконечники на памятниках мезолита севера Восточной Европы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 140 – 156.
131. Павлов П.Ю. Палеолит Северо – Востока Европейской части СССР // Атореф. дис..... канд. ист. наук. Л., 1988. 20 с.
132. Павлов П.Ю. Хронология и культурные связи верхнего палеолита Северо-Востока Европейской части России // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 67 – 71).
133. Павлов П.Ю. Палеолитические памятники северо-востока европейской части России. Сыктывкар, 1996. 193 с.
134. Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: Северо-Восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002. С. 192 – 2001.
135. Павлов П.Б. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы. Сыктывкар, 2004. 33 с.
136. Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарем в Верхнем Прикамье // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 3 -18.
137. Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар, 1998. С. 4 – 17.
138. Пермская губерния от «А» до «Я». Пермь, 2001. 711 с.
139. Петрин В.Г. Палеолитическое святилища в Игнатиевской пещеры в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. 206 с.

140. Печеркин И.А. Геодинамика побережий камских водохранилищ. Ч. 1. Инженерно-геологические условия. Пермь, 1966. 199 с.
141. Прокошев Н.А. Камская археологическая экспедиция 1935 г. // СА. № 1, 1936. С. 255 – 269.
142. Прокошев Н.А. Бассейн р. Камы // Археологические исследования в РСФСР 1934 – 1935. М. – Л., 1941. С. 117 – 132.
143. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971. 203
144. Рогачев А.Н. Некоторые вопросы изучения эппалеолита Восточной Европы // МИА, № 126, 1966. С. 9 – 14.
145. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма: Археология СССР. М., 1984. С. 162 – 271.
146. Русанова К.М. Работы в Коми-Пермяцком округе // АО – 1975. М., 1976. С. 202.
147. Сандлер И.С., Чазов Б.А. Географическое положение // Пермская область. Пермь. 1959. С. 17 – 18.
148. Серебряный Л.Р. Древнее оледенение и жизнь. М., 1980. 126 с.
149. Сериков Ю.Б. Мезолит Среднего Зауралья // Автореф. дис.....канд. ист. наук. Л., 1984. 19 с.
150. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Саратов, 1992. С. 37 – 38.
151. Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья // РА, № 1, 1998. С. 38-46.
152. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. 270 с.
153. Сериков Ю.Б. Палеолитические пещеры р. Чусовой и проблема первоначального заселения Среднего Зауралья // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 117 – 138.
154. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья // Автореф. дис.....докт. ист. наук. СПб., 2001б. 39 с.

155. Сериков Ю.Б. О контактах в мезолитической среде Среднего Зауралья // Уральский исторический вестник. № 8. Екатеринбург, 2002. С. 109 – 113.
156. Сериков Ю.Б. К вопросу о характере культурной принадлежности Гаринской стоянки // Уфимский археологический сборник. Вып. 5. Уфа, 2004. С. 5 – 11.
157. Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним население Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 42 – 57.
158. Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири: Археология СССР. М., 1989. С. 136 – 143.
159. Сеницына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 200. С. 61-71.
160. Сеницына Г.В. Сырье как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // Археологические вести. № 13. 2006. С. 34 – 44.
161. Смирнов Н.Г., Кузьмина Н.К. Динамика экосистем южного Зауралья в голоцене // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 23 – 33.
162. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990. 196с.
163. Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблема каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 68 – 91.
164. Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // СА, № 2, 2006а. С. 91 – 98.
165. Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА, № 4. 2006б. С. 134 – 141.
166. Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения М., 2006в. 214 с.
167. Сорокин А.Н. Мезолит Оки: Проблемы культурных различий. М., 2006г. 309 с.

168. Спирин Л.Н., Орлов Н.Ф. Цикличность рельефообразования и морфоструктура Пермского Прикамья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. Пермь, 1977. С. 62 – 73.
169. Спирин Л.Н., Шмыров В.А. Основные черты голоценовой тектоники и палеогеографии Пермского Приуралья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. Пермь, 1984. С. 107 – 113.
170. Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982. 174 с.
171. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 199 с.
172. Старков В.Ф. Мезолит Среднего Приуралья: Археология СССР. М., 1989. С. 125 – 133.
173. Старков Н.Н. Петрографические характеристики каменных орудий Хуторской стоянки // УЗ Пермского государственного университета. Т. XII. Вып. I, Пермь, 1960. С. 72 – 79.
174. Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой // БКИЧП. № 67. М. – Л., 1940. С. 136 – 140.
175. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. 1952. 224 с.
176. Таусон А.О. Водные ресурсы Молотовской области. Молотов, 1947. 324 с.
177. Телегин Д.Я. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе европейской части СССР // КСИА. Вып. 149, 1977. С. 30 – 34.
178. Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. Київ, 1982. 255 с.
179. Теплоухов Ф.А. Вещественные памятники каменного и бронзового веков в западной части Пермской губернии // ТПУАК. Вып. I. Пермь, 1892. С. 27 – 63.

180. Трусов А.В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. М., 2004. С. 42 – 52.
181. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. 126 с.
182. Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. № 1. 1972. С. 17 – 26.
183. Формозов А.А. Распространение сегментов и трапеций в каменном веке в Европейской части СССР // СА. № 1, 1973. С. 12 -19.
184. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. 142 с.
185. Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. 1966. С. 54 – 66.
186. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. 395 с.
187. Халиков А.Х. Некоторые теоретические аспекты перехода от одной археологической эпохи к другой (мезолит – неолит –энеолит) // Проблема изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988. С. 5 – 10.
188. Хотинский Н.А. Некоторые вопросы хронологии и палеогеографии Среднего Урала // ТКИЧП. Вып. 35. М., 1968. 198 с.
189. Черныш А.П. О номенклатуре позднепалеолитических орудий // КСИА. Вып 111. 1967. С. 3 – 11.
190. Чурилов Э.В., Коренюк С.Н. Новые охотничьи стоянки эпохи палеолита на острове Окуловский в Оханском районе Пермской области // Оборинские чтения. Вып. 2. Пермь, 2002. С. 9 – 17.
191. Широков В.Н., Волков Р.Б. Материалы стоянки каменного века Игнатьевская II // Уральский исторический вестник. № 14. Екатеринбург, 2006. С. 170 - 176.
192. Шмидт А.В. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Введение. Район Камы // Известия Академии истории материальной культуры. Вып. 109. М. – Л., 1935. С. 166 – 175.

193. Шмыров В.А., Болонкин П.Ф., Спирин Л.Н. Позднеголоценовая история Соликамской депрессии по геоморфологическим и археологическим данным // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил нечерноземного Урала. Пермь, 1977. С. 46 – 56.
194. Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994. 94 с.
195. Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Ближнецова на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной истории. Уфа, 2001. С. 156 – 169.
196. Яблонский Л. Т. Культуры ранних кочевников Южного Приуралья: проблемы терминологии, хронологии и типологизации (материалы к обсуждению) // Этнические взаимодействия на Урале. Челябинск, 2006. С. 68 – 74.
197. Яхимович В.Л., Немкова В.К., Вертицкая Н.П., Сухов В.П., Попов Г.Н. Кайнозой Башкирского Предуралья. Т. II. Ч.3. М., 1970. С. 58 -117.
198. Bernd W. Die Vor- und Frugeschichte des Burgenlandkreises // Archäologische Berichte aus Sachsen-Anhalt 1995, Halle (Saale). 1996. S. 193 – 291.
199. Rust A. Das alten steinzeitliche Reitierjager Meiendorf. Neumunster, 1973. S. 104 - 140

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия.

ВАУ - Вопросы археологии Урала.

БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета.

КА ПГПУ – Кабинет археологии Пермского государственного педагогического университета.

КАЭ ПГУ – Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета.

КСИА – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

М.-Л. – Москва – Ленинград.

ОЦОП – Областной центр по охране памятников истории и культуры.

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

СПб – Санкт-Петербург.

ТКИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода.

ТПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии.

УЗ МГУ - Ученые записки Московского государственного университета.

УЗ ПГУ - Ученые записки Пермского государственного университета.

